

Рух
Britannica

С. В. ИГНАТЬЕВ

**ШОТЛАНДИЯ
И АНГЛИЯ**

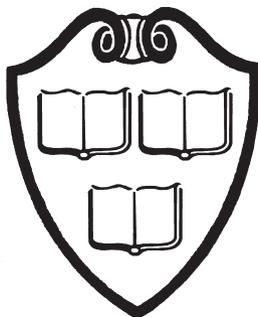
в первой половине XV в.

**ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ**

Рух Britannica

Редколлегия серии «Рух Britannica»:

*М. В. Винокурова, О. В. Дмитриева,
Т. Л. Лабутина, [М. В. Муха], Л. П. Репина,
Л. П. Сергеева, С. Е. Федоров, А. А. Чамеев*

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Sergey Ignatyev

**SCOTLAND
AND ENGLAND
IN THE FIRST HALF OF THE 15TH CENTURY
HIGH POLITICS
AND REGIONAL AMBITIONS**

St. Petersburg

ALETHEIA

2011

С. В. Игнатьев

**ШОТЛАНДИЯ
И АНГЛИЯ**

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

**ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ**

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙЯ

2011

УДК 941.1
ББК 63.3(4Вел)4
И26

Игнатъев С. В.

И26 Шотландия и Англия в первой половине XV в.: высокая политика и региональные амбиции / С. В. Игнатъев. — СПб. : Алетейя, 2011. — 167 с. — (Pax Britannica).

ISBN 978-5-91419-385-7

Исследование рассматривает комплекс англо-шотландских отношений в первой половине XV в., завязанных как на высокой политике Лондона и Эдинбурга, так и на региональных трендах, формируемых лордами англо-шотландского пограничья и знатью шотландского Лоуленда и Хайленда. Особое место в работе уделено участию Шотландии в англо-французском противостоянии в рамках Столетней войны и формированию шотландской политической модели при королях Джеймсе I и Джеймсе II. Ход и мотивы описываемых событий были реконструированы на основе широкого круга опубликованных нарративных и документальных источников Шотландии, Англии и Франции.

Для историков и социологов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей Шотландии и Англии и изучающих историю международных отношений в позднее средневековье.

УДК 941.1
ББК 63.3(4Вел)4

Ignatyev, Sergey

Scotland and England in the first half of the 15th century: High politics and regional ambitions. — SPb. : Aletheia, 2011. — 167 с. — (Pax Britannica).

ISBN 978-5-91419-385-7

The research covers the complex of relations between England and Scotland in the first half of the 15th century determined both by the high politics of London and Edinburgh and by regional trends shaped by the lords at the English/Scottish borders and the nobility of Scotland's Lowland and Highland. Special attention is paid to Scotland's involvement in the confrontation between England and France during the Hundred Years' War and creation of Scotland's political model under Kings James I and James II. The events discussed in the book and the motives behind them have been reconstructed on the basis of a wide range of published original accounts and documentary sources from Scotland, England and France.

The book is intended for historians, social scientists, lay readers interested in the history of Scotland and England and students of the history of international relations in the Late Middle Ages.

ISBN 978-5-91419-385-7

© С. В. Игнатъев, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

*Моим сыновьям
Борису и Фёдору
посвящается*

От автора

История Шотландии, несмотря на неугасающий интерес к этой стране, является, пожалуй, одной из самых малоизученных в исторической науке.

Продолжая усилия своих предшественников в науке, я стремился отразить на страницах своей работы всю сложность и порой драматичность истории этого островного кельтского государства.

В своём исследовании я затронул такие темы в истории Шотландии как формирование и укрепление королевской власти Дома Стюартов, отношения Эдинбурга с Лоулендом и с Хайлендом, влияние отношений лордов англо-шотландского пограничья на отношения королевских дворов Англии и Шотландии. Также были внимательно рассмотрены эволюция и влияние франко-шотландского военно-политического альянса на ход Столетней войны на ее завершающем этапе. В этой связи необходимо отметить, что отношения Шотландии с Англией и с Францией занимают особое место в данной работе.

Шотландия не только воевала с Англией и поддерживала Францию, но постоянно училась у этих двух государств. Примеры этому мы можем обнаружить как в «английском духе» правления шотландского короля Джеймса I (1424–1437), так и во «французской школе», которую мы можем обнаружить в политике его сына — Джеймса II (1437–1460). В конечном счете, именно способность учиться и умелый баланс между Англией и Францией — двумя сильнейшими державами XV в. — позволили Шотландии не только отстоять свою независимость, но стать заметным игроком на европейской политической арене того времени.

На протяжении всего времени работы над этим исследованием, мне оказывали поддержку мои коллеги и уважаемые наставники по кафедре истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета: Г.Е. Лебедева, Ю.П. Малинин и А.Ю. Прокопьев.

Хочу выразить огромную благодарность и слова признательности своим учителям по историческому ремеслу В.А. Якубскому и Л.П. Сергеевой, чьи советы, поддержка и «школа» нашли свое применение на страницах этой работы и приблизили ее появление на свет.

Я особенно признателен С.Е. Фёдорову за конструктивные советы и активное участие при работе над отдельными разделами книги. Без его участия и ценных замечаний многое из написанного, так и не вошло бы в финальный вариант данного исследования.

Введение

История англо-шотландских отношений первой половины — середины XV в. принадлежит к числу наименее изученных тем, касающихся международных отношений в эпоху позднего Средневековья. Между тем важность и перспективность исследования англо-шотландских контактов XV в. давно общепризнаны, в том числе, британской историографией. Показательно, что в последние десятилетия, когда заметно вырос интерес к истории отдельных регионов Великобритании и, в частности, Шотландии, выходит ряд специальных монографий, посвященных позднесредневековому периоду истории этого государства и его отношениям с Англией.

Проведенные исследования, равно как и выросшие на их основе обзорные труды, наглядно показали интенсивность и сложность англо-шотландских отношений, значительную степень вовлеченности Шотландии в систему международных отношений. В то же самое время они продемонстрировали настоятельную необходимость не только продолжить работу над обобщением накопленного материала, но и в той или иной мере, переосмыслить сам подход к изучению англо-шотландских отношений, в ряде случаев уточнив оценку их влияния на социально-политическое развитие Британских островов в первой половине XV в.

Актуальность настоящего исследования диктуется еще и тем, что разработка темы открывает определенные возможности для более глубокого анализа всего комплекса англо-шотландских социокультурных связей. Интеграционный подход к их изучению, на наш взгляд, должен основываться не только на определении форм и направлений внешней политики этих двух государств, изучении особенностей конфликтов между обоими государствами, но и на исследовании социально-политических

процессов, протекавших на сопредельных им территориях, а самое главное, — роли и месте региональной знати в системе этих отношений.

Предмет исследования составляют англо-шотландские отношения на протяжении первой половины XV в. При этом основной акцент в их изучении делается на их шотландскую составляющую, как наименее изученную в современной историографии.

Хронологические рамки работы — охватывают 1399–1463 гг. Нижняя граница определяется Ланкастерским переворотом в Англии, вызвавшим резкое обострение отношений между Англией и Шотландией; верхняя грань обозначена заключением в 1463 г. мирного договора между Шотландией и Англией закрепившего итоги удачной для шотландцев военной кампании.

Источниковую базу настоящего исследования составляет обширный комплекс разнородных документальных и нарративных источников, содержащих информацию об англо-шотландских отношениях в рассматриваемый период.

В работе были использованы официальные документы времен царствования Генриха IV, Генриха V и Генриха VI, опубликованные Т. Раймером¹ и Ф. Хинджестоном². Если у Т. Раймера собрана, главным образом, переписка с иностранными дворами и официальные межгосударственные договоры, то в собрании королевских бумаг, изданном Ф. Хинджестоном содержатся письма английских лордов и прелатов, адресованные короне. В частности, этот сборник содержит богатую коллекцию всевозможных прошений, обращенных к королю, корреспонденция чиновников и знати из северных графств. Кроме того, при рассмотрении хода переговоров в 1423–1424 гг. об освобождении Джеймса Стюарта из английского плена привлекались Казначейские свитки Шотландии³.

Сведения о пограничной знати обоих королевств (семействах Перси, Невиллов, Дугласах, Данбарах и др.) в значительной мере почерпнуты из «Полного состава пэров», составленного Дж. Кокейном.⁴ Издание

¹ Foedera Conventiones, Literae, et Cujuscunq̄ue Generis Acta Publica, inter Reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates, ab Incunte Saeculo Duodecimo viz ab Anno 1101, ad nostra usque Tempora, Habita aut Traetata. Londini, 1709. Vol. I–XV.

² Royal and Historical Letters during the Reign of Henry IV. / Ed. by F.C Hingeston. L., 1860.

³ Rotuli Scaccarii Regnum Scotorum. The Exchequer Rolls of Scotland. / Ed. by G. Burnett Edinburgh, 1880. Vol. I–XXII.

⁴ Complete peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom extinct or dormant. / Ed. by G.E.C.L., 1887. Vol. I–VIII.

охватывает всех английских, шотландских и ирландских носителей титулов с древнейших времен до конца XIX века. Составитель строго придерживался установленного им формуляра. О каждом носителе титула, если это позволяли источники, дается информация о дате и месте рождения, а нередко и о других деталях биографии: указывается время вступления аристократа в брак, приобретение титула и владений и т.п. Биографические данные о каждом персонаже снабжены ссылками на зачастую недоступные для нас источники из архива герольдмейстерской службы и т.д. Официальная информация дополнялась Дж. Кокейном сведениями, почерпнутыми из нарративных источников — хроник и эпистолярии. В некоторых случаях там приводятся генеалогические древа знатных семей.

Задачами данного исследования продиктовано обращение, главным образом, к материалу английских и шотландских хроник, который, помимо всего, дает возможность в ряде случаев выявить степень информированности общества о взаимоотношениях двух королевств и его реакцию на происходящие события.

Среди английских памятников особо выделяется «Хроника монастыря Сент-Олбани аббата Уолсингэма»¹, продолжающая хронику монастыря Сент-Олбани, начатую еще Матвеем Парижским в первой половине XIII в. Описывающий события, начиная со второй половины XIV в. Томас Уолсингэм (ум. ок. 1422 г.), был близок к английскому королевскому двору и хорошо информирован о современных ему делах. В его труде, очень важном для изучения времен Ричарда II, Генриха IV и Генриха V, значительное место отводится событиям на англо-шотландской границе и таким влиятельным фигурам этого региона как Генри Перси, граф Нортумберленд и Арчибальд Дуглас, граф Дуглас.

Другой английский хронист — Джон Кэпгрейв (1393–1464), известен, прежде всего, своими теологическими сочинениями и житиями святых. Он преподавал теологию в Оксфордском университете, а позже вступил в августинский монастырь в Линне, где стал приором. Там же он приступил к написанию своей «Хроники Англии», которую смог довести лишь до 1420-х гг. Этот памятник, хотя и пользуется неоднозначной репутацией у историографов², является ценным источником сведений о временах правления короля Генриха IV и особенно — об обстановке

¹ *Chronica monasterii S. Albani Thomae Walsingham, quondam monachi S. Albani, historia Anglicana* / Ed. by H. Th. Riley. L., 1864.

² См. *Вайнштейн О.Л.* Западно-европейская средневековая историография. М.—Л., 1964. С. 207.

в северных, — пограничных с Шотландией графствах Англии. Именно Кэпгрейв первым сообщает о распространившихся в Северной Англии после Ланкастерского переворота слухах о том, что: «Ричард II спасся, живет в Шотландии и вскоре должен вернуться. По возвращении он вознаградит всех тех, кто принял его сторону»¹.

Для освещения событий в Англии с 1412 г. по 1460 гг., была привлечена хроника Эдуарда Холла² (ум. 1547 г.). Его деятельность по публикации английских исторических источников и его собственные исторические сочинения широко известны, в частности, на его труд «Единение Ланкастеров и Йорков» (1548) опирался У. Шекспир.

Среди шотландских хронистов выделяется Уолтер Боуэр³ (ум. ок. 1449) с 1417 г. являвшийся аббатом монастыря Инккольма. Свою хронику он начал писать в 1441 г., положив в ее основу хроники своих предшественников XIV в.: Эндрю Уингтауна и Джона Фордуна. Хронику Боуэра отличает повышенное внимание к деталям, которые касаются внешней политики Шотландии, будь то набеги шотландских лордов на Англию или участие шотландского корпуса в военных действиях на стороне дофина во Франции. Повествование в хронике обрывается на событиях 1447 г.

Хроника Пласкардена⁴ — один из ключевых источников по политической истории Шотландии XV в. Пласкарден — фактически, единственный хронист, который детально сообщает о ходе переговоров по поводу освобождения принца Джеймса из английского плена и о политике молодого шотландского короля по возвращении на родину.

Ценную информацию о политической и социальной жизни Шотландии и особенно Хайленда содержит составленный на рубеже XV–XVI вв. Гектором Боэцием свод локальных хроник XIII–XV вв., относящихся, главным образом, к Центральной и Юго-Западной части Шотландии⁵. Создатель этого свода — Боэций (1465–1536) получил прекрасное образование в Данди и Париже. Вернувшись в Шотландию, он занимал видные должности в университете Абердина, а также был викарием в Таллинессле. Он является автором «Шотландской истории» впервые

¹ The chronicle of England by John Capgrave. / Ed. by F.C. Hingeston L., 1859.

² Hall's Chronicle containing the History of England during the reign of Henry IV and Succeeding Monarchs. L., 1809.

³ Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri, Insula Sancti Columbae Abbatis. Vol. II, Edinburgh, 1752. Vol. I–II.

⁴ The Book of Pluscarden. / Ed. by F.C. Skene. Edinburgh, 1888.

⁵ The buik of the cronicles of Scotland or Metrical version of history of Hector Boece by William Stewart / Ed. by W.B.Turnball esq. L., 1858. Vol. I–III.

изданной в 1526 г., которая охватывала период от сотворения мира до второй половины XIV в.

В данной работе активной используется хроника Жана де Ваврена¹ — французского рыцаря, в 1410-е гг. находившегося при шотландском дворе. Свежесть взгляда французского шевалье, для которого многие особенности шотландской политики были внове, дает хронисту возможность под иным углом зрения, чем его английские и шотландские коллеги, воспринимать события в Британии.

Из французских хроник были привлечены хроники монастыря Сен-Дени² и хроника Монстреле³ — труды широко известные, являющиеся основными источниками при освещении событий Столетней войны. Они, в частности, содержат ценную информацию о шотландском корпусе и его роли в кампаниях 1420-1424 гг. Надо отметить, что Монстреле подробно и с высокой достоверностью описывает события, которым он был очевидцем, основываясь на только ему доступных источниках.

Ценным дополнением к ним послужила хроника архиепископа Реймского Жана Ювенала дез Юрсена⁴, сравнительно малоиспользуемый в историографической практике памятник. Хроника дез Юрсена, написанная в 20-30 гг. XV в., существенно дополняет сведения о том периоде, когда решающую роль в ходе Столетней войны играл шотландский корпус. На основании свидетельств архиепископа, равно как и Монстреле, появляется возможность сопоставить французскую версию событий, связанных с действиями шотландского корпуса на службе дофина, с английской и шотландской трактовкой происходящего.

Интерес к истории англо-шотландских отношений столь заметный уже в современных событиям хроникам, в XVI в. ярко проявил себя в труде шотландского историка-гуманиста **Джорджа Бьюкенена** (ум. в 1582) «*История Шотландии*» («*Regum Scoticarum historia*»). Дж. Бьюкенен,

¹ Recueil des croniques et anchiennes histoires de la Grant Bretagne, a present nomme engleterre par Jehan de Wavrin, seigneur du Forestel / Ed. by W. Hardy. L., 1868. Vol. I-II.

² Chronique du religieux de St-Denys, contenant le regne de Charle VI de 1380 a 1422 / Ed. par M.L. Bellaguet. Paris, 1841. Vol. I-IV.

³ The Chronicles of Enguerrand de Monstrelet; containing an account of the cruel civil wars between the houses of Orlean and Burgundy. Translated by Johnes Thomases in 13 Volumes. L., 1810.

⁴ Histoire de Charles VI, Roy de France, et des choses memorables advenues durant quarante-deux annees de son regne, depuis 1380 jusques a 1422 par Jean Juvenal des Ursins archeveque de Rheims // Nouvelle collection des Memoires pour servir a l'histoire de France. P., 1836 Vol. I-II.

игравший видную роль в политической жизни Англии в правление Елизаветы I, писал, свой труд, будучи наставником юного шотландского короля Джеймса VI, взошедшего позже на английский престол. Книга вышла в свет в 50-х гг. XVI в., а в 1690 г. «История Шотландии» была переведена на английский язык и издана в Лондоне¹. Дж. Бьюкенен, опираясь на источники, позднее утерянные, не только попытался определить роль шотландцев в Столетней войне, но и затронул проблематику англо-шотландского пограничья. Последователь Бьюкенена **Джон Споттисвуд** в «*Истории шотландской Церкви*»² кое в чем дополнил сведения, приводимые Бьюкененом, объяснив остроту англо-шотландских противоречий особенностями национального характера шотландцев, издревле не желавших подчиняться давлению со стороны английской короны и, поэтому готовых поддержать любых ее противников. С английской стороны эту тему затрагивал **Уильям Кэмден** в своей «*Британике*». Историк рассматривал английскую политику в отношении Шотландии этого периода как попытку расширить сферу влияния на севере острова и ликвидировать очаг французской угрозы на севере страны, которым для Англии, несомненно, являлась Шотландия, имевшая прочные и долгие союзные отношения с Францией³.

Заложенные в XVI–XVII вв. традиции в освещении англо-шотландского конфликта определили направление дальнейших разработок этой темы в историографии XVIII в. и, отчасти, сохранили свое значение в позднейших работах историков. **Дэвид Юм** в «*Истории Англии*» обратил особое внимание на англо-шотландские противоречия в XIV–XV вв., акцентировав попытку Шотландии добиться самостоятельной позиции в англо-французском соперничестве. Автор, достаточно подробно описав годы пленения Джеймса I, остановился на комплексе мер, предпринятых им для укрепления королевской власти Шотландии⁴.

В конце XVIII — начале XIX в., по мере дальнейшего развития исторической науки, постепенно возрастал и интерес к истории Шотландии и англо-шотландским отношениям. В двухтомной «*Истории Шотландии*» **Уолтера Скотта**⁵, вышедшей в свет в 30-е гг. XIX в., воззрения

¹ *Buchanan G. P. History of Scotland. L., 1690.*

² *Spottiswood J. The History of the Church of Scotland, beginning the Year of Our Lord 203, and continued to the end of the Reign of King James the IV. L., 1655.*

³ *Camden W. Britania. L., 1585 P. 273–278.*

⁴ *Hume D. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688 L., 1822 Vol. IV.*

⁵ *Scott W. History of Scotland. Paris, 1831.*

Д. Юма были дополнены и романтизированы: описания шотландской волницы, борьбы против английского насилия, сопровождались экскурсами, дающими представления о богатстве и многогранности шотландской культуры, давних исторических традициях, о самобытности исторического пути, пройденного Шотландией.

Дальнейшему изучению англо-шотландских отношений способствовало введение в научный оборот новых, в том числе, локальных источников: хроник отдельных монастырей, приорств, крупных кланов и семейств¹. Впрочем, надо заметить, что круг таких источников довольно узок и многие из них обрываются концом XIV в. Детализированная, с привлечением новых материалов панорама англо-шотландских отношений первой половины XV в. начинает входить, неотъемлемой частью в труды, посвященные истории двух государств².

Среди работ такого плана, появившихся на протяжении XIX — начала XX вв., выделяются исследования Дж. Уайли и Э. Лэнга. При рассмотрении англо-шотландских отношений **Дж. Уайли** в его «*Англии при Генрихе IV*»³ интересовала, прежде всего, высокая политика, отношения между Лондоном и Эдинбургом. Столкновения на пограничье в начале XV в. воспринималась автором, прежде всего, под углом зрения территориальных устремлений первого Ланкастера и знаменитого семейства Перси. Уделяя достаточное место королевской политике, полагая, что именно Лондон определял характер отношений с Шотландией и реально руководил действиями северо-английских лордов на пограничье, Дж. Уайли при рассмотрении проблем, связанных с самим нобилитетом, часто недооценивал роль пограничной знати в эскалации пограничных конфликтов.

Схожие подходы характерны и для четырехтомной «*Истории Шотландии*» **Эндрю Лэнга**⁴. Он сосредоточивает свое внимание на проблемах политической истории Шотландии. Следует отметить, что этот историк привлек не только давно вошедшие в научный оборот источники, но и хроники хайлендских монастырей, а также летописи отдельных

¹ John Benet's chronicle for the years 1400 to 1462 / Ed. L. Harris etc. // Camden Miscellany L., 1972. Vol. XXIV; The Original Chronicle of Scotland by Andrew of Winton; prior of St. Sheriff's Inch in Loch Levin. Ed. Laing, D. Edinburgh, 1872.

² Lindsay R. The History and Chronicles of Scotland L., 1899–1911 Vol. I–II; Denton R. W., England in the XVth century. L., 1888.

³ Wylie J.A. England under the reign of Henry IV. L., 1888-94. Vol. I–IV.

⁴ Lang A. A History of Scotland from the Roman occupation. Edinburgh&London, 1906. Vol. III.

хайлендских кланов, что позволило ему обосновать предположение о наличии целенаправленной политики Лондона в отношении пограничных регионов и о попытке английской стороны именно таким образом влиять на отношения с шотландской столицей.

В течение долгого времени тема англо-шотландских отношений главным образом освещались в трудах скорее обзорного, чем исследовательского характера, при этом тема англо-шотландских отношений являлась для историков периферийной¹. Вплоть до 30–40х гг. минувшего столетия литература, касавшаяся проблем англо-шотландского пограничья, предпочитала рассматривать интересующие нас события с точки зрения англичан. Позиция соперников Англии ее практически не интересовала.

Однако, как показали работы Е. У. Бальфур-Мелвилла и Дж. Ллойда, подобная тенденциозность стала постепенно преодолеваться. **Е. У. Бальфур-Мелвилл**² в своем детальном исследовании «*Джеймс I*» акцентировал внимание не столько на действиях англичан, сколько на политике самого Джеймса I, увязывая в единый комплекс его внутреннюю политику и внешнеполитические устремления. Работа **Дж. Ллойда** «*Оуэн Глендоуэр*»³ удачно заполнила существовавший до тех пор историографический вакуум, вводя в научный оборот ранее неизвестные материалы, касающиеся отношений Англии с Уэльсом в этот период и, самое главное, — показав зависимость этих отношений от динамики развития англо-шотландского пограничного конфликта.

Скудность специальных работ по истории англо-шотландских отношений XIV–XV вв. во многом определялась сложившейся в науке привычкой концентрировать свое внимание на ведущем конфликте этого периода — Столетней войне⁴. Такие политические партнеры, как, например, Шотландия, составлявшие в этом конфликте отдаленную политическую и географическую периферию, фактически оставались вне поля зрения историков, которые удостаивали шотландский корпус, выступавший на французской стороне, лишь самых общих упоминаний и замечаний⁵.

¹ *Wylie J., Waugh W.T.* The Reign of Henry V. 3 vols. Cambridge, 1914–1924.

² *Balfour-Melville E.W.M.* James I King of Scots. L., 1936.

³ *Lloyd J.* Own Glendower. Oxford, 1931.

⁴ См., например: *Vickers K.H.* Humphrey, Duke of Gloucester. L., 1907; *Newholl R. A.* The English Conquest of Normandy, New Heaven, 1924; *Wedgewood J.C.* History of Parliament, Biographies of Members of the Commons House, 1439–1509. L., 1936.

⁵ *Oman C.* A history of the art of war in the Middle Ages. L., 1924; *Howard M.* War in European history. Oxford, 1976; *Contamine P.* War in the Middle Ages. Oxford, 1984.

Не менее живучей оставалась традиция сосредотачиваться на воевой стороне дела, на описании сражений, вольно или невольно, пренебрегая их политической подоплекой¹. При этом английские историки явно ощущали нехватку опубликованных шотландских источников. Здесь давала о себе знать также и вызывавшая сильные нарекания организация архивов в самой Шотландии. Ситуация стала меняться в послевоенные годы XX в., когда и в Англии, и в самой Шотландии возрастает интерес к локальным исследованиям, базирующимся в основном на разысканных в местных архивах и хранилищах документах. Благодаря этому появились солидные работы по истории отдельных семей, в том числе, и известных пограничных кланов². Все это дало стимул появлению ряда работ, где накопленные сведения углубленно систематизируются и анализируются.

Знаковым, если так выразиться, исследованием, отразившим состояние изучения событий XV в. в послевоенной британской историографии является труд **Э.Ф. Джекоба** «Пятнадцатый век»³. Ученый, перу которого также принадлежит обстоятельная монография «*Генрих V*»⁴, во многом продолжил традицию, которая была заложена Кристофером Кингсфордом еще в начале 1900-х гг⁵. Джекоб — знаток эпохи правления Генриха V, не ставил своей целью специально осветить развитие англо-шотландских связей. Тем не менее, им отмечены узловые моменты в истории англо-шотландских и франко-шотландских отношений. В частности, автор рассмотрел деятельность баронской оппозиции и его лидеров на севере Англии в первое десятилетие XV в., ход и характер англо-шотландских пограничных конфликтов в контексте европейской международной политики XV в. Судьбам же отдельных аристократических семей он уделил настолько большое внимание, что у него получилось, по словам Н. Ф. Кантора, «парад герцогов и графов»⁶.

¹ См., например: *Turner H.L.*, *Town defence in England and Wales. An architectural and documentary study A.D. 900–1500.* L., 1970; *Curry A.* *The first English standing army? Military organization in Lancastrian Normandy, 1420–1450.* Gloucester, 1979; *Vale M.G.A.*, *War and chivalry. Warfare and aristocratic culture in England, France, and Burgundy at the end of the Middle Ages.* L., 1981.

² *Thornton-Kennedy C.* *Bonnet Lairds.* Montrose, 1972; *Sayer M.J.* *English Nobility.* Norwich, 1979; *Houlbrooke R.A.* *The English Family, 1450–1700* L., 1984.

³ *Jacob E.F.* *The XVth century.* Oxford, 1968.

⁴ *Jacob E.F.* *Henry V and the Invasion of the France.* L., 1947.

⁵ *Kingsford C.L.* *Henry V.* L., 1923.

⁶ *Norman Cantor F.* *The English: A History of Politics and Society to 1760.* N.Y., 1967.

Подъём национального движения в Ирландии и Шотландии в 1970-е гг., стимулировал рост интереса к истории, имевших кельтские корни королевств, на британских островах, в этом контексте англо-шотландские отношения приобрели особое звучание.

Показательной в этой связи является работа **Рональда Никольсона** «*Шотландия в позднее средневековье*»¹, которая охватывает период с середины XIV в. до конца XV в. Исследуя англо-шотландские отношения, Р. Никольсон привлек обширный круг источников нарративного и документального характера, в том числе, акты шотландского и английского парламентов, анналы шотландских приграничных монастырей и прочее. Рассматривая англо-шотландские отношения с позиций высокой политики и даже буквы договоров между Англией и Шотландией, автор в ряде случаев удачно осветил деятельность шотландских политиков. В сравнении с предшествующими работами (такими как, например, уже упомянутая работа Э. Лэнга) исследование Р. Никольсона отличается значительно более глубокий анализ политической и социальной жизни Шотландии в период позднего Средневековья. Вместе с тем концентрация внимания на чисто шотландской истории и известная недооценка важности и своеобразия англо-шотландского пограничного региона создают далеко не во всем достоверную картину политической ситуации в Шотландии XV в.

Показательной с точки зрения характеристики современной западно-европейской историографии является трактовка событий XV в. в появившихся на рубеже XX–XXI вв. М. Брауна, Р. Ломаса, А. Макдональда и др.

Если описывая конфликты на англо-шотландском пограничье, исследователи вплоть до недавнего времени мало учитывали специфику пограничного региона, то в монографии **Алистера Макдональда** «*Кровопролитие в пограничье*»² впервые углубленно рассмотрена социально-политическая ситуация на пограничье в период с 1369 г. по 1403 г. Автором изучены комплекс указов лордов Островов, хроники Уэльса, а также государственные бумаги и королевские письма, относящиеся к пограничью, летописи пограничных монастырей, хроники отдельных знатных семей пограничья и т.д. При освещении истории «пограничных войн» на англо-шотландской границе он привлек и проанализировал ряд источников, ранее остававшихся вне поля зрения историков. А. Макдо-

¹ *Nicholson R.* The later Middle Ages: Scotland. Edinburgh, 1974.

² *MacDonald A. J.* Border bloodshed. Scotland, England and France at war, 1396–1403. East Linton, 2000.

нальд, выясняя причины вызвавшие «пограничные войны», особо отметил не только политические, но и этносоциальные мотивы конфликтов.

Небезинтересно сопоставить труд шотландского историка **Майкла Брауна** «Джеймс I»¹ с упомянутой выше монографией Е. Бальфура-Мелвилла, который, одобряя «парламентаризм» (то есть стремление Джеймса I найти опору своей политике в шотландском парламенте в первые годы своего правления), при этом «закрывал глаза» на темные стороны правления шотландского монарха, М. Браун стремился более объективно взглянуть на политику Джеймса I. Им убедительно показано, что даже лояльные трону современники (такие как, например, хронист Уолтер Боуэр) осуждали методы короля, а будущий папа Пий II писал о короле как о «жадном, вспыльчивом и мстительном» человеке. В то же время, по мнению М. Брауна, именно жёсткая политика по отношению к высшей шотландской знати и в том числе к королевским родственникам позволили Джеймсу I переломить сложившуюся практику, когда король был лишь «первым среди равных».

Заслуживает быть отмеченной и монография **Ричарда Ломаса** «Семья Перси»² посвященная истории графов Нортумберлендов. Сюжеты, касающиеся истории Англии и пограничья начала XV в., рассматриваются здесь несколько односторонне — с точки зрения влияния и роли семьи Перси на эти события. Во многом предвзятый подход этой работы (которая писалась по инициативе ныне здравствующего герцога Нортумберленда) делает, на наш взгляд, ряд ее тезисов довольно спорными и даже явно уязвимыми, как, например, утверждение якобы на самом деле «амбиции семьи Перси простирались далее на север, в Шотландию [а не в сторону английской короны — *С.И.*]. Они надеялись там расширить свои владения и власть, однако, их возможности были неадекватны их задачам, поэтому они [Перси — *С.И.*] нуждались в поддержке английской короны, а Генрих IV не желал им помогать»³. Освещая борьбу Перси с Генрихом IV, Р. Ломас прямолинейно объясняет ее тем, что старший сын графа Нортумберленда — Генри Хотспер стремился «защитить интересы своего сына и юного Мортимера, а также оспорить легитимность прав короля Генриха IV на английскую корону», упуская при этом из виду, что, похоже, сам Хотспер, имел виды на английский трон, а судьба Мортимера была лишь поводом для мятежа. Вместе с тем, работа Р. Ломаса содержит и положительные моменты. В частности,

¹ *Brown M. James I. East Linton, 2000.*

² *Lomas R. A power in the land: the Percys. East Linton, 2000.*

³ *Lomas R. A power in the land. P. 79.*

автору удается продемонстрировать близость политических интересов крупных лордов по обе стороны англо-шотландской границы и их влияние на политику Лондона и Эдинбурга.

Хотя российская наука занимается историей Великобритании много и плодотворно, в отечественной историографии работ, посвященных англо-шотландским отношениям первой половины XV в., практически нет. Наиболее близкой к нашей теме является совместная статья Н.И. Басовской и Г.И. Зверевой «Союз Франции и Шотландии в системе англо-французских противоречий XII–XV вв.»¹, посвященная эволюции франко-шотландского альянса на протяжении почти трех столетий. Авторы, характеризуя предпосылки и объективные причины, подтолкнувшие Францию и Шотландию к союзу, показали определенную стабильность в развитии этого альянса в контексте международных отношений в период позднего средневековья.

Некоторые аспекты англо-шотландских отношений затрагивались в научно-популярной и учебной литературе, в частности в книге Г.И. Зверевой «История Шотландии»², хотя, автор в силу своих научных интересов, лежащих в области новой и новейшей истории, средневековому периоду отвел небольшое место. В монографии Н.И. Басовской, посвященной Столетней войне, в контексте внешней политики Франции рассматривается проблематика англо-франко-шотландских отношений первой половины XV века³. Автор отмечает, в частности, важность полученной дофином из Шотландии помощи. Но, вместе с тем, на наш взгляд, Н.И. Басовская несколько недооценила интенсивность связей между дофином и Шотландией в 1420-е гг.

Таким образом, резюмируя, мы можем сказать, что тема англо-шотландских отношений первой половины XV в., как в отечественной, так и в зарубежной историографии разработана довольно неравномерно.

Исследователей, в первую очередь интересовали вопросы высокой политики — дипломатические шаги Лондона и Эдинбурга и ход военных кампаний между королевствами. При этом особый интерес вызывали либо драматические события «войны за независимость» XIII–XIV вв., либо ситуация накануне англо-шотландской Унии 1603 г. Что касается англо-шотландских отношений первой половины XV в., то они до сих

¹ Басовская Н.И. Зверева Г.И. Союз Франции и Шотландии в системе англо-французских противоречий XII–XV вв. // Средние века Вып. 48. М., 1985. С. 71–92.

² Зверева Г.И. История Шотландии. М., 1987.

³ Басовская Н.И. Столетняя война. М., 2002.

пор изучены значительно слабее, оставаясь, как правило, проходными сюжетами современных исследований.

Интерес настоящей работы определяется, на наш взгляд, прежде всего, тем, что впервые в отечественной исторической науке подробно рассмотрены проблемы англо-шотландских отношений начала — первой половины XV в., позволяя тем самым, внести существенные коррективы в представления о месте и роли Шотландии в системе международных отношений этого периода. Собранный и проанализированный в исследовании материал, позволяет утверждать, что, вопреки распространенному мнению, внутренняя и внешняя политика Шотландии оказывала весьма заметное влияние на баланс сил в англо-шотландском конфликте времен Столетней войны. Кроме того, здесь впервые в отечественной историографии были использованы ранее не входившие в научный оборот, документальные и нарративные источники по истории Шотландии XV в.

Степень изученности темы определила постановку цели и задачи исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить направление и динамику развития англо-шотландских противоречий в указанный период; она достигается через решение следующих задач:

1) проанализировать причины и характер военных конфликтов на англо-шотландской границе в начале XV в., показав их место в социальной и политической жизни обоих королевств;

2) рассмотреть динамику отношений Эдинбурга и Хайленда в общем контексте англо-шотландских противоречий;

3) охарактеризовать роль шотландского корпуса в ходе военных действий во Франции в 1420–1424 гг. и истоки англо-шотландских взаимоотношений того периода;

4) исследовать характер политики Джеймса I Шотландского, по возможности, проследив, как в ней преломились личный опыт и представления, вынесенные Джеймсом из своего вынужденного пребывания в Англии;

5) рассмотреть причины и результаты возобновления военно-политической активности на англо-шотландском пограничье в начальный период войны Алой и Белой Розы;

6) выявить определенную стадиальность в развитии англо-шотландских отношений на протяжении первой половины XV в.

Глава I. Англо-шотландское Пограничье в начале XV в.

§ 1. Лорды пограничья и англо-шотландские конфликты на рубеже XIV–XV вв.

Для англичан граница с Шотландией всегда ассоциировалась с границей этнокультурной, началом кельтского мира, сильно отличного от английского. В то же время, необходимо оговориться, что это своего рода бытовой стереотип, поскольку фактически граница английской и гэльской культур пролегла в предгорьях Хайленда. Само же англо-шотландское пограничье в XV в. являло собой особый субрегион со сложной системой внутри — и внешнеполитических связей.

Здесь не обойтись без краткой исторической справки. Как отмечает английский филолог Дж. Уэллс, «стартовым моментом» складывания шотландского языка можно считать захват англо-саксами в VII в. Эдинбурга. Именно с этого времени, наряду с гэльским языком в Лоуленде стал активно использоваться и нортумбрийский диалект древнеанглийского языка¹. Этот диалект, в своей основе, был языком северных англов (жители Берникии и Дейры)², который в XI в. был дополнен некоторыми заимствованиями из нормандско-французского языка, пришедшего из южных частей страны и ставшего впоследствии средством повседневного общения в Лотиане, присоединенном шотландцами в 1018 г. при короле Малькольме II МакКеннете.

¹ Wells J. C. Accents of English. The British Isles. Cambridge, 1992. P. 393.

² Иванова И., Чахоян Л., Беляева Т. История английского языка. СПб, 1998. С. 10.

В IX в. произошло объединение гэльского и пиктского королевств со столицей в Эдинбурге. Экспансия нового политического образования натолкнулась на противодействие со стороны бриттского королевства Стрэтклайд, которое к этому времени уже вело борьбу с англосаксами. Военные столкновения между королевствами Стрэтклайдом (с X в. оно стало называться Камбрией) и Шотландией продолжалось до 1034 г., когда Камбрия вошла в состав Шотландии. Кроме того, скоттам удалось захватить и значительную часть королевства Нортумбрии, говорившей на нортумбрийском диалекте древнеанглийского языка¹, о котором уже было сказано выше. Районы Камбрии южнее залива Солуэй продолжали оставаться спорными на всём протяжении англо-шотландских отношений.

Действительное распространение английской культуры и вытеснение гэльской началось с XII в. в период, когда между шотландским и английским дворами установились довольно тесные отношения². Изначально культивировавшийся только в пограничье язык распространился по всей Южной Шотландии, вытесняя язык гэлов на север страны. Со временем местные диалекты гэльского, были либо вытеснены староанглийским языком, либо в соединении с ним, дали основу для складывания шотландского языка³. Чем дальше от границы с Англией на север Шотландии, тем меньшие гэльский язык претерпевал изменения, сохраняя свою чистоту и единство его носителей⁴.

Англо-шотландское пограничье («the Borders» — в англо-шотландской историографии) — это обширная территория, называвшаяся еще в хрониках XI–XII вв. Старой Маркой (Old March). Она включала в себя земли современных нам графств Нортумберленда, Камберленда, Уэстморленда, Бервикшира, Роксбурга, Селкирка и Пиблса.

В начале XII в. Марка оказалась разделенной на английскую и шотландскую части. Со временем англичане сумели расширить свои владения дальше на север, захватив ряд исконных шотландских городов и территорий. Таким образом, к английской Марке относятся территории графств Камберленда, Нортумберленда и, частично, Уэстморленда, а шотландской части — Бервикшир, Тевинтдейл и Лотиан. В середине XII в. ради удобства административного управления этими значительными по размерам территориями, было произведено их дальнейшее дробление,

¹ Ball, Martin J., *Fife, James*. The Celtic Language. London & New York, 1993. P. 145.

² Ibid., P. 145.

³ <http://www.medievalscotland.org/scotbiblio>.

⁴ Wells J. C. *Accents of English*. The British Isles. Cambridge, 1992. P. 392.

и в итоге появилось шесть Марок — по три на английской и на шотландской сторонах¹. Это были так называемые Восточные, Средние и Западные Марки. В Шотландии они простирались от реки Кри до побережья Северного моря, а в глубину — от Ламмермьюрских (Lammermuir) холмов до Южного Предгорья (Southern Uplands).

У каждой Марки был свой попечитель (Warden) или, иначе, наместник, назначаемый из столицы. Как говорится в одном из ордонансов короля Генриха IV, обращенном к графу Нортумберленду: обязанностью наместников было управление подвластной ему территорией и организация обороны от набегов с шотландской стороны Пограничья, а также сотрудничество с наместниками других Марок².

Трудный вопрос — где кончается пограничный субрегион со своей спецификой. Очевидно, правильное будет говорить о том, что «региональный менталитет» всё слабее дает о себе знать по мере продвижения к северу. Хайленд и Лоуленд, хотя исторически связаны между собой, тем не менее, прошли во многом разные пути развития, что не могло не сказаться на их культурах, а линией раздела между Хайлендом и Лоулендом считаются предгорные районы страны.

Южная Шотландия входила в сферу английского культурного влияния, о чем может свидетельствовать традиция церковных и светских скрипториев Лоуленда, где так же как, и в Северной Англии, писали либо на латинском, либо на староанглийском языках³.

Население приграничной Северной Англии по укладу жизни во многом походило на жителей сопредельной Шотландии, а диалект, на котором говорили местные жители «казался южанам непонятным и грубым»⁴. Некоторые исследователи даже утверждают, что клановая система в Северной Англии была развита не менее, чем в Хайленде. Фрейзер Макдональд уверен, что власть главы клана (также именуемого в источниках лордом на английском манер) в Пограничье была по своему статусу выше, чем власть лорда, поскольку вожди кланов могли оспорить решения своего лорда или же, вообще, их не выполнять в том случае, если они (решения лорда) были не в интересах клана и их вождей⁵. Однако, на наш взгляд, вызывает сомнение сама возможность говорить о наличии в Северной Англии *клановой* системы. Скорее речь может

¹ См. Приложение № 2.

² Foedera et Acta Publica. Vol. IX P. 403.

³ Ball, Martin J., Fife, James. The Celtic Language. P. 149.

⁴ Ibid., P. 202.

⁵ George MacDonald Fraser. The Steel Bonnets N.Y., 1972. P. 48.

идти о тесных вассально-ленных отношениях, часто скрепленными еще и родственными узами, но едва ли это тоже самое, что сами хайлендеры называли *кланом*.

В целом, можно говорить о сравнительной культурной и социальной близости населения пограничных областей Северной Англии и Южной Шотландии. Однако это обстоятельство не мешало шотландцам воспринимать свое государство как независимое и отстаивать своё право на самостоятельность.

Восточные Марки (East Marches). Самые небольшие по величине территории — они располагались вдоль пограничной линии приблизительно от Карэма-на-Твиде до точки немного севернее Бервика. Считалось, что во время военных действий Восточные Марки больше всех страдали, т.к. пути следования рейдеров пролегли именно через эти земли, удобные как для атак на Эдинбург, так и для набегов на север Англии.

С шотландской стороны реки Твид, выполнявшей роль естественной границы между королевствами, замок Хьюм Касл являлся самой значительной крепостью на территории Марки. Замок находился в плодородной долине Мёрс, являвшейся «житницей Пограничья» откуда поставлялись продукты для всей округи, в том числе и английской. Поэтому англичане из Бервика, отзывались о жителях Мёрса «наши добрые соседи...без которых мы бы не могли жить»¹.

Другим городом Восточной Марки, часто упоминавшимся в связи с пограничными событиями, был город Уарк, позднее — в середине XVI в. — разрушенный англичанами.

Средние Марки (Middle Marches) Шотландии и Англии располагаются по обе стороны границы, идущей вдоль Чевиотских холмов. Наиболее крупными городами и резиденциями королевских чиновников здесь были Олнвик, Харботл и Оттебёрн — на английской стороне. С шотландской стороны наиболее значимыми были города Хауик, Келсо, Джебург. В этих городах жили главы многих шотландских семейств, промышлявших разбоем. Фрейзер МакДональд замечает, что уровень грабежей и набегов в этой области был столь высок, что даже один из наместников Марок как-то сказал о ней: «варварская и безбожная территория»².

Средние Марки практически всегда находились в центре событий, будь то полномасштабное вторжение или просто набег с целью «угнать

¹ *George MacDonald Fraser. The Steel Bonnets. P. 36.*

² *Ibid., P. 37.*

корову». Отправными пунктами для набегов шотландцев на сопредельные территории были города Ридесдейл на востоке и Тайндейл в западной части Марки.

Надо отметить, что западная часть шотландской Средней Марки — была особой территорией, неподвластной наместнику Марки, поскольку своей историей и связями между местными семьями она более тяготела к Западной Марке, центром этого уголка Средней Марки был город Диддесдейл. Там был собственный Наместник, которого, в отличие от других регионов — не присылала корона, а он выбирался местной знатью и звался Хранителем (Keeper). Часто Хранители лично возглавляли рейды в английскую Среднюю Марку¹. Источники также упоминают о традиционно прочных связях Хранителей с островными кланами и вождями кланов Хайленда.

Западные Марки (West Marches). Большую их часть занимала территория, которая называлась Спорной Землёй (Debatable Land). Такое название связано с тем, что ни Англия, ни Шотландия не могли предоставить достаточного документального подтверждения своих прав на эти земли. Ни у одной из сторон не было даже «старого ржавого меча»², чтобы доказать свое право на эти земли, а достаточной силы, авторитета и власти для отстаивания своих интересов ни у кого не было. В XV в. эта территория фактически никому не подчинялась, кроме местных лордов и там не было представительств ни английской, ни шотландской администрации.

Напряженность в шотландской части Западной Марки создавала многолетняя феодальная распря двух местных семейств: Армстронгов и Максвеллов³, которых, в свою очередь, патронировали два давно соперничающих между собой шотландских семейства — Данбары и Дугласы. Главными опорными пунктами здесь были замки Кэрлаверок, Лохмабен, Лэнгхолм и Лохвуд.

Английская Западная Марка включает в себя Камберленд и Уэстморленд. Несмотря на близость к таким опасным соседями, считается, что английская Западная Марка страдала от набегов в меньшей степени, нежели Средняя Марка⁴. В английской Западной Марке были плодородные земли, а значительная часть населения была занята в торговле либо товарами, которые шли через их земли, либо продуктами, выращенными на своих фермах.

¹ *Alastair J. MacDonald A.J.* Border bloodshed. P. 162.

² *George MacDonald Fraser.* The Steel Bonnets. P. 38.

³ См. Приложение № 1.

⁴ *George MacDonald Fraser.* The Steel Bonnets. P. 37.

Несомненно, регион представлял интерес для всякого рода любителей чужого добра с сопредельных территорий. Однако, вместе с тем, это область была самой сильной из всех Марок в военном и экономическом аспектах¹. Горы и реки служили хорошими природными преградами, а земля была усеяна крепостями. Жемчужиной среди этих укреплений был город Карлайл, чьи мощные бастионы могли посоперничать с лучшими крепостями Европы.

Важно отметить, что значительная часть земель, входящих в английскую Западную Марку, принадлежала крупнейшим аристократическим родам севера Англии — Перси и Невиллам. Перси владели большей частью Нортумберленда и Камберленда, а Невиллы активно собирали земли в графстве Уэстморленд — также части Западной Марки.

В XIV в. в ряде шотландских городов и графствах за пограничной рекой Твид, например, в Бервике — городе одноименного графства, Джебурге, Келсо и др. находились английские гарнизоны. Кроме того, англичане значительно укрепили свои позиции в графствах Камберленд и Нортумберленд, которые до XII в. принадлежали Шотландии. Впрочем, к концу XIV в. эти территории уже прочно воспринимались англичанами, как традиционно английские территории². Тем не менее, как мы увидим дальше, шотландцы никогда не забывали о том, что некогда северо-английские графства были под властью шотландской короны.

Политику на англо-шотландской границе на рубеже XIV–XV вв. во многом формировали две сильнейших и, постоянно соперничающих между собой семьи: с английской стороны — Перси и с шотландской — Черные Дугласы.

Противостояние этих семей имело долгую и насыщенную конфликтами историю. Одним из пиков обострения «пограничной войны» между семьями Дугласов и Перси явилось сражение при Оттобёрне в 1388 г. Причиной раздора в то время стали бургы Джеббург и Джет Форрест в Лоуленде, дарованные Робертом I Шотландским сэру Джеймсу Дугласу. После поражения шотландцев при Халидон Хилле (Halidon Hill) в 1334 г. и английской оккупации этих земель, Эдуард III передал указанные земли

¹ *Tytler P.F. History of Scotland. Edinburgh, 1892 Vol. III, Ed., 1894 P. 213.*

² Военные столкновения между королевствами Стэтклайдом (с X в. стало называться Камбрией) и Шотландией продолжалось до 1034 г., когда Камбрия вошла в состав Шотландии. Кроме того, скоттам удалось захватить и значительную часть королевства Нортумбрии. Районы Камбрии южнее залива Солуэй продолжали оставаться спорными на всём протяжении англо-шотландских отношений вплоть до Унии корон в 1603 г.

Генри, второму лорду Перси. Семья Дугласов ни за что не хотела отказываться от своих притязаний на отнятые территории. Поражение при Оттобёрне, хотя и было, по словам Энтони Така, «самым серьезным поражением англичан от шотландцев со времен Эдуарда II»¹, но вернуть отнятые у шотландцев территории оно так и не позволило.

Характеризуя политическую жизнь английского пограничья и, делая акцент на том, как сильно оно страдало от набегов соседей, английский историк Генри Саммерсон довольно драматически описывает ситуацию в начале XV в. следующим образом: «северо-западная Англия часто находилась в обороне, ее крепости готовились к осаде, а ее жители были готовы искать в них укрытие»². Впрочем, в данном случае надо понимать, что автор довольно предвзят в своих оценочных суждениях — едва ли возможно, что шотландская сторона границы страдала от набегов англичан в меньшей степени.

Первые свои поместья, располагавшиеся в основном в Йоркшире, Перси получили ещё из рук Вильгельма Завоевателя за заслуги в Нормандском завоевании³. На юге Перси владели графством-палатинатом Дарем, а северная часть их земель ограничилась рекой Твид и Чевиотскими холмами.

Владения Перси располагались также на приграничной территории Шотландии и в шотландском Лоуленде, что давало Перси, подобно ряду других лордов Пограничья (в их числе, например, Джорджу Данбару, графу Шотландской Марки) дополнительные возможности для политического маневрирования между Лондоном и Эдинбургом. Вообще, надо заметить, что нередкая практика наличия владений у лордов пограничья на другой стороне границы, затрудняло выяснение вопроса, какому монарху и за какие владения лорд должен был принести оммаж, а следовательно, чьим вассалом он должен считаться — английским или шотландским. Естественно, пограничные лорды пользовались этой ситуацией, называя себя вассалами то английской, то шотландской короны, в зависимости от личных интересов и политической обстановки.

Горы на юге и юго-западе отделяли владение Перси от графства-палатина, принадлежавшего Ланкастерскому дому. В конечном итоге,

¹ *Tuck A.* Crown and Nobility. England 1272–1461. Padstow, Cornwall, 1999. P. 171.

² *Summerson H.* Medieval Carlisle: the city and the borders from the late eleventh to the mid-sixteenth century. Kendal, 1993 Vol. I. P. 97.

³ *Cokayne A.* Complete peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom extinct or dormant / Ed. by G.E.C. L., 1887 Vol. VI. P. 147 (далее — СР).

выгодное географическое положение давало возможность семье Перси контролировать транзитную торговлю, а удачная брачная политика способствовала возвышению рода и округлению границ земельных владений.

Перси, подобно другим крупным аристократическим домам, держали свой двор, который вместе с ними перемещался по северо-английским городам: Бембороу, Уоркорту, Ньюкаслу и Бервику. Известно, что Перси тратили очень большие средства на его содержание и на оплату услуг придворных музыкантов и бардов¹.

Этот факт дает основание для проведения параллелей с традицией континентальных аристократических Домов, подобно герцогам Бургундским или владетельным баронам Лангедока во Франции, в их стремлении подчеркнуть свою значимость и независимость от короны.

Кроме того, поскольку герцоги Ланкастеры, владения которых соседствовали с владениями Перси, во второй половине XIV в. большую часть времени проводили в Лондоне, можно говорить о том, что Перси были единственной военной и политической силой на всем севере Англии.

Традиционно Перси исполняли должность наместников пограничных земель: им вменялось в обязанности охранять от набегов шотландцев не только границы своих владений, но и другие английские территории, граничившие с Южной Шотландией.

Частые упоминания в хрониках имени Перси были связаны, как правило, именно с военными столкновениями на границе. Довольно типичной для таких упоминаний в хрониках, является фраза Уолсингэма, касающаяся событий 1400 г.: «шотландцы, враждебно настроенные к англичанам, вторглись в приграничные владения, но Генри Перси и его сын Генри... с помощью своих отрядов и лучников обратили шотландцев в бегство»².

Генри лорд Перси, четвертый барон Перси, пожалуй, был первым представителем своего клана, чьи притязания простирались гораздо дальше собственных северных владений и традиционных региональных конфликтов с другими семьями. Немаловажную роль в этом, по видимому, сыграло его происхождение. Ведь мать первого графа Перси — леди Мария — была дочерью герцога Генри Ланкастера, отец кото-

¹ *Wylie J.A. England under the reign of Henry IV. Vol. I. P. 24.*

² *Chronica monasterii S. Albani Thomae Walsingham, quondam monachi S. Albani, historia Anglicana. / / Ed. by H. Th. Riley L., 1864. Vol. II, 239 242, 247 (далее — Chr. Walsingham); The chronicle of England by John Capgrave. Ed. Hingeston F.C. L., 1859. P. 272 (далее — Chr. Capgrave).*

рого — Эдмонд был вторым сыном короля Генриха III¹. Таким образом, с этого времени пускай и весьма призрачные права на корону отразились на амбициях и характере политических поступков членов этого семейства.

При Эдуарде III четвертый барон Перси в 1366 г. стал одним из 26 кавалеров ордена Подвязки, а десятью годами позже — в 1377 г. ему был пожалован титул графа Нортумберленда. Как справедливо отмечает Р. Ломас, графский титул стал «лишь формальным признанием власти и положения семьи Перси на Пограничье»², подчеркивая таким образом, что власть и влияние этой семьи в этот период в северной Англии уже были неоспоримы и признавались даже короной. Несколько ранее в 1376 г., благодаря покровительству Джона Гонта, герцога Ланкастера, которому Перси активно помогал в континентальных делах, он получил должность графа-маршала Англии. Впрочем, очевидно, придворная карьера была вне интересов семьи Перси. Барон, а позже граф Нортумберленд, как и другие северо-английские лорды, вообще не часто посещали Лондон.

Позволим себе небольшое отступление в отношении крупных английских лордов. Как пишет Дж. Розенталь: «многие пэры Англии в течение десятилетий находились во Франции, а северные лорды — *на шотландской границе*. Те из пэров, кто был вынужден совмещать военные и политические функции, *почитали за честь не посещать заседаний парламента по королевскому разрешению* [выделено нами — С.И.]»³. Хотя здесь речь ведется о стремлении лордов получить из рук короля привилегию — т.н. «проксию», т.е. права передачи посещения парламентских заседаний на законном основании другому лицу. При этом корона в специальном разрешении сама указывала кандидатуру доверенного лица. Вряд ли Перси были исключением в подобной практике. Поэтому, мы можем предположить, что Перси, как и другие крупные северные лорды, с прохладцей относились к своему праву присутствовать на заседаниях лондонского парламента и к возможности участвовать в придворной политике.

Есть все основания говорить о том, что лорды англо-шотландского пограничья рассматривали территории по обе стороны границы, как некий обособленный субрегион. Под этим мы понимаем пограничную территорию, в которой местные порядки, законы, традиции и устоявшиеся

¹ *Denton R. W.* England in the XVth century. L., 1888. P. 268.

² *Lomas R.* A power in the land. P. 69.

³ *Rosenthal J. T.* Nobles and the Noble Life. P. 50–51.

политико-семейные отношения в значительной степени заслоняли собой королевскую власть, а, соответственно, роль и авторитет местной аристократии здесь был выше, чем у короны.

Так, например, росту территориального могущества лордов шотландского пограничья шотландская корона не противилась и принимала его как данность, поскольку мы не находим в наших источниках упоминаний об открытых конфликтах между официальным Эдинбургом и Дугласами, вероятнее всего, между Дугласами, Данбарами, а также другими кланами и короной существовало некое «равновесие интересов». Эти интересы базировались на сложившейся практике разделения полномочий и учета мнений крупных лордов, на которых лежала охрана границ от английских вторжений, а также об отсутствии сил у шотландской короны, чтобы напрямую влиять на жизнь земель принадлежащих крупным лордам. Полагаем, что похожая схема отношений между лордами пограничья и короной существовала и в Англии.

А. Макдональд приходит к выводу, распространяя его вообще на отношения всей шотландской знати и короны, что при шотландских королях Роберте II (1371–1390) и Роберте III (1390–1406) шотландская знать приобрела «беспримерное и неуправляемое могущество, которое вело пограничных лордов к новым феодальным конфликтам»¹. Р. Митчисон сравнивает характер отношений между шотландской знатью и центральной властью в этот период с «договором, заключенным в период гражданской войны в Англии между Стефаном и Матильдой»². Что на наш взгляд, если и преувеличено, то не на много и, в целом, соответствует реальной ситуации в Шотландии конца XIV — начала XV в.

У английских лордов пограничья мы также наблюдаем рост территориального могущества и возросший политический авторитет, что, очевидно, представляло несомненную угрозу для авторитета Лондона. Этому английская корона активно сопротивлялась, поскольку такое положение дел ломало четкую политическую структуру и иерархию в королевстве.

В целом, к началу XV в. лорды пограничья были, в достаточной степени, автономны и нередко могли с достаточной долей самостоятельности творить региональную политику без оглядки на столицу, исключительно ради собственной выгоды и политических интересов пограничных семейств.

Именно отсутствие сильной королевской власти на местах и централизация власти в руках нескольких семей, дает возможность говорить о превращении пограничных областей северной Англии и Лоуленда, в

¹ *MacDonald A.J.* Border bloodshed. P. 2.

² *Mitchison R.* History of Scotland. P. 61.

особый автономный субрегион, где английские и шотландские лорды реализовывали интересы своих семей, и политических партий. Как пишет шотландский историк Алистер Макдональд: «север был слишком удален от центра политической власти королевства, чтобы корона могла его в достаточной мере контролировать»¹.

Вполне естественно, что семейство Перси интересовало, прежде всего, благополучие в родовых поместьях, а не дела короля во Франции. Тем более, что в 1383 г. истек срок действия мирного англо-шотландского договора, а шотландские пограничные лорды во главе с графами Дугласом и Шотландской Марки начали, как выражается, симпатизирующий семейству Перси Р. Ломас: «агрессивную политику, чтобы восстановить контроль над большей частью шотландского Лоуленда, которая отошла к англичанам после поражения при Невилл Кросс»².

Отношения лидеров английской знати на пограничье, надо сказать, были весьма непростыми. В конце 80х гг. XIV в. между герцогом Ланкастером и графом Нортумберлендом произошла ссора³. Граф Перси покинул столицу и вернулся на родной Север. Ухудшение отношений было связано с назначением Джона Гонта лейтенантом Пограничья. Герцог предпринял шаги для подчинения себе пограничной стражи. Его ближайший помощник и старый соратник по войне во Франции Джон, лорд Невилл из Рэби (Raby) был назначен начальником пограничной стражи всех английских Марок. Также на обострение отношений между графом Нортумберлендом и герцогом Ланкастером повлияло то обстоятельство, что граф и герцог оказались на разных сторонах в конфликте между королевским двором и верхушкой лондонского купечества⁴. Летом 1390 г. в конфликте лордов на стороне Перси выступил король Ричард II. Как сообщает хронист, король принял сторону графа, именно потому, что графа Нортумберленда поддержали многие представители знати и лондонского купечества⁵. Из этого конфликта Перси вышел политически значительно более окрепшим и получившим из рук короля пост начальника гарнизона французского города Кале.

¹ *MacDonald A. J.* Border bloodshed. P. 202.

² *Ibid.*, P. 66; 17 октября 1346 г. при Невилл Кроссе (графство Дарем) шотландцы, стремясь оттянуть английские войска с осады французской крепости Кале, потерпели сокрушительное поражение от войска Эдуарда III. В плен попал шотландский король Давид II и англичанам отошла Южная Шотландия.

³ *Rosenthal J. T.* Nobles and the Noble Life. P. 54.

⁴ *Lomas R.* A power in the land. P. 70.

⁵ *Chr. Walsingham*, II, 44.

Вполне вероятно, что поддержка Перси со стороны лондонского патрициата была, прежде всего, связана с тем, что Джон Гонт нарушал традиционные привилегии купечества, продавая монополии на торговлю иноземным купцам. В этой ситуации лондонская верхушка, вероятно, желая ослабить влияние Гонта, принял сторону Перси, видя в нем защитника своих интересов перед Ричардом II¹. Таким образом, это позволяет говорить о том, что, несмотря на свою дистанцированность от дел столицы, граф Нортумберленд имел весьма сильные позиции, как в Лондоне, так и при дворе. У него были влиятельные союзники из числа лондонской купеческой верхушки, и он мог открыто выступать против влиятельнейших фигур королевства.

Плацдармом Гонта на пограничье было баронство Эмблтон (Embleton) — часть его владений в герцогстве Ланкастер. Это баронство было небольшим и почти не давало дохода, однако, построенный в 1310-х гг. в Данстенбурге (Dunstanburgh) замок был самым хорошо укрепленным и крупным во всем Нортумберленде. Впрочем, дальнейшие события показали, что имеющихся у герцога ресурсов оказалось недостаточно для наведения порядка в пограничье. Гонт ослабил свои попытки получить контроль над этим регионом. Возможно, как полагает Р. Ломас, на самом деле Джон Гонт просто переключил свое внимание на борьбу за кастильскую корону, на которую имел права, будучи мужем Констанс — дочери короля Педро I Кастильского². Как бы то ни было, герцог принял решение отдать бразды правления обратно в руки Перси.

В 1391 году граф Генри стал наместником Восточной Марки. Всё это демонстрирует рост могущества семьи Перси в Северной Англии и в королевстве, а, кроме того, корона подтверждала и формально закрепляла особый статус семьи на севере страны. Трое сыновей графа Перси: Генри, Томас и Ральф, в качестве королевских чиновников, также принимали участие в управлении делами на Пограничье.

На дальнейшую судьбу семьи Перси также повлиял конфликт графа Генри с Ричардом II, пожелавшим, чтобы граф принял участие в карательной экспедиции в Ирландию (1398). Однако в ответ граф предпочёл удалиться из Лондона, где он пребывал в то время, в свои земли в Северной Англии. Эта размолвка в конечном итоге определила позицию дома Перси в период формирования ланкастерского заговора.

Кончина Джона Гонта и последовавший после неё ордонанс Ричарда II о конфискации герцогских владений, который отказывал, таким образом,

¹ Tuck A. *Crown and Nobility*. P. 183–184.

² Lomas R. *A power in the land*. P. 71.

Генри Ланкастеру в праве наследовать владения отца, привели, как известно, к событиям, оказавшим значительное влияние на дальнейшее течение английской истории.

Известие о смерти отца застало Генри Болинброка, графа Дерби — сына Джона Гонта, во Франции, где он находился в изгнании. Решение же об отказе в праве наследовать отцу и стремление получить наследство подстегнуло возвращение Генри в Англию. Отсутствие короля, который был занят подавлением мятежа в Ирландии, позволило Болинброку без препятствий со стороны официальных властей водвориться в одном из своих замков в Йоркшире, где у него оставалось большое число сторонников из числа северных баронов¹.

В число сторонников входили могущественные бароны, среди которых видное место занимали его графы — родственники: Уэстморленд (Невилл)² и Нортумберленд (Перси). В скором времени Генри Болинброк, возглавил вооруженный мятеж против Ричарда II. Местные же власти склонялись больше к поддержке мятежников, нежели к противодействию им.

Ричард Ломас в своей работе, предполагает, что граф Нортумберленд был вовлечен в заговор обманом. Впрочем, по словам того же автора, все участвовавшие в заговоре лорды были «чрезвычайно амбициозными и малощепетильными людьми, прекрасно понимавшими весь риск предприятия, неудача которого закончится для них смертью»³.

Возвращение Ричарда II в Англию после выступления оппозиции уже не могло повлиять на ход событий, оставшиеся верными монарху отряды не были способны противостоять тридцатитысячному войску мятежников. Итогом этого баронского «предприятия» стало низложение Ричарда II и интронизация Генри Болинброка, герцога Ланкастера, под именем Генриха IV. Этот Ланкастер стал основателем новой королевской династии Англии.

Удачный исход ланкастерского дела способствовал дальнейшему росту влияния семьи Перси. В награду граф Нортумберленд был назначен коннетаблем Англии и получил право на получение налогов с острова Мэн⁴. Особенно позиции семьи Перси укрепляются на севере страны, где она владела, по меньшей мере, пятью замками в Нортумберленде,

¹ *Lomas R. A power in the land. P. 73.*

² Невиллы были второй по значимости после Перси семьей в Северной Англии. Восхождение рода Невиллов началось с конца XII в. В 1364 г. Невиллы породнились с Перси — сэр Джон Невилл женился на Мод, дочери барона Генри Перси. 27 сентября 1397 г. его сын сэр Ральф Невилл получил титул графа Уэстморленда.

³ *Lomas R. A power in the land. P. 74.*

⁴ *Foedera et Acta Publica, VIII, P. 91.*

девятью в Йоркшире, шестью в Камберленде. Его полный титул звучал следующим образом: «Могущественный лорд Генри, граф Нортумберленд, лорд Кокермаут и Петуорт, барон Перси, Поингс, Фиц-Пэйн и Брайан, хранитель Восточных и Средних Марок¹ Англии на шотландской границе и кавалер Ордена Подвязки».

В начале 1400-го года старший сын Перси, сэр Генри, по прозвищу Хотспер (Hot Spur — горячая шпора), стал наместником Восточной Марки и адмиралом Англии, получив право на сбор налогов с Восточной Марки. Граф Нортумберленд получил такое же право относительно Западной Марки, вместе с замком Карлайл сроком на 10 лет. Старший Перси был восстановлен в должности наместника указанной марки (которой граф был лишен в связи с отказом следовать в 1398 г. с Ричардом II в карательный поход в Ирландию). Сверх того, Перси были переданы права на опеку 2/3 владений Эдмунда Мортимера, графа Марки до его совершеннолетия.

Поток королевских пожалований наглядно демонстрирует стремление короны заручиться поддержкой этой влиятельной семьи и свидетельствует о формальном и неформальном статусе Перси в стратегически важном регионе. Умелая политика графа привела к тому, что в первые годы XV в. он стал одним из наиболее могущественных лордов Англии.

С шотландской стороны, ситуацию в регионе практически полностью контролировали две фамилии: Данбары и Дугласы².

Данбары были одной из самых знатных семей в Лоуленде. Мерс (the Merse), или иначе Марка, территория, которая входила в Бервикшир — обширные земли на юге Шотландии, была дарована в 1072 г. Малькольмом III графу Коспатрику, предку Данбаров. Несмотря на то, что титул графа за Данбарами был подтвержден актом парламента лишь в 1290 г., мы полагаем, что титул графа Шотландской Марки они носили с момента передачи им земель³.

¹ Территорию Западной Марки Перси получали в управление попеременно с Невиллами — графами Уэстморлендами.

² Дугласы делились на две основные ветви: Красных Дугласов и Черных Дугласов — по цвету родовых эмблем на гербе. Глава Черных Дугласов носил титул графа Дугласа, Красных — графа Энгуса. К 1430 гг., помимо родового графства Дугласдейл в Лоуленде (Southern Uplands), эта семья владела графствами Ормонд и Мори, лордствами Галлоуэй, Аннандейл (конфискованный в их пользу у Данбаров в 1409 г.), Эттрик, Лендердейл, Эскдейл, Тевиотдейлом, а также значительными земельными владениями на Севере Шотландии.

³ CP. Vol. V. P. 240.

Другая пограничная семья — Дугласы принимала активное участие во всех политических делах Шотландии начиная с XIII в. Тем не менее, реальное влияние при дворе Дугласы начали приобретать лишь с середины XIV в., по мере роста владений и за счет своих матримониальных связей.

Первым обладателем рыцарского достоинства был Уильям Дуглас «рыцарь из Лиддсдейла». Этот Дуглас присутствовал на коронации Роберта II Шотландского (1371-1390) и был первым Дугласом — наместником Шотландской Марки¹. Их графство Дугласдейл было вторым в ряду шотландских графств (первое — графство Мори (Moray) — третье графство Кроуфорд (Crawford)).

Пласкарден повествует, что в год возведения брата короля — графа Файфа в герцогское достоинство (после креации герцог Олбани) в 1398 г., король пожелал сделать герцогом и Арчибальда Дугласа, именуемого в хронике «сэром Арчибальдом Черным, графом Дугласом» (sir Archibald the Black earl of Douglas). Однако граф сам этого не захотел, заявив, что «его владения не достойны титула герцога». Когда же герольды обратились к нему: «сэр герцог, сэр герцог» («sir duke, sir duke»), Дуглас, передразнивая, им ответил: «сэр селезень, сэр селезень» («sir drake, sir drake»)², явно давая понять, насколько неуместно обращение к нему с герцогским титулом.

Надо полагать, здесь не могло не сказаться то обстоятельство, что граф Дуглас имел дружеские или, по меньшей мере, тесные деловые отношения с новоявленным герцогом Олбани. Возможно, граф предполагал, что возведение его самого в герцогское достоинство может повлечь за собой ухудшение отношений с Олбани, бывшего, как известно, очень самолюбивым и амбициозным человеком.

Как уже говорилось, лорды пограничья, а особенно представители крупных семейств таких, как Дугласы, Перси и Данбары, активно пользовались фактом удаленностью своих владений от столиц. Во многом, именно дистанцированность пограничья от Лондона в большей мере, а от Эдинбурга — в меньшей, дала возможность этим семействам с течением лет создать свои огромные территориальные владения и укрепить свое политическое положение.

Длительное вооруженное противостояние семей Перси и Дугласов привело к ряду пограничных столкновений, наиболее крупным из кото-

¹ CP. Vol. III, P. 156.

² Book of Pluscarden, Ed. Skene F.C. Edinburgh, 1888 X, 254 (далее — Book of Pluscarden).

рых, было, уже упоминавшееся выше, сражение при Оттобёрне (1388), закончившееся поражением англичан и пленением Генри Хотспера и Ральфа Перси — сыновей графа Нортумберленда. Важным обстоятельством является тот факт, что политический вес и официальный статус Перси — в Англии и Дугласов — в Шотландии выводил этот, по сути, феодальный конфликт на государственный уровень. Отношения Дугласов и Перси прямым образом оказывали влияние на ситуацию в приграничье, отражаясь на политической атмосфере в отношениях двух королевств.

Когда североанглийские бароны во главе с графом Нортумберлендом отправились в Йорк для участия в ланкастерском деле, его шотландский противник — Арчибальд Дуглас, граф Дуглас по прозвищу Мрачный (Хмурый) (ум. в 1400 г.) — воспользовался отсутствием Перси, совершив ряд успешных рейдов.

Уолсингэм, как и другие английские хронисты, повествуя о событиях 1399–1400 гг., неоднократно возвращается к ситуации на пограничье. Достаточно характерным для английских хронистов являются такие пассажи: «в конце 1399 г. шотландцы захватили и разрушили крепость Уэрк (Werk), а многим жителям причинили разорение»¹, в ноябре 1399 г., в период, когда в Англии заседал парламент, где обсуждался вопрос о судьбе Ричарда II, шотландцы дважды «воспользовавшись отсутствием хранителя Марок, вторгались в пределы Англии»². По данным Уолсингема, с февраля 1399 по март 1400 гг., пользуясь отсутствием Перси и его сторонников, был совершен без малого десяток рейдов на территорию Северной Англии.

Англичанин Кэпгрейв, описывая события весны 1400 г., говорит, что: «стражниками Леннии [Северная Англия — прим. С.И.] были захвачены шотландские моряки, которые занимались разбоями, вожак у них был лорд (dominus) Роберт Логон³, шотландский рыцарь, который нарушил мир, грабя английские суда и свозя награбленное в местечко недалеко от Абердина»⁴.

Приведенные здесь отрывки, на наш взгляд, свидетельствуют не столько о традиционно высокой военной активности на англо-шотландской

¹ Chr. Walsingham, II, 388.

² Ibid., II, 390.

³ Семья Логонов достаточно известная и многочисленная в Лоуленде. Поскольку их земли находились в сфере влияния Дугласов, возможно, Логаны являлись их вассалами.

⁴ Chr. of Capgrave, 246.

границе, сколько о важности самой темы пограничья для хронистов — современников этих событий.

Заметное влияние на активность пограничных конфликтов оказывали перемены в Эдинбурге.

Роберт III вступил на престол в 1390 г. Однако, будучи «болезненным и хрупким»¹ человеком, бразды правления Шотландией в первые же годы его царствования перешли к его брату — Роберту Стюарту, графу Файф. В середине 1390-х гг., король стал чувствовать себя лучше и взял власть в свои руки. В 1399 г. Роберт III передал полномочия править своему старшему сыну — Дэвиду Стюарту, герцогу Ротси. Брат короля, граф Файф, надеявшийся вновь занять место регента, в качестве компенсации был возведен в герцоги Олбани².

Дэвид Стюарт, герцог Ротси, занимал умеренную позицию по отношению к Англии. Он выступал за более самостоятельную и менее зависимую от Франции внешнюю политику Шотландии³. За мирное урегулирование территориальных и политических споров с Англией, основываясь на уже существующих межгосударственных договорах — таких как Нортгемптонский трактат (1328) и мирный договор, подписанный в Бретеньи (1396).

Позиция Ротси резко расходилась с позицией его дяди — Роберта Олбани, который исходил из того, что прочный мир между Шотландией и Англией практически невозможен, и потому необходимо заручиться военно-стратегической поддержкой Франции.

В этой связи надо кратко напомнить историю появления франко-шотландского союза. Франко-шотландский альянс оформился в конце XIII в., он предусматривал взаимную поддержку Шотландии и Франции в случае начала военных действий с Англией. Заключенный между двумя королевствами договор 1296 г., по своей сути, отражал стремления двух королевств противостоять политическим амбициям Англии⁴. Традиционно лидером в этом альянсе была Франция, которая несла также основное бремя финансовых расходов. Вместе с герцогом Олбани, одним из лидеров профранцузского блока в Шотландии был также Арчибальд Мрачный, третий граф Дуглас.

¹ Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri, Insula Sancti Columbae Abbatis. Vol. II, Edinburgh, 1752. Vol. II, 427 (далее — Chr. Boweri).

² Donaldson G. The Edinburgh History of Scotland. Ed., 1976. Vol. II, P. 197.

³ Nicholson R. The later Middle Ages. P. 220.

⁴ См.: Федосов Д.Г. Рожденная в битвах: Шотландия до конца XIV в. М., 1996. С.140-143; Fry, Peter and Fiona., History of Scotland L., 1992. P. 89–91.

Взаимоотношения между недавно вошедшим на престол Генрихом IV, шотландским двором и его союзником Францией, с первых же дней правления английского короля стали весьма натянутыми, если не сказать враждебными. В депеше Роберта III Шотландского, перехваченной англичанами в Норфолке в феврале 1400 г. и предназначавшаяся Карлу VI, Генрих IV назывался «узурпатором и предателем»¹. Содержание письма отражает близость позиций дворов Шотландии и Франции в вопросе оценки ланкастерского переворота в Англии.

Обращение в письмах к Генриху IV как к «кузену герцогу Ланкастеру, графу Дерби и коннетаблю Англии»² продолжалось на протяжении, примерно, полугода после воцарения нового английского монарха. Лишь с июля 1400 г. в официальной переписке и шотландцы, и французы стали называть Генриха Болинброка королем Англии. Симультанность признания монаршего статуса Генриха Ланкастера Шотландией и Францией, не может ни навести на мысль о скоординированности позиций шотландского и французского дворов.

Новый английский король испытывал трудности с признанием легитимности своей коронации не только со стороны иностранных дворов, но и внутри свой страны. Далеко не все смирились с переворотом и признали Генри Болинброка своим новым государем. Политическое напряжение, царившее в Англии, в начале царствования Генриха IV, отразилось в английских хрониках, в которых довольно подробно описывались многие слухи и события, демонстрируя крамольные настроения в обществе. Наиболее распространенными были слухи о возвращении низложенного Ричарда II.

Первым, кто указал на эти слухи в Англии, был хронист Кэпгрейв. Очевидно, ему достаточно много было известно о ходе расследования по поводу источников распространения слухов. Однако едва ли хронист доверяет информации, по которой утверждалось, что уже в начале 1400 г. в Северной Англии шла молва, якобы «Ричард II спасся, живет в Шотландии и вскоре должен вернуться». По возвращении он вознаградит всех тех, кто принял его сторону»³. Ссылаясь на «проведенное расследование», Кэпгрейв говорит о некоем пойманном на севере подстрекателе: «задержанный начал свои проповеди в североанглийском городке Уэр (Ware). Он писал обращения к народу и всегда подписывался разными именами,

¹ Chr. Boweri, II, 456.

² Royal and Historical Letters during the Reign of Henry IV. Ed. Hingeston F.C. L., 1860 Vol. I, P. 6 (далее — Letters of Henry IV).

³ Chr. Capgrave, 278. (февраль, 1400 г.).

чтобы никто его не поймал. Он заставлял народ верить, что весь мир готовится подняться в поддержку короля Ричарда. Когда же проповедник был схвачен, перед казнью он заявил, что королевские чиновники не в своем уме, раз осмеливаются поднять руку на человека короля. Он считал, что его палачи искренне должны поддержать его дело»¹.

Шотландские хронисты тоже не обошли вниманием распространение слухов о спасении свергнутого английского монарха. Однако в отличие от английского хрониста, который склонен рассматривать любую информацию о Ричарде II, как ложь и провокацию, шотландцы, кажется, верили этим слухам.

Пласкарден сообщает, как о достоверном факте, о появлении в начале 1400 г. Ричарда II в Шотландии, где тот нашел на первое время приют на Шетландских островах. Некоторое время английский король «оставался неузнанным на кухне Лорда Островов, до тех пор пока не перебрался в Шотландию ко двору короля Роберта III»². Забегая несколько вперед, отметим, что и спустя годы шотландский хронист не оставит без внимания судьбу английского изгнанника. В 1412 г. Пласкарден пишет, что пока Ричард II был жив (речь идет о якобы спасшемся еще в 1400 г. в Шотландии человеке), его содержали «с подобающей честью», а после его смерти в 1412 г., герцог Олбани «повелел захоронить короля в усыпальнице Стирлинга в северном пределе алтарной части церкви»³.

Неизвестно, имели ли прямое отношение к возникновению и распространению этих слухов сторонники профранцузской партии Олбани-Дугласа в Шотландии, но, очевидно, что такого рода слухи были им на руку, поскольку дестабилизировали обстановку в Англии.

Возможно, используя имя Ричарда II, агенты франко-шотландской партии вербовали себе сторонников из английских баронов, недовольных правлением Генриха IV Ланкастера, и провоцировали их на открытый мятеж против короны. За неимением более точных сведений, мы можем лишь предполагать, что, возможно, некоторые из североанглийских лордов, принявших позже участие в восстании Хотспера в 1403 г. под лозунгом свержения «узурпатора», верили в возможность возвращения законного короля Ричарда II из Шотландии.

Только что вошедшего на престол английского короля не могли не беспокоить шотландские набеги на северной границе. Едва ли верно утверждение А. Макдональда о том, что «англо-шотландские военные

¹ Ibid., 278.

² Book of Pluscarden, X, 255.

³ Ibid., X, 256.

действия в этот период [конец XIV — начало XV вв.] были абсолютной инициативой шотландцев, в то время как английские атаки были реакцией на повторяющиеся набеги шотландцев»¹. Ведь в разные годы инициатива набегов принадлежала то англичанам, то шотландцам. В любом случае, в основе столкновений на англо-шотландском пограничье лежало, как правило, желание поживиться за счет сопредельной земли, а такое желание было обоюдным.

В феврале 1400 г. тема участвовавших пограничных шотландских набегов в конце 1399 г. — начале 1400 г. (по хронике Уолсингэма, их было пять)², стала предметом обсуждения в Лондоне на одном из заседаний Королевского совета³. Впрочем, Генриха IV, наверняка, больше волновал вопрос признания Шотландией его в качестве законного английского государя, чем наказание шотландцев за их пограничные рейды.

Радикальным способом решения всех проблем в отношении с Шотландией, было бы присоединение ее к Англии. С целью выяснения вопроса, как относится к этому плану шотландские лорды, Генрих IV провел ряд зондирующих мероприятий. Получая от своих агентов в Лоуленде благоприятные донесения о готовности многих шотландцев стать подданными английской короны, Генрих IV стал готовиться к вторжению⁴.

Для обоснования законности своих притязаний на Шотландию, английский король ещё в феврале 1400 года дал распоряжение своему канцлеру Джону Норбери составить свод документов, включающий в себя хартии и извлечения из хроник, доказывающих право Англии на сюзеренитет над Шотландией. Напомним, что в итоге Войны за независимость с Англией по Нортемптонскому трактату (1328), Шотландия была официально признана Англией совершенно независимым королевством.

Известно, что 15 июля 1400 г. Джон Норбери представил королю искомый юридический свод, в его основу легла хартия об оммаже, принесенном Джоном Баллиолом, ставленника Эдуарда III, после смерти бездетного Александра III в 1286 г.⁵. Туда также входили выдержки из договоров Эдуарда I с Шотландией 1291–1296 гг., составленные в выгодном для Англии свете⁶. Получившийся документ шотландский историк

¹ *MacDonald A.J.* Border bloodshed. P. 1.

² Chr. Walsingham, II, 237, 238, 241.

³ *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 232.

⁴ *Jacob E.F.* The XVth century. P. 34–35.

⁵ <http://www.royal-stuarts.org/monarchs.htm>.

⁶ *Jacob E.F.* The XVth century. P. 34.

Норман Макдугалл охарактеризовал «сборной фальшивкой»¹. Конечно же, речь не идет о фальшивке, однако, понятно, что документы были подобраны односторонне, в выгодном для англичан духе.

В связи с подготовкой юридического обоснования притязаний Англии на Шотландию, уместно вспомнить слова английского хрониста Кэпгрейва, отражавшие позицию английского двора, что поскольку мир 1328 г. был заключен предателем Мортимером, он не может считаться действительным. Вдобавок хронист был уверен, что неудачи, которые преследуют шотландцев в войне с англичанами — свидетельство божьего промысла и «господство Англии над Шотландией угодно Богу»².

В июле 1400 г. Генрих IV потребовал от Роберта III принести оммаж за своё королевство³. По-своему показательным является тот факт, что в ответ на это, совершенно юридически некорректное требование англичан, шотландцы все же предложили начать переговоры по данному вопросу.

Такой поворот событий мы можем объяснить следующими причинами. Во-первых, действовал внешнеполитический фактор. Из-за раздиравших Францию междоусобиц Бургуньонов и Арманьяков, борющихся за власть в период болезни Карла VI, Франция была не способна оказать поддержку Эдинбургу, а без нее он не был готов идти на открытый конфликт с Англией. Вторым моментом, повлиявшим на решение идти на переговоры с Англией, стало политическая напряженность внутри самой Шотландии, поскольку (вероятно, не без участия Англии) активизировала свою деятельность сепаратистки настроенная гэльская знать Хайленда. «Хроники Шотландии» сообщают о мятеже горцев с острова Мэн, поводом для которого стало, якобы, недовольство налогами, которые пытались собрать в этой области королевские чиновники. В связи с этим, в мае 1400 г. Роберт III был вынужден отправить на подавление мятежа часть преданных ему лордов⁴. Королю не удалось поймать лидеров восстания, однако, на какое-то время ситуация в горах стабилизировалась⁵.

Английский монарх 7 августа 1400 года обратился к шотландской знати⁶. В этом заявлении Генрих IV призывал лордов Шотландии явить-

¹ *Macdougall N. An Antidote to the English. P. 56.*

² *Chr. of Capgrave, 201–202.*

³ *Foedera et Acta Publica, VIII, P. 156.*

⁴ *Chr. of Scotland, III, 478.*

⁵ *Buchanan G. History of Scotland L., 1690. P. 325 (далее — Buchanan G.); Nicholson R. The later Middle Ages. P. 233.*

⁶ *Foedera et Acta Publica, VIII, P. 156.*

ся к нему лично в Эдинбург и принести оммаж за свои владения. Встречным предложением стало обращение герцога Ротси к английскому суверену. Ротси предложил Генриху IV устроить рыцарский поединок между двумястами-тремястами шотландскими лордами с равным числом англичан, с тем, чтобы решить спор между их королевствами традиционным феодальным способом — путем рыцарского поединка. Это предложение герцога было мотивировано его «жалостью к пролитию христианской крови»¹.

Ответ Генриха IV герцогу Дэвиду Ротси очевидно не вписывается в принятый им облик миротворца, ибо король сказал: «Кровь должна будет пролиться в *любом* [выделено нами — С.И.] случае», предположив, что герцог Ротси «не способен увидеть разницу между «благородной» и «простонародной» кровью»², по-видимому, кровь шотландских дворян казалась английскому королю недостаточно благородной.

Таким образом, поединок не состоялся. Рыцарские поединки, вероятно, вообще для английского короля были неприемлемы. Когда через несколько лет герцог Орлеанский вызовет Генриха Ланкастера на поединок, то и французского принца постигнет то же разочарование, что и его шотландского родственника³.

Так или иначе, очевидно, что английский монарх твёрдо вознамерился совершить поход в Шотландию. В канун английского вторжения у Генриха IV появилась дополнительная возможность для вмешательства во внутренние дела Шотландии. Ею стал конфликт между двумя знатными и влиятельными баронами Шотландии.

Джордж Данбар, граф Шотландской Марки занимался устройством будущего брака своей дочери Элизабет с герцогом Ротси, что должно было укрепить его политические позиции при дворе. Успехи графа в этом матримониальном деле вызвали недовольство Арчибальда Дугласа, графа Дугласа. По словам Бьюкенена, «граф Дуглас возмутился, что его, столь знатного и могущественного человека, обошёл кто-то другой, а тем более его соперник»⁴. Поэтому граф Арчибальд приложил максимум усилий для расстройтва брака Элизабет Данбар.

Совместно со своим соратником герцогом Робертом Олбани он сумел добиться расторжения помолвки под предлогом того, что данный брак не получил одобрения от представителей всех сословий королев-

¹ *Lang A. A History of Scotland. Vol. I, P. 286.*

² *Ibid., Vol. I., P. 286.*

³ *Buchanan G. P. 323.*

⁴ Там же.

ства. Столь шаткий юридический довод был подкреплён значительно большим приданым, предложенным графом Дугласом за своей дочерью Марией. Вероятно, именно последний аргумент и повлиял на конечное решение шотландского короля, и помолвка была расторгнута.

Неудача, постигшая графа Джорджа, стала для него сильным потрясением. Вдобавок Роберт III отказался вернуть обратно ранее внесённое в казну приданое дочери графа.

Поскольку позиции его при дворе сильно пошатнулись, оскорблённый граф принял решение покинуть столицу и отправился в родовой замок Данбар, откуда обратился с письмами к Генриху IV Ланкастеру. Первое письмо в Англию было датировано 18 февраля 1400 г.¹ В нём граф, изложив суть происшедшего конфликта между ним и Арчибалдом Дугласом, просил у английского короля приюта для себя и своих домочадцев. В следующем письме Данбар уже предлагал свои услуги Генриху IV на английской службе. Он также просил устроить ему встречу либо с лордом Невиллом из Ферниваля, либо с графом Уэстморлендом, вероятно, для переговоров по поводу перехода Данбаров на английскую службу². Также Джордж Данбар испрашивал у короля охранную грамоту «для себя, своих домочадцев и свиты в сто человек». В скором времени, 12 марта 1400 г., этот документ был ему предоставлен.³

Таким образом, конфликт двух шотландских вельмож из матримониальной сферы перешёл в политическую и стал тем инструментом воздействия на Шотландию, в котором так нуждался Генрих Ланкастер. О степени важности для английского монарха как этого конфликта, так и фигуры самого графа Данбара говорит быстрота реагирования на события со стороны английского короля.

В письме от 14 марта 1400 г. графу Уэстморленду король предлагает встретиться с Данбаром «так скоро, насколько это только возможно»⁴. Такая реакция неудивительна, поскольку политическая выгода для англичан от этого поступка шотландского лорда была неизмеримо выше того, что просил для себя Данбар.

Наверняка, при любом стечении обстоятельств, все члены рода Данбаров встали бы на сторону своего родича, и это обстоятельство могло бы стать прекрасным трамплином для реализации планов английского монарха в Шотландии. Граф для английской политики стал

¹ Letters of Henry IV, I, 20.

² Ibid., I, 23.

³ Foedera et Acta Publica, VIII, P. 633.

⁴ Letters of Henry IV, I, 23.

той фигурой, которая должна была символизировать благосклонное и уважительное отношение английского короля к дворянам, гонимым на родине. Поступок графа, по мнению англичан, мог инициировать переход других шотландских баронов под знамёна Ланкастера. В этой своей политической игре Генрих IV делал ставку, прежде всего, на ту часть шотландского баронства, которая была недовольна или обижена своим королём.

Оставив Шотландию, граф обосновался в Северной Англии. Свой замок Данбар оставил на попечение племянника сэра Роберта Мейтленда, который спустя некоторое время по личному приказу Роберта III сдал его воинам Дугласа¹. Говоря о мотивах этого королевского решения, хронист объясняет: «чтобы Джордж Данбар, если он того захочет, не смог вернуться домой»².

Очевидно, что Данбар уехал в Англию, заранее оговорив свои шаги с королем и графом Нортумберлендом, поскольку по прибытии в английское королевство он сразу же связался не только с Генрихом IV и графом Уэстморлендом, но и со злейшим врагом Дугласов, графом Нортумберлендом. Графы скоординировали свои действия, и уже в конце марта 1400 года совместный отряд во главе со старшими сыновьями Данбара и Перси совершил рейд по приграничным землям Лоуленда. Как сообщает шотландский хронист, «чтобы отомстить, граф собрал войско из числа своих друзей, сыновей и других, кто осел с ним в Англии, и начал подлую войну на Пограничье по всей границе с Шотландией»³.

Этот двухтысячный отряд прошёл по графству Хэдингтон, где попытался захватить замок одного из вассалов Дугласов, однако неудачно. Позже он отправился в графство Линтон, принадлежавшее семье Дугласов. Впрочем, засада, устроенная Арчибалдом Дугласом, нарушила планы союзников и заставила их бежать с поля боя так резко, что, как передает Бьюкенен, «ничто не могло их остановить до самого Бервика»⁴.

Важно отметить, что именно этот рейд Данбара и Перси заставил Дугласов изменить порядок зачисления в пограничные стражи Шотландии. Главным критерием при отборе претендентов на звание «стражника» стало наличие у них веских личных причин для вражды с Данбарами.

¹ The buik of the cronicles of Scotland or Metrical version of history of Hector Boece by William Stewart / Ed. by Turnball W.B., esq. L., 1858 Vol. III, P. 503 (далее — Chr. of Scotland).

² Ibid, III, 503.

³ Book of Pluscarden, X, 256.

⁴ Buchanan G. P. 326.

Можно предположить, что такая практика в какой-то мере явилась реакцией на то, что в отряде Перси-Данбара было значительное количество воинов из числа шотландцев. Это были либо старые арендаторы Данбаров, или же просто люди, как говорит Бьюкенен, «оставшиеся верными своему старому лорду»¹.

Таким образом, как мы видим, уже в самом начале пребывания Данбара в Англии был внесен определённый раскол если не в шотландское общество в целом, то, по крайней мере, среди жителей приграничного Лоуланда.

Ответом на эти набеги стало требование Роберта III Шотландского о выдаче ему мятежного графа и его семьи. Сам Данбар на родине был объявлен «врагом общества» («Publik Enemy»)², а его владения конфисковывались в пользу короны. Спустя некоторое время они большей частью были отданы Арчибальду Дугласу в качестве возмещения материальных потерь от совместных акций Данбаров и Перси³.

Угроза Роберта III расторгнуть мирные договорённости в случае отказа выдать ему Данбаров привела к значительному усилению напряжённости в отношениях двух королевств. Генрих IV отказался выдать шотландского графа, аргументируя это данным Данбарам обещанием покровительствовать и защищать их, и, заявляя, что он ни в коем случае «не намерен нарушать королевское слово»⁴. Мятежный шотландский лорд остался в Англии, где 25 июля 1400 года публично отрёкся от службы Роберту III и принёс оммаж Генриху IV.

Примечателен тот факт, что ни шотландские, ни английские хронисты не пропустили это событие в своих хрониках. Для английских хронистов, принесенный Данбарами оммаж — прежде всего, символ могущества английской короны, перед которой «преклоняют колени даже могущественные лорды Шотландии»⁵.

Восприятие шотландцами перехода Данбаров на английскую службу комментирует Пласкарден. Шотландский монарх, как уже говорилось выше, объявил графа Джорджа изменником, но не за переход на службу англичан, а, как объясняет Пласкарден, за «разорение, учиненное набегами Данбарами вкупе со злейшими врагами Шотландии — Перси»⁶.

¹ Ibid., 327.

² Ibid., 327.

³ Chr. Boweri, II, 429.

⁴ Buchanan G. P. 327.

⁵ Chr. Walsingham, II, 237.

⁶ Liber Pluscardensis, I, 241.

Этот шаг графа Шотландской Марки окончательно рвал связь между ним и Шотландией. Можно предположить, что столь радикальные действия со стороны Данбара не были инициативой самого графа, а лишь являлись реализацией волевого решения английского монарха. Генрих IV, наверняка, прекрасно понимал, что для того, чтобы человек был полностью ему лоялен и предан, он должен окончательно порвать все связи с прежним сюзереном. Именно этому способствовал акт 25 июля 1400 года. В награду за этот шаг Джордж Данбар получил аннат в 500 марок золотом и замок Соммертон в Линкольншире¹.

Забегая немного вперед, отметим, что события 1400–1402 года позволяют графу доказать свою лояльность и преданность Англии. Генрих IV стремился использовать Данбаров в тех королевских проектах, где было возможно, манипулируя именем шотландского графа, внести раскол в кельтское единство (напомним, что в это время в Уэльсе разразилось восстание валлийского принца Оуэна Глендоуэра, которое активно поддерживала французская корона и шотландцы). Поэтому Данбар, на службе английского монарха, активно участвовал и в подавлении мятежа Глендоуэра и в набегах с территории Северной Англии в Шотландию, где авторитет этой шотландской семьи оставался, по-прежнему, весомым².

При этом отметим, что свои набеги Данбары совершали исключительно на пограничные владения Дугласов. Поэтому можно говорить о том, что, несмотря на переход на службу Англии и вызываемый этим большой резонанс в обоих королевствах, по сути, конфликт между двумя шотландскими графами так и остался в рамках классической феодальной вражды двух семейств.

Верная служба была вознаграждена новыми дарами. В грамоте от 13 марта 1402 года Генрих IV жалует графу ежегодную ренту в 400 фунтов золотом на двоих: для него и для его старшего сына. К этому был прибавлен манор Клинстоун в Шервуде. Графу также даровалось вооружение и средства на содержание отряда вооружённых людей «для службы в своих собственных землях или где-нибудь ещё»³.

Генрих IV демонстративно осыпал графа наградами и милостями, показывая щедрость английской короны как бы в противовес тем несправедливостям, которые были учинены графу его бывшим шотландским сюзереном. Данбары же, в свою очередь, честно служили английскому

¹ Foedera et Acta Publica, VIII, P. 153.

² Buchanan G. P. 326–327.

³ Foedera et Acta Publica, VIII, P. 245.

королю. Хронист Уолсингэм говорит о том, что Данбары «храбро бились с мятежными валлийцами»¹.

Апеллируя к шотландской знати и ища у нее поддержки, Генрих Ланкастер пытался представить шотландского графа несправедливо обиженным на родине бароном, нашедшим в лице английского монарха надёжного защитника и благодетеля, способного адекватно оценить таланты своих вассалов.

Но вернемся к событиям лета 1400 г. Упомянутое ранее предложение Шотландии о начале переговоров с Англией Генрих IV использовал лишь, как ширму для подготовки к вторжению в Шотландию. Об этом говорит приказ от 9 июня 1400 года шерифам северных графств, предписывающий им быть готовыми к выступлению в Шотландию².

Достаточно трудно проходили переговоры, в ходе которых обе стороны не желали смягчить свои позиции. Англичане требовали принесения оммажа и не желали признавать договор 1328 года о шотландском суверенитете. Шотландцы же при обсуждении притязаний англичан предлагали исходить из условий Нортгемптонского трактата, который, помимо признания суверенитета, гарантировал отказ Англии от всяких территориальных и политических претензий к Шотландии.

Более того, ряд пунктов договора 1328 г. позволял шотландцам претендовать на территории, входившие в Северную Англию, а также на те шотландские города, которые находились в руках англичан с XIII—XIV вв. — речь, в этом случае, идет о городах Бервике, Джедбурге, Ньюкаслена-Твиде и других прилегающими к ним территориями³. Попытки мирно урегулировать политический кризис, избежать военных действий или же обойтись «малой кровью», как предлагал герцог Ротси, не увенчались успехом. Начало войны стало неизбежным.

Английское вторжение началось 13 августа 1400 г., когда Генрих IV со своей армией вошел в шотландское графство Хэдингтон, где занял одноименный главный город графства, в нем король пробыл три дня. Следующей остановкой английского монарха стал небольшой городок Лейт, расположенный на берегу Фертского залива, недалеко от Эдинбурга, где его ожидали военные английские кораблями с подкреплениями и снаряжением, необходимым для осады города. Поскольку на границе практически не было войск шотландцев, англичане беспрепятственно

¹ Chr. Walsingham, II, 266.

² Foedera et Acta Publica, VIII, P. 156.

³ См. выше о договоре 1328 г.; подробнее см.: Федосов Д.Г. Рожденная в битвах: Шотландия до конца XIV в. М., 1996.

прошли по Восточной Шотландской Марке и Лотиану, разграбив и предав огню аббатства Мелроуз, Драйбург и Ньюэтлл¹.

Сама же столица Шотландии была взята англичанами несколькими днями позже. По словам Бьюкенена, «только лишь нерасторопность командования гарнизона эдинбургской крепости позволила англичанам захватить город»². Захватом Эдинбурга практически закончились военные действия. Шотландские войска, так и не дав англичанам генерального сражения, отошли вместе с двором Роберта III вглубь страны. Как сообщает шотландский хронист Пласкарден, герцог Олбани собирався выступить на помощь осажденному Эдинбургу, однако, это не понадобилось: король Англии, «уже нуждавшийся в провизии»³, решил вернуться в Англию.

Примечательной является шотландская версия происходившего, как бы облагораживающая и смягчающая характеристику английского монарха-оккупанта. Пласкарден передает, что «все, кто бы не просил у короля защиты и покровительства для своих домов, товаров, людей и владений — милостиво их получали от короля»⁴. Особенно Пласкарден выделяет речь, произнесенную Генрихом, в аббатстве Холируд (Holyrood).

Речь короля, представляла собой самооправдание с целью заручиться симпатией шотландцев. Король сказал, если верить хронисту, буквально следующее: «Поскольку я сам наполовину шотландец в сердце и по крови, принадлежу к благородным Каминам (the noble Cumyns), графам Баченам, то пришел я сюда [в Шотландию — *С.И.*] как враг, исключительно против своей воли, а лишь после подстрекательства, в чем Господь мне свидетель. Так как я получил в свои руки письма, отправленные правителем Шотландии во Францию... в этих письмах он утверждает, что я в крайней степени предатель и узурпатор. Вот почему я пришел сюда, чтобы понять, зайдет ли он в своем заблуждении до того, чтобы сразиться с таким предателем, каким он меня считает, но не для того, чтобы причинить кому-то беспокойство или страдания, что при таких обстоятельствах было бы возможно»⁵.

¹ *Macdougall N. An Antidote to the English. P. 50.*

² *Buchanan G. P. 327.*

³ *Book of Pluscarden, X, 257.*

⁴ *Ibid., X, 256.*

⁵ *Ibid., X, 257.* По тексту: I now come hither to see whether he in his innocence durst have an encounter, such, a traitor as he has said I'm I came not to cause any annoyance or hurt to any one as for as is possible.

Англичане рассчитывали, что многие шотландские бароны начнут покидать Шотландию с тем, чтобы найти более доброго и щедрого сюзерена в лице Генриха IV. Блестящая же карьера графа Джорджа должна была демонстрировать шотландцам то обстоятельство, что если бы Генрих IV стал шотландским сувереном, то под его дланью не творились бы несправедливости, а, наоборот, каждый из баронов будет по достоинству оценен и вознаграждён.

Захват Эдинбурга дал английскому монарху возможность провести серию переговоров с некоторыми шотландскими лордами¹. Вероятно, сделанные по их результатам неутешительные выводы во многом повлияли на дальнейшую политику английской короны в Шотландии. Английский король, вероятно, понял бесперспективность предпринятой им акции. Последнее обращение Генриха Ланкастера к шотландскому королю, в котором Роберту III вновь предлагалось принести оммаж за Шотландию, датировано 21 августом 1400 г.²

Похоже, это обращение было для английского короля попыткой выйти из сложившейся тупиковой ситуации с наименьшим уроном для своей репутации. Поскольку из-за неудачной шотландской кампании Генрих IV уронил свой авторитет умелого политика и военного лидера в Англии. Дождавшись 23 августа — срока ответа на требование об оммаже, и не получив никакого ответа, Генрих Ланкастер принял решение свернуть поход и вернуться на родину. Уже 29 августа 1400г. английская армия была в Северной Англии. Так закончился, как выразился Макдугалл, «непонятный поход» Генриха IV в Шотландию³.

Как это ни странно, однако, этому походу английские хронисты уделили весьма незначительное внимание, куда меньше, чем рассказам о распространении слухов о планах возможной реставрации Ричарда II. Так Уолсингем ограничивается лишь краткой и чрезмерно оптимистичным пассажем: «В 1400 г. король, собрав войска, вторгся в Шотландию, но шотландцы отказались от сражения. Король тогда, предав разорению страну, вернулся в Англию»⁴. Вполне вероятно, что такое освещение важного события было связано именно с неблагоприятным ходом кампании и крахом политических планов английского монарха.

В отношениях двух королевств наступил период политического затишья: ни Англия, ни Шотландия на официальном уровне не предприни-

¹ *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 237.

² *Foedera et Acta Publica*, VIII, P. 162.

³ *Macdougall N.* An Antidote to the English. P. 59.

⁴ *Chr. Walsingham*, II, 391.

мали никаких шагов для налаживания отношений после неудачной для Генриха IV военной кампании.

Только через месяц после возвращения Генриха IV в Англию, англичане предложили начать переговоры о заключении перемирия и, что самое любопытное, в их предложении уже не было ни слова о ранее выдвигавшихся посягательствах на шотландский суверенитет¹.

Очевидно, что это изменение политического курса английского короля было связано с восстанием Оуэна Глендоуэра в Уэльсе, о заинтересованности в котором арманьяков и шотландцев мы уже упоминали. В такой ситуации английский король не мог себе позволить неурегулированности отношений с Шотландией, которая с большой симпатией относилась к делу Глендоуэра². Очевидно, опасаясь вести войну на два фронта, Генрих Ланкастер на время отказался от всех претензий к Шотландии ради подписания с ней очередного мирного договора.

Важно особо обратить внимание на своевременность выбранного Глендоуэром момента для начала мятежа в Уэльсе — конец августа 1400 г. Во-первых, английский монарх, занятый походом в Шотландию, сконцентрировал все свои силы на севере страны, что было на руку Глендоуэру, поскольку в первые месяцы его мятежа он не встречал какого-либо серьёзного сопротивления со стороны королевских гарнизонов³.

Во-вторых, Глендоуэром была использована заинтересованность Франции (под которой мы, прежде всего, понимаем королевский двор и партию арманьяков) в развертывании военных действий на английской территории. С первых дней мятежа, переросшего в затяжную десятилетнюю войну, Глендоуэр, сумел заручиться поддержкой Франции.

Мирный договор, завершающий летнюю англо-шотландскую кампанию 1400 г., был подписан 9 ноября 1400 г. Он юридически закреплял политический и территориальный статус королевств до начала войны. Англия более не поднимала вопроса об оммаже. Стороны также отказывались от ведения военных действий в течение 6 недель и оставляли за собой право пролонгации соглашения⁴. Это право было использовано, и договор позже был продлён до 29 декабря 1401 г., то есть, было заключено перемирие на один год.

¹ Barrow G. *Medieval Scotland*. Edinburgh, 1993. P. 113.

² Nicholson R. *The later Middle Ages*. P. 236.

³ Chr. Walsingham, II, 380.

⁴ *Foedera et Acta Publica*, VIII, P. 166.

Впрочем, на региональном уровне конфликт между Северной Англией и Южной Шотландией оставался неурегулированным. Здесь на пограничье оставалось большое число старых споров и взаимных претензий, решать которые предпочитали по старинке, совершая рейды и набеги на сопредельную территорию. Расстановка сил при этом была весьма запутанной.

Лорды, используя свои родственные связи с семьями с другой стороны границы, нередко с их помощью сводили счеты со своими соседями — поданными той самой, что и они сами короны¹. Например, члены рода Максвеллов жили, как по английскую, так и по шотландскую сторону границы. Используя это обстоятельство, они инициировали набеги с сопредельной стороны на земли своих врагов, так, чтобы пострадавшие не могли напрямую обвинить их в сговоре с нападавшими².

Теперь граф Нортумберленд вместе с Данбарами также активизировали военные действия на пограничье. Пласкарден сообщает, что «3 февраля 1401 года отряд со старшими сыновьями графов Шотландской Марки и Нортумберленда во главе совершил рейд в Западный Линтон. Дважды они нападали на замки Хэйлз и Трепрейн, хотя и неудачно». В начале марта с английской стороны был совершен еще один набег на шотландские земли — состав участников тот же³.

Основными объектами набегов английских отрядов были земли Дугласов и их союзников. Шотландцы платили англичанам той же монетой, поэтому ситуация в приграничье стала вновь накаляться. В ожидании крупных военных действий Генрих IV 25 мая 1402 г. издал распоряжение шерифам северных графств быть готовыми для отражения вторжения шотландцев⁴.

Примечательным является то, что спустя два месяца, 4 августа 1402 г., король снова приказывал своим вассалам на Севере «быть готовыми сопровождать короля в Шотландию»⁵, что говорит о намерениях короля вновь вторгнуться в Шотландию. Хотя, судя по документам этого периода, для английского короля время было крайне неблагоприятным. В сложившейся внешне — и внутри — политической обстановке идея вторжения в Шотландию была мало осуществима.

¹ *Wylie J.A.* England under the reign of Henry IV. Vol. I, P. 23.

² *Fraser MacDonald.* The Steel Bonnets. P. 38.

³ *Liber Pluscardensis*, I, 265, 273.

⁴ *Foedera et Acta Publica*, VIII, P. 172.

⁵ *Ibid.*, VIII, P. 257.

Летом 1402 г. на помощь мятежному валлийскому лорду Оуэну из Франции прибыл корпус Жана де Бурбона, графа де Ла Марша¹. Генрих IV приказал всем прибрежным городам приготовиться к отражению возможных нападений французов². В самой Англии снова активно циркулировали слухи о скором возвращении низложенного короля Ричарда II и о его пребывании в Шотландии под покровительством шотландского короля.

Кэпгрейв сообщает, что, например, в местечке Уэр (Северная Англия) был схвачен некий священник, при котором находился список людей, принявших якобы сторону короля Ричарда II (1401).³ Хронист также указывает, что была арестована графиня Оксфорд, распространявшая слухи о том, что «Ричард II выжил и должен вскоре вернуться в Англию с сильной армией, чтобы снова править» (1403).⁴ Как уже говорилось выше, вероятно, такого рода слухи могли распространяться в Северной Англии не без участия партии Олбани.

К этому времени в самой Шотландии противники партии Дугласа-Олбани лишились своего авторитетного лидера — герцога Ротси, правившего в течение двух лет настолько «безответственно и дико»⁵, что в 1401 г., король Роберт III был вынужден сместить герцога, а когда тот отказался оставить власть, шотландский монарх приказал силой арестовать собственного сына.

После ареста Дэвид Ротси был помещен под стражу в Фолкленд — замок своего дяди Олбани, на которого король вновь возложил обязанности регента Шотландии. Спустя полгода, в марте 1402 г., он там же умер. На теле принца не нашли ничего необычного, однако, все признаки указывали на то, что его уморили голодом. Тем не менее, власть Олбани была настолько велика, что все подозрения с него были сняты очень быстро⁶.

Как важную победу англичан над шотландцами, английские хронисты преподнесли столкновение 22 июня 1402 года вблизи местечка Не-

---

¹ *Recueil des chroniques et anciennes histoires de la Grant Bretagne, a present nomme engleterre par Jehan de Wavrin, Jean de, seigneur du Forestel.* / / Ed. by Hardy, W. L., 1868. Vol. II, 85 (далее — Chr. Wavrin, Jean de).

² *Foedera et Acta Publica*, VIII, P. 172.

³ Chr. Capgrave, 278.

⁴ *Ibid.*, 285–6.

⁵ *MacDonald A.J.* Border bloodshed. P. 135.

⁶ *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 239; *Peter and Fiona Somerset Fry.* The History of Scotland. L&N.Y., 1993. P. 88.

сбит Мьюир (Южный Лоуленд). С английской стороны был отряд графа Джорджа Данбара, «находившегося на службе Генриха IV», а с шотландской — во главе отряда стоял сэр Патрик Хёпберн из Хейлза. Шотландец Пласкаден, вероятно, желая оправдать поражение соотечественников, рассказывает, что сэр Патрик Хёпберн возвращался домой после набега, в котором его отряд понес ощутимые потери. Он и его люди были сильно изнурены переходом, когда уже на территории Шотландии их нагнал отряд графа Джорджа Данбара. Вскоре граф Шотландской Марки соединился с отрядом своего старшего сына — сэром Патриком Данбаром. Затем объединенный отряд Данбаров атаковал противника и «вопреки удаче одержать победу над сэром Патриком Хёпберном»¹.

В результате боя шотландцы потеряли 240 человек, в числе которых был и их лидер сэр Патрик. Другой шотландский хронист — Боуэр, с прискорбием отмечает, что в этом бою погиб «цвет рыцарства большей части Лотиана [графство в Лоуленде — *С.И.*]»². Впрочем, немного далее он, уже с известной долей гордости за мощь своего королевства, описывает войско, которое собрали шотландцы всего лишь через две недели после Несбит Мьюра. По словам Боуэра, «большое войско шотландцев численностью 10 тыс. человек в начале июля [1402 г. — *С.И.*] вторглось в Камберленд, заставляя англичан бежать в ужасе из своих домов»³.

Шотландцев там встретил местный епископ Карлайла, который от имени графа Генри Нортумберленда, руководил войсками графства. Англичанам удалось отразить нападение, а шотландцы понесли серьёзные потери⁴.

Арчибальд Дуглас, четвертый граф Дуглас, после смерти своего отца в начале 1400 г., продолжая его политику, поддерживал франко-шотландский альянс и активно участвовал в государственных делах Шотландии. Такая политическая ориентация вполне объяснима, если учесть, где находились его владения, и то, что поэтому часто интересы альянса и графа в пограничье совпадали. Самого себя четвертый граф Дуглас именовал не больше не меньше как «великий страж шотландского пограничья» («*great guardian of the marches of Scotland*»)⁵. Действительно, если взять карту шотландского пограничья, то видно, что

¹ Book of Pluscarden, X, 259.

² Chr. Boweri, II, 433. О потерях англичан и отряда Данбара хронисты, к сожалению, ничего не сообщают.

³ Ibid., II, 433.

⁴ Wylie J.A. England under the reign of Henry IV, Vol. III, P. 223.

⁵ Macdougall N. An Antidote to the English... P. 69.

владения Дугласов и их вассалов покрывают почти всю территорию, за исключением королевских городов и бургов.

Влияние короны в этом регионе было незначительным, а авторитет Дугласов был, наоборот, непререкаем¹. Лишним подтверждением этой оценки могут послужить слова Пласкардена, написавшего, что «в год смерти (выделено нами — С.И.) Арчибальда Черного Дугласа² английский король вторгся Шотландию», получается, что для страны факт смерти графа был даже более памятен, нежели вторжение английского короля³.

Шотландские лорды, мечтавшие «отомстить англичанам за поражение при Несбит Мьюре»⁴, собирались предпринять крупномасштабный поход по северо-английским графствам. Во главе шотландского отряда стал Арчибальд, граф Дуглас. Как отмечает английский хронист Кэпгрейв, «во время Парламента 1402 г. шотландцы решили, что часть их корпуса должна *отправиться в Уэльс* [выделено нами — С.И.], а другая — вторгнуться в Англию»⁵.

Уклоняясь несколько в сторону от главного сюжета, мы бы хотели отметить, что между Шотландией и Уэльсом существовали налаженные связи. Шотландия, как и Франция, оказывала валлийцу Оуэну Глендоуэру помощь в его войне с англичанами — отдельные шотландские отряды находились в составе войска валлийского мятежника. Как отмечает хронист Боуэр, Оуэном Глендоуэром, весьма к месту, цитировалось пророчество одного из героев кельтского эпоса — Мерлина, говорившего, что «Уэльс будет освобожден только при помощи Шотландии и Ирландии»⁶, и на самом деле Глендоуэр достаточно быстро сумел обеспечить себе поддержку и симпатию как со стороны самих валлийцев, так и со стороны населения Шотландии и Ирландии, играя этническом родстве, старой вражде этих королевств с Англией и на общности интересов⁷.

¹ Barrow G. Medieval Scotland. Edinburgh, 1993. P. 75; Peter and Fiona Somerset Fry. The History of Scotland. L&N.Y., 1993 P. 94–6; Dickenson W.C. Scotland from the earliest times to 1603. Oxford, 1977. P. 73.

² Речь идет об Арчибальде Дугласе, третьем графе Дугласе по прозвищу Хмурый — инициатора конфликта с Данбарами, умершего весной 1400 г.

³ Book of Pluscarden, X, 256.

⁴ Book of Pluscarden, X, 259.

⁵ Chr. Capgrave, 280.

⁶ Chr. Boweri, II, 457.

⁷ Holmes G. The later Middle Ages 1272-1485. L., 1974. P. 184.

Вероятно, сентябрьский поход Дугласа в 1402 г был скоординирован с действиями союзников, поскольку в этот же период на другом участке английской границы — в Уэльсе, где активно действовали французы. Однако, насколько нам известно, в этот год шотландские отряды в сражениях в Уэльсе участия не принимали¹.

В сентябрьском походе 1402 г. помимо Дугласа, участвовали и другие влиятельные лорды: граф Энгус (глава Красных Дугласов), граф Мори, старший сын герцога Роберта Олбани Мердок Стюарт, граф Файф и др. К ним присоединились представители почти всех знатных родов Шотландии. Общее число баронов, принявших участие в этой кампании, перевалило за сотню. В числе участников этого похода оказались также около 50 французских рыцарей, по всей вероятности, находившихся в Шотландии при французской миссии. Общая численность шотландской армии, по словам Боуэра, достигла 40 тыс. человек².

Армия Дугласа вторглась в Северную Англию и прошла по ней опустошительным рейдом. Региональные хроники, сообщают, что тысячи человек, нашли убежище в близлежащих городах и крепостях, спасаясь от шотландского нашествия³. Значимость этого события для пограничного региона и политических отношений двух королевств, обусловила ту обстоятельность, с которой шотландские и английские хронисты рассказывают об этом походе. Однако, если одни — Пласкарден и Боуэр — изображают поход как справедливое возмездие за «урон, нанесенный Шотландии» и желание шотландцев «отмстить за поражение при Несбит Мьюре»⁴, то Уолсингэм и Кэпгрейв, наоборот, подчеркивают, что «шотландцы желали разорить английские земли»⁵.

Подробно описывая ход событий, источники указывают, что для отражения «пришедших с враждебными намерениями шотландцев», графам Нортумберленду и Данбару, удалось собрать значительное войско. Оно состояло из 12 тыс. копейщиков и 7 тыс. лучников, а ещё около тысячи человек были заняты в обозе⁶.

¹ *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 241.

² Chr. Boweri, II, 433 — несомненно, численность контингента, сильно завышено. Вероятно, хронист лишний раз хотел подчеркнуть масштабность и размах этой акции шотландской знати. Вряд ли речь может идти о более, чем 7–10 тыс. чел.

³ Например, *Wylie J.A.* England under the reign of Henry IV, Vol. I, P. 291.

⁴ Chr. Boweri, II, 433; Book of Pluscarden, X, 259.

⁵ Chr. Capgrave, 67; Chr. Walsingham, II, 251.

⁶ Chr. Boweri, II, 433; Chr. Capgrave, 67.

Когда Дуглас и его войска прошли по северо-английским графствам и не встретили основных сил англичан, ими было принято решение возвращаться домой. На пути к Ньюкасл-на-Твиде марш шотландцев был остановлен англичанами во главе с сэром Генри Хотспером, лордом Англеси (напомним, старшим сыном графа Нортумберленда) и Джорджем Данбаром. Во главе английского корпуса стояли также сэр Ральф д'Эвре и лорд Грейсток.

Встреча двух армий произошла 14 сентября 1402 года у шотландского местечка Хелведен (Хомилдон) Хилл, находящегося рядом с городком Уолор, недалеко от англо-шотландской границы (в графстве Тевинотдейл). Сражение началось в середине дня. Пласкарден сообщает, что «завидев англичан, Дуглас приказал занять оборону. Генри Хотспер же дал команду атаковать шотландцев, не давая тем самым возможности войскам Дугласа занять оборону или отступить»¹. Генри Хотспер дал приказ лучникам стрелять, прежде всего, целясь в предводителя шотландцев. Как отмечает Ломас: «сражение при Хомилдон Хилле — было часом величайшей славы Хотспера»².

Сам же шотландский граф (по словам Уолсингэма, вероятно, желавшего подчеркнуть его безрассудство), «попытался личным примером воодушевить своих соотечественников». Для этого «он снял с себя доспехи и встал под выстрелы английских лучников»³. Когда Дуглас был ранен стрелой, в рядах шотландцев возникла паника, «так англичанам стало проще обратиться к бегству, а многих пленить без боя»⁴.

После победы Хотспер со своими людьми прошелся по шотландской территории и осадил несколько шотландских крепостей. Одна из них — Коклос (Cocklows in Teviotdale) хотя и оказала ему упорное сопротивление, пала. Затем Хотспер заключил перемирие при условии, что до 1 августа 1402 г. «шотландцы не будут воевать против Англии»⁵.

Хроники не сообщают цифры потерь шотландской армии, однако, судя по описанию боя, потери были внушительными. К сожалению, наши источники не называют поименно погибших шотландских лордов, останавливаясь лишь на попавших в плен. В число пленных попало около 80 шотландских лордов разной степени знатности, среди них оказались практически все вожди шотландского корпуса.

¹ Book of Pluscarden, X, 260.

² Lomas R. A power in the land. P. 75.

³ Chr. Walsingham, II, 252.

⁴ Ibid., X, 260.

⁵ Hall's Chronicle containing the History of England during the reign of Henry IV and Succeeding Monarchs. L., 1809. P. 61.

В их числе находились Арчибальд Дуглас, граф Дуглас, Мердок Стюарт, граф Файф¹, граф Мори, граф Энгус, барон Монтгомери, барон Сетон, барон Эбернетти, а также приближенный Дугласа — сэр Джон Хьюм (John Hume). Боуэр передает слова Олбани, когда тот узнал о пленении сына: «клянусь Богом и св. Филланом, если я буду жив, то сделаю все, чтобы спасти своего мальчика»².

Кроме того, хронистом говорится о захваченных в плен: 30 французских рыцарях. В их числе были: шевалье Жак д'Эли (Jeaс d'Helie), шевалье Пьер д'Эссар (Pier des Essars), шевалье Жан Дорми (Jean Dormis), шевалье Ришар де Куршиль (Richard de Courchill)³.

Печальным следствием поражения при Хомилдоне для Арчибальда Дугласа стало обидное для столь знатного лорда прозвище, данное ему его соотечественниками — Неудачник (Loser)⁴.

Боуэр сообщает о судьбе захваченных в битве двух шотландских рыцарей родом из Пограничья: сэра Уильяма Стюарта из Тевинтдейла и сэра Томаса Керра. Эти рыцари, принёсшие ранее оммаж королю Генриху IV, перешли на сторону Дугласа. После битвы, «рыцарей объявили предателями и приказал четвертовать»⁵. Их останки по указу графа Нортумберленда, в назидание другим, были выставлены на всеобщее обозрение на воротах Йорка.

Этот пассаж немаловажен, поскольку Боуэр вновь затрагивает проблему перехода людей благородного происхождения на службу от одного сюзерена к другому, как это было в истории с Данбарами. Вероятнее всего, для шотландского хрониста события такого рода, как смена вассалом своего сюзерена, хотя и заслуживали внимания, но, вместе с тем, едва ли являлись чем-то исключительным.

Англичане потеряли убитыми всего 10 рыцарей: погибли сэр Адам Гордон, сэр Джон Свинтон, сэр Александр Рамзи, сэр Уолтер Синклер и др.

¹ Английская исследовательница Р. Митчисон в «История Шотландии» ошибочно указывает год пленения Мердока Стюарта 1409 г., а его освобождения 1415 г. (вместо 1419 г.) — Mitchison R., History of Scotland. P. 61.

² Chr. Boweri, II, 437.

³ Foedera et Acta Publica, VIII, P. 379.

⁴ Шотландский историк Макдугалл приводит два объяснения этого прозвища. Первый вариант — прозвище — есть отражение многих неудач, который понес за свою военную карьеру граф. Вторая — «способность» графа терять на каждом поле брани «по одной из частей своего тела». *Macdougall N. An Antidote to the English.* P. 69.

⁵ Chr. Boweri, II, 438.

Никто из плененных при Хомилдон Хилле шотландцев не был отправлен в столицу. Их разместили в замках и городах Северной Англии. В ответ на требование английского монарха предоставить ему пленных шотландских баронов и отправить их в Лондон, Генрих IV получил ответ графа Перси: «они [шотландцы — С.И.] пленники графа, а не короля»¹. Такой ответ — явная демонстрация вызывающей позиции графа Нортумберленда по отношению к сюзерену и отражение королевских амбиций Перси.

Впрочем, несмотря на такой поворот событий, и очевидное обострение отношений с семьей Перси, Генрих IV, как и полагалось сюзерену, выкупил у Глендоуэра сводного брата Хотспера сэра Эдмунда Мортимера, попавшего в плен в Уэльсе.

Уолсингэм, отражая официальную точку зрения, говорит, что английский монарх сделал все от него зависящее, чтобы предотвратить надвигающийся конфликт между ним и Перси. В его изложении дело выглядело так: «Генри Перси младший, всегда испытывший свою судьбу, бросил вызов королю. Вопреки здравому смыслу, его поддержал брат — Томас Перси, граф Вустер (*comes Wugorniae*). Хотспер в своем письме к Генриху IV упрекал короля в не соблюдении интересов лордов и прелатов, а также высказывал сомнения в отношении прав Генриха IV на трон. Король призвал его к себе, чтобы обсудить все требования Перси и даже дал распоряжение своей канцелярии приготовить сопроводительное письмо для Хотспера с гарантией неприкосновенности. Однако Перси отверг требования короны и выступил к Шрусберри, надеясь получить помощь от Глендоуэра и Эдмунда Мортимера»².

Некоторые формальные основания для притязаний на корону, напомним, у семейства Перси были. Отец Генриха IV Джон Гонт, герцог Ланкастер, был третьим сыном Эдуарда III Плантагенета. Но легитимность притязаний сына Джона Гонта на трон продолжала быть под сомнением, поскольку не угасла старшая линия, идущая от второго сына Эдуарда III Лайонелла, герцога Кларенса, умершего в 1368 г. У герцога Кларенса не было сыновей, но осталась дочь Филиппа, вышедшая впоследствии замуж за Эдмунда Мортимера третьего графа Марки. От этого брака родилось два мальчика. Старший — Роджер Мортимер, носивший титул четвертого графа Марки, вплоть до своей смерти в Ирландии в 1398 г., был официально признанным наследником бездетного Ричарда II. Сын Мортимера, родившийся в 1391 г. — стал после смерти своего отца но-

¹ Chr. Wavrin, Jean de, II, 57.

² Chr. Walsingham, II, 398.

сителем титула пятого графа Марки. Элизабет Мортимер, дочь третьего графа Марки, вышла замуж за Хотспера в 1379 г. и в 1393 г. у них родился сын Генри — будущий второй граф Нортумберленд.

Юный Мортимер, обладатель титула пятого графа Марки, а вместе с ним и сын сэра Генри Перси Хотспера, будущий носитель титула второго графа Нортумберленда, имели больше прав на трон, чем Генри Болинброк. Однако, когда произошел кризис 1399 г. оба мальчика были слишком юны для притязаний на трон (Мортимеру было 12, а сыну Хотспера всего 6 лет) и, главное, в отличие от Генри Ланкастера, за ними не стояла влиятельная политическая партия. Впрочем, это не значит, что об их правах родственники тогда забыли, скорее «отложили до лучших времен»¹.

Семейство Перси, по-видимому, решило, что после Хомилдона такое время наступило. А хронист Жан де Ваврен даже утверждает, что Перси, видя легкость «делания королей», поставил перед собой цель самому стать королем².

По утверждению Р. Ломаса, «конфликт между семьей Перси и Генрихом IV больше все же был делом именно Хотспера, а не его отца»³. Хотспер стремился «защитить интересы своего сына и юного Мортимера, а также оспорить легитимность прав короля Генриха IV на корону». Довольно спорно утверждение Р. Ломаса о том, что на самом деле «амбиции семьи Перси простирались далее на север — на Шотландию, за счет которой Перси надеялись расширить свои владения и обрести большую власть. Однако возможности этой семьи были неадекватны поставленным самим себе задачам, и в этой связи Перси нуждались в поддержке английской короны, а Генрих IV не желал им помогать»⁴. Ведь по сути, и Хотспер, и его шестидесятилетний отец — граф Нортумберленд в начале 1400х гг., отошли от традиционной политики на пограничье и все больше внимания стали уделять именно придворным делам, вероятно, поставив перед собой задачу низвергнуть с престола Генриха IV. По крайней мере, такие выводы можно делать, ориентируясь на факт поднятого мятежа Генри Хотспера в 1403 г.

Похоже, в самом семействе Перси действительно не было единой политики и согласованности действий. Мы полагаем, что старым графом Нортумберлендом и его сыном Хотспером двигали разные мотивы. Так,

¹ *Lomas R. A power in the land. P. 77.*

² *Chr. Wavrin, Jean de, II, 58.*

³ *Lomas R. A power in the land. P. 76.*

⁴ *Ibid., P. 79.*

для старшего сына графа — сэра Генри Хотспера, главными, несомненно, были стремление получить английскую корону, если не для себя, то, по крайней мере, для своего сына.

Что касается позиции и планов самого Генри Перси, графа Нортумберленда, то он, судя по всему, был неудовлетворен тремя обстоятельствами. Во-первых, своим статусом при английском дворе, где он не имел поста, соответствующего его положению на севере страны. Во-вторых, граф, очевидно, не был удовлетворен полученной наградой за помощь, оказанную им при воцарении графа Болинброка в 1399 г., и, наконец, в-третьих, едва ли графа Нортумберленда покидала идея полного подчинения себе всего севера Англии, в рамках широкой политической автономии от Лондона. Думаем, не зря, во всех заговорах начала XV в., где принимали участие Перси, особым пунктом поднимался вопрос о признании широкой автономии Северной Англии под управлением Перси¹.

Можно думать, что вопрос о не признании легитимности короля со стороны Перси в 1403 г. являлся лишь формальным поводом для открытого мятежа, который, в случае победы, дал бы, по меньшей мере, регентство над всей Англией в период несовершеннолетия Эдмунда Мортимера.

В июле 1403 г. Генри Хотспер, собрав значительную армию и заручившись поддержкой шотландцев и валлийцев, издал манифест, в котором обвинил короля в предательстве и вероломстве по отношению к Ричарду II². Далее было заявлено, что король намеренно обманным путем лишил молодого Мортимера его законных прав на наследование трона. Началом мятежа против Генриха IV стало воззвание от имени Ричарда II, якобы «спасшегося и пребывающего в Шотландии»³, выпущенное Хотспером в Честере в начале июня 1403 г.

Конфликт между семьей Перси и Генрихом IV происходил на фоне изменения ситуации в пограничье. В результате пленения шотландских лордов снизилась военная активность шотландцев.

Очевидно, что Дуглас, как и другие пленные шотландские бароны, поддерживал регулярную связь с родиной и своим соратником герцогом Олбани, который, будучи лидером профранцузской партии, несомненно, был заинтересован в дестабилизации ситуации на севере Англии. Однако из-за пленения Мердока, герцог, вероятно, не хотел рисковать, выступая открыто против Англии, поскольку английский король уже не-

¹ Walker D. Medieval Wales L., 1996. P. 172.

² Lomas R. A power in the land. P. 77.

³ Wilkinson B. The later Middle Ages in England, 1216–1485, L., 1993. P. 246.

однократно демонстрировал умение принимать жесткие политические решения, к которым можно было бы отнести казнь графа Мердока.

Важным сюжетом в данной ситуации являлись взаимоотношения Перси и Дугласа. Политические интересы заставили баронов, чьи семьи, как мы помним, издавна враждовали, забыть на время бывшие конфликты. На тот момент им обоим было выгодно объединиться. Шотландские бароны получали свободу и возможность взять реванш у Лондона в обмен на согласие принять участие в мятеже английских баронов¹.

Такое развитие событий: быстрое нахождение общего языка и готовность поддержать мятеж, подтверждает догадку о том, что лорды пограничья были гораздо ближе по культуре и по мировоззрению к жителям пограничного региона сопредельного государства, чем к своим соотечественниками, живущим в Лондоне или Эдинбурге.

Долгая совместная история, традиции и даже особый местный диалект, отличный как от стандартного английского², так и от родственного пограничному диалекту английского языка, на котором говорили в Лотиане, сформировали в приграничье свою субкультуру. Дистанцированность от своих политических центров и традиционно невысокий авторитет королевской власти в регионе, также создавали предпосылки для формирования здесь особого политического и психологического климата. Обитатели пограничья, будь то англичане или шотландцы, надо полагать, вряд ли воспринимали друг друга, как «чужеземцев»³. К тому же, многие пограничные территории длительное время попеременно принадлежали то англичанам, то шотландцам, что также накладывало неопределенность на государственной самоидентификации местных жителей.

В этом ключе, вероятно, уместно говорить о некоем «двухуровневом мышлении» пограничных лордов первой половины XV в. Пограничные лорды, в той или иной степени, были инкорпорированы в государственную жизнь королевства, а, следовательно, были вовлечены в высокую политику. То обстоятельство, что жизнь англо-шотландских лордов, протекала, главным образом, на пограничье, никак не влияло на их самоидентификацию себя самих как нобилей. Лорды пограничья, надо полагать, считали себя, прежде всего, дворянами, живущими в особом, пограничном субрегионе, а уже после подданными короля Англии или Шотландии. Из этого следует, что дела их родного региона для этих

¹ *Walker D. Medieval Wales. P. 174; Holmes G. The later Middle Ages. P. 193.*

² *Martin J. Ball, Fife J. The Celtic Language. P. 149.*

³ *George MacDonald Fraser. The Steel Bonnets. P. 34.*

лордов оставались более приоритетными, чем события и политическая жизнь при дворах Лондона или Эдинбурга.

Несомненно, авторитет пленных шотландских лордов на родине и близость к своим владениям, позволили собрать пленным шотландцам под свои знамёна значительные силы, тем самым преумножив и укрепив войска мятежных английских лордов.

Возможно, помимо договоренности об освобождении Дугласа, были сделаны еще и другие предложения, касающиеся, скорее всего, раздела сфер влияния в пограничных областях. Эта мысль вполне допустима, поскольку известно, что в случае интронизации Эдмунда Мортимера, всем лидерам мятежа от имени Мортимера были обещаны «очень широкие права и привилегии»¹. Как считают Р. Никольсон и Д. Уокер, графу Нортумберленду была обещана политическая автономия всего английского Севера, а графу Дугласу, вероятно, пообещали земли в пограничье, на которые он претендовал. Валлийский же принц Глендоуэр — должен был получить признание Англией политической независимости всего Уэльса².

Общее командование войсками заговорщиков осуществлял сэр Генри Хотспер. В восстании также принял участие младший брат графа Нортумберленда — сэр Томас Перси, граф Вустер. Дуглас руководил шотландской частью — численностью около двух тысяч человек армии, в которую вошли вассалы графа с пограничья и плененные при Хомилдоне шотландские лорды³. Хотсперу была обещана поддержка валлийца Оуэна Глендоуэра, близкие отношения с которым «поддерживались со времен пленения Мортимера» и были «сцементированы браком Мортимера с дочерью Глендоуэра Екатериной»⁴.

Впрочем, королевские войска успели предотвратить объединение армии валлийцев с английскими мятежниками. Хотспер остался один на один с войсками короля.

Генеральное сражение войск Хотспера и королевской армии произошло 21 июля 1403 года при Шрусбери. Уолсингэм сообщает, что солдаты Хотспера скандировали своему вождю перед сражением при Шрусбери: «Генри Перси [Хотспер — *С.И.*] наш король!»⁵. Этот клич, очевидно, отражает истинную суть закутившейся политической интриги и указывает на главное заинтересованное лицо этого мятежа — сэра Генри Перси.

¹ *Holmes G. The later Middle Ages. P. 193.*

² *Nicholson R. The later Middle Ages. P. 252; Walker D. Medieval Wales. P. 172.*

³ *Ibid., 401–402.*

⁴ *Lomas R. A power in the land. P. 77.*

⁵ *Chr. Walsingham, 400–401.*

Перевес сил был на стороне королевских войск, которыми командовал шестнадцатилетний принц Генри. Вполне в традиции английских хронистов подчеркивать мужество и героизм своих правителей рассказывается о поведении будущего короля Генриха V в бою с мятежниками. В этом сражении молодой принц Генри был ранен, однако, не покинул поле боя, по словам хрониста, сказав своим приближенным: «с каким рвением наши люди бросятся в битву, когда увидят меня, их принца, сына короля, бежавшего в страхе? Именно потому, что я находился во главе армии, я и был ранен. И поэтому не только словами, но и собственным примером, я могу внушить мужество своим людям. Ведь так и должен поступать истинный принц»¹.

Вождь мятежников сэр Генри Перси (Хотспер) пал на поле боя, а его сподвижники были взяты в плен и казнены. Среди них был граф Вустер, барон Киндиртон и сэр Ричард Вернон, «которые, как говорят, сделали много зла, а теперь вместе разделил и несчастье»². Их головы были выставлены как предупреждение другим мятежникам на стенах Йорка.

Генри Перси, графу Нортумберленду не было предъявлено обвинений, поскольку у короля не было доказательств его прямого участия в мятеже. Тем не менее, как указывает хронист, «король лишил графа Нортумберленда должностей и званий на пограничье за его бездействие во время мятежа, а также из-за сведений о его возможной причастности к заговору. Граф был отправлен под домашний арест в замок Уеркуорт (Werkworth)»³. Несколько иначе о судьбе графа говорит Кэпгрейв: «мятежного графа заключили под стражу и по решению парламента лишили всех прав состояния»⁴.

Шотландцев, участвовавших в сражении на стороне мятежников и вновь попавших в плен, включая Дугласа, на этот раз все-таки препроводили в Лондон, где они были помещены в Тауэр⁵. Уолсингэм, сообщая об этом, вдаетея в философские рассуждения: «Как и год назад, когда граф Дуглас сражался с англичанами, он был снова пленен. Как все же переменчива и как в то же время постоянна судьба»⁶.

Что касается судьбы графа Нортумберленда, то спустя несколько месяцев после Шрусбери, граф, благодаря своим связями в Лондоне и

¹ The first English life of King E. England 1175–1425. Henry V. Oxford, 1856. P. 9.

² Chr. Walsingham, 402.

³ Ibid., 403.

⁴ Chr. Capgrave, 283.

⁵ Chr. Boweri, II, 439.

⁶ Chr. Walsingham, 401.

влиятельно на севере королевства «был восстановлен в правах и привилегиях, а также в своих передвижениях»¹.

Несомненно, английская знать крайне неодобрительно восприняла санкции короля против графа Нортумберленда, вина которого не была доказана и, который имел право на суд пэров. В этом контексте король не мог позволить себе нового обострения отношений со своими лордами. Прощая старого Перси, возможно, Генрих IV, надеялся, что после гибели сыновей и краха всех амбициозных планов семьи, старый граф больше уже «не поднимет голову»².

Однако, если такие мысли и были в голове короля Англии, то они оказались заблуждением. Наоборот, смерть сыновей сделала графа Нортумберленда непримиримым противником Генриха IV. Как заметил Эдмунд Кинг: «силы графа были заметно истощены, но не его стремление свергнуть короля»³. Последующий после битвы при Шрусбери год протекал для графа Перси или в приготовлениях к заговорам или в участии в них. Как говорит Уолсингэм, король имел сведения, что Перси «продолжает поддерживать отношения с врагами Англии в Шотландии»⁴ и вел переписку с Оуэном Глендоуэром⁵.

Спустя некоторое время после поражения Хотспера при Шрусбери снова появляются сообщения о распространении крамольных слухов в северной Англии. Уолсингэм сообщает о «схваченном священнике, распространявшем слухи, что король Ричард жив и по всему королевству собирает верных ему людей»⁶. Далее хронист обращается к другой информации, касающейся слухов о возвращении короля Ричарда. В частности, в сообщении от 1404 г. Уолсингэм рассказывает об аресте графини Оксфорд «матери Роберта де Вера, герцога Ирландского (Robert de Veer ducis Hiberniae), распространявшей слухи, что король Ричард выжил и собирает армию, чтобы вернуть себе трон»⁷.

Хронист прямо указывает на источник появления этих слухов: «... такие слухи пришли из Шотландии. Король Ричард выжил и выжидает удобного случая, чтобы с помощью Шотландии и Франции силой вер-

¹ Ibid., 404.

² King E. England 1175–1425. L., 1979. P. 184.

³ Ibid., P. 184.

⁴ Chr. Walsingham, II, 273.

⁵ Holmes G. The later Middle Ages. P. 193.

⁶ Chr. Walsingham, II, 393.

⁷ Ibid., II, 406.

нуть себе свое королевство». Помимо графини Оксфорд, распространению слухов способствовал некий Серл (Serle или Serlonis), называвший себя «камергером Ричарда, обманом завладевший личной печатью Ричарда. Так случилось, что многие поверили сказанному и даже признали Серла в качестве посла Ричарда»¹. Серл был пойман, а затем публично казнен. Но, как говорит хронист: «несмотря на казнь Серла, сам слух продолжал распространяться по всем уголкам страны»².

Оставаясь верным своей привычке находиться в тени и творить политику чужими руками, в 1405 г. старый граф поддержал новую попытку мятежа, который возглавили архиепископ Йоркский Скроуп и Мобри, граф Ноттингем. В этот заговор было вовлечено много клириков и североанглийских лордов.

Начало восстанию предшествовало вывешивание заговорщиками на дверях церквей по всему Йорку манифестов, в которых говорилось о страданиях и приниженном положении церковных служителей, о незаконной секуляризации церковных земель лордами, в обход старинных прав на эти владения у клириков. В конце манифеста говорилось о несправедливых огромных налогах, которые должна была выплачивать Церковь короне³.

Заговорщики, по словам Уолсингэма, имели целую программу. Ее суть сводилась к следующему: во-первых, обеспечение права йоменам выбирать рыцарей в парламент от графств, во-вторых, снятие ложных обвинений, по которым короной у многих людей были отняты земли и имущество, начиная с Ланкастерского переворота, в-третьих, снижение уровня налогов⁴.

Не ставя перед собой задачу специально исследовать историю этого заговора, которому уделено значительное место в историографии⁵, мы лишь отметим, что для реализации своей программы заговорщики пред-

¹ Ibid., II, 407.

² Ibid., II, 407.

³ *Goodman A.* A History of England from Edward III to James I. L.-N.Y., 1977. P. 224; *Armstrong C.A.* England, France and Burgundy in the Fifteenth Century. L., The Hambledon Press, 1983. P. 199; *Wylie J.A.* England under the reign of Henry IV. L., 1891. Vol. I, P. 182–183.

⁴ Chr. Walsingham, II, 271.

⁵ См. *Allmand C.T.*, Society at War. The Experience of England and France during the Hundred Years War. Edinburgh: Edinb. Univ. Press, 1973. P. 60–2; *Denton R.W.* England in the XVth century. L., 1888. P.169–213; *King E.* England 1175–1425..., E. P. 183–186; *Wilkinson B.* The Later Middle Ages in England. B. P. 244–246; *Vickers K.H.* England in the later Middle Ages. L., 1950. P. 104–5.

лагали радикальное решение: свергнуть Генриха IV и интронизировать Эдмунда, графа Мортимера.

Несомненно, программа, выдвинутая баронами, была маловыполнимой и использовалась лишь как средство привлечения как можно большего количества сторонников под свои знамена.

Одной из целей, которую преследовали английские заговорщики, была помощь валлийцу Оуэну Глендоуэру, ведшего войну с Генрихом IV в Уэльсе. Графу Нортумберленду, подстрекававшему и поддерживавшему этот заговор, и Скроупу французами была обещана военная помощь французского корпуса¹. Однако мятеж не нашел своего развития и поддержки у северян. Он был подавлен королевскими войсками практически в зародыше. Архиепископа уговорили сдаться и уповать на королевскую милость. Далее, несмотря на попытки церковных юристов оправдать архиепископа Йоркского перед королем и законом, Скроупа казнили.

В том же 1405 г., граф Перси поднял еще один мятеж против короля и возглавил его уже лично. К нему присоединились и некоторые северные лорды, чьи имена, к сожалению, нам неизвестны².

Между мятежным графом и Оуэном Глендоуэром 28 февраля 1405 г. был заключен официальный договор, в котором говорилось о разделе территорий Англии после свержения Генриха IV³. Согласно этому договору, валлийцы должны были поддержать антикоролевское выступление Перси и прийти к нему на помощь. Однако свое обещание Глендоуэр не выполнил — в сражении весной 1405 г. при Шиптон Муре (Shipton Moor) Перси был без своего союзника. Граф вновь потерпел поражение, после которого он был вынужден вместе с внуком искать убежища в Шотландии, отношения с которой значительно потеплели после совместного участия Перси и шотландцев в битве при Шрусбери. Король Генрих Ланкастер, после этого мятежа и бегства графа, конфисковал все владения графа Нортумберленда и приказал «обезглавить и выставить на показ головы нескольких лордов, принявших сторону графа, на стенах Йорка»⁴.

Интересным пассажем является отрывок одной шотландской хроники, монах обратил внимание на то, что граф Нортумберленд, уже находясь в Шотландии, захотел встретиться с тем человеком, который вы-

¹ *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 224; *King E.* England 1175–1425. P. 185.

² *Holmes G.* The later Middle Ages. P. 193.

³ *Walker D.* Medieval Wales. P. 172.

⁴ Chr. Walsingham, 416.

давал себя за Ричарда II и слухи, о котором английский граф сам долгое время распространял в северной Англии. Однако «Маммет [так называл самозванца Генрих IV — *С.И.*] под разными предложениями избегал личных встреч с графом. Эта встреча так и не состоялась»¹. Впрочем, это не помешало графу Перси продолжать использовать имя последнего Плантагенета для придания своим антиланкастерским акциям на Севере легитимного статуса.

§ 2. Пограничье без Перси: ключевые моменты англо-шотландских отношений в 1406–1413 гг.

Есть многие основания считать 1406 г. поворотным моментом в истории англо-шотландских отношений начала XV в. Именно в этом году, бежавший в Шотландию граф Нортумберленд, разворачивает активную деятельность в поисках союзников в борьбе против Генриха IV, стремясь заручиться поддержкой Франции и Шотландии. Подробнее об этом мы будем говорить ниже. На первый план в англо-шотландских отношениях после 1406 г. выходят не мятежи и военные конфликты на пограничье, а переговоры о судьбах пленных ранее шотландских лордов. Огромной политической удачей англичан в этой связи, стало пленение в марте 1406 г. наследника шотландского трона принца Джеймса Стюарта. Другим внешнеполитическим вектором деятельности англичан этого времени становится активное подстрекательство и финансовая поддержка сепаратизма лордов Хайленда.

Одержав верх над мятежниками на севере страны во главе с Перси, Генрих IV не стал организовывать полномасштабное вторжение в Шотландию, чтобы наказать предателей и мятежников, которые получили там убежище. Надо отметить, что Шотландия стала местом эмиграции для многих противников первого Ланкастера. В частности, хронист Пласскарден говорит о том, что во время пребывания графа Нортумберленда в Шотландии «из-за страха перед Генрихом IV» убежища у скоттов искали также сторонники валлийского мятежника Оуэна Глэндоуэра: епископ Бангора (Bangor), епископ аббатства св. Асафа (St. Asaph), аббат Уэлбек (Welbeck) и еще один не названный по имени валлийский епископ².

Решение Генриха Ланкастера не преследовать мятежников Шотландии, может свидетельствовать в пользу идеи о смене Англией тактики в

¹ Chr. Boweri, II, 444.

² Book of Pluscarden, X, 262.

отношениях с этой страной. Существует, на наш взгляд, два наиболее вероятных объяснения для отказа английского короля от решительных действий против заговорщиков. Во-первых, вторжение англичан в Каледонию означало бы начало новой войны в условиях продолжавшегося конфликта в Уэльсе. И, во-вторых, в Северной Англии авторитет Перси оставался весомым и репрессии против этой семьи могли негативным образом сказаться на обстановке во всем пограничном регионе, где только недавно был подавлен очередной антикоролевский заговор.

Английский король ограничился лишь официальной нотой к Роберту III с требованием о немедленной выдаче графа Нортумберленда и его внука.¹ Спустя некоторое время Генрих IV предложил выдать ему Перси в обмен на остававшегося в английском плену Мердока Стюарта, графа Файфа сына герцога Олбани.² Вероятно, шотландская сторона склонялась к принятию этого предложения, поскольку в конце 1406 г. граф Перси в спешном порядке покинул приютившее его королевство.

В Уэльсе, куда прибыл Генри Перси из Шотландии³, английский граф, похоже, выступал от имени своих сторонников в Северной Англии. Из владений Глендоуэра граф уже отправился во Францию, где имел возможность встретиться с Карлом VI. Напомним, что в это время Франция и Англия вели между собой Столетнюю войну. Как сообщает Жан де Ваврен, Перси просил у французского короля денег и оружия «на ведение войны с королем Англии»⁴.

Впрочем, Генри Перси не сумел получить от французского двора требуемые средства — в самой Франции был разгар войны между Бургуньонами и Арманьяками, а при королевском дворе не было четкого представления о том, какого курса придерживаться во внешней политике⁵. На острова английский граф вернулся без обещаний какой-либо конкретной помощи со стороны французов.

Описание дальнейшей истории графа Нортумберленда у шотландских и английских хронистов несколько разнится. Шотландец Боуэр рассказывает, что старый граф, вернувшись в конце 1407 г. в Англию, обратился к шерифу Йоркшира сэру Ральфу Роксби. Старый лорд устал или, быть может, перестал видеть смысл в дальнейшей войне с Генрихом IV. Боуэр отмечает, что граф был намерен «получить королевское

¹ *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 224.

² *Foedera et Acta Publica*, VIII, P. 362.

³ *Chr. Walsingham*, II, 273.

⁴ *Chr. Wavrin, Jean de*, II, 102.

⁵ *Басовская Н.И.* Столетняя война 1337–1453гг. М., 1985. С. 95–96.

прощение, за ранее содеянное, а для посредничества он выбрал своего старого знакомого и соратника — Йоркского шерифа»¹.

По мнению же английского хрониста Уолсингэма, который, напомним, представлял мнение официального Лондона, граф Нортумберленд не собирался сдаваться на милость короля, а, наоборот, пытался втянуть сэра Ральфа в очередной заговор, но тот, «верный королю, дал ложное согласие, дабы заманить графа в ловушку»².

Окончание обеих версий ничём не отличается. По прибытии в Йоркшир для личной встречи с шерифом Роксби, граф Перси и лорд Томас Барлдолф (lord Barldolph) 19 февраля 1408 года попали в приготовленную для них засаду и были убиты в Бремэм Муре (Bramham Moor). Сопровождавший их епископ Бангора был «оставлен в живых, поскольку он не был вооружен»³. О первом графе Нортумберленде и его старшем сыне было сказано, что: «подобно Икару, они подлетели слишком близко к солнцу, их крылья оплавились, и они оба рухнули на землю»⁴.

Мятеж и бегство Перси в Шотландию неизбежно повлекли за собой изменения в расстановке сил на Пограничье. В ситуации, когда признанный авторитет и лидер англичан в пограничном регионе ушел, таким образом, с политической авансцены среди английских лордов пограничья, по-видимому, наметился раскол. Говорить об их былом единстве, которое прежде основывалось на силе и авторитете Перси, уже не приходилось.

Судя по отсутствию упоминаний в хрониках о событиях на английском пограничье, примерно в течение года после своего бегства графу Нортумберленду удавалось каким-то образом контролировать и координировать действия своих вассалов и сторонников. Однако уже 1407 г., т. е., за год до смерти старого графа, у Уолсингэма появляется сообщение о том, что среди северо-английских баронов началась какая-то свара⁵. Пояснений хронист, к сожалению, не дает. Можно истолковывать сообщение таким образом, что отсутствие Перси в регионе, пошатнуло авторитет и позиции графа на родине. Это спровоцировало начало борьбы среди бывших вассалов и союзников Перси за влияние в регионе.

¹ Chr. Boweri, II, 441.

² Chr. Walsingham, II, 278.

³ Chr. Capgrave, 295

⁴ Lomas R. A power in the land. P. 79.

⁵ Chr. Walsingham, II, 286.

Бегство Перси открыло короне возможность усилить свое влияние в этом регионе через своих представителей — наместников и доказавших преданность короне шерифов¹. Очевидно, что ни королевские шерифы, ни сама корона, не были заинтересованы в усилении кого-либо из региональных лордов. Вполне вероятно, что, опираясь на назначенных ею шерифов и наместников, корона наоборот стремилась к тому, чтобы территориальное могущество Перси было не только подавлено, но и заменено политическим влиянием лондонских выдвигенцев, зависящих всецело от короны и, в отличие от Перси не располагающими значительными владениями в регионе. Поэтому едва ли в английском пограничье мог появиться новый, равный по влиянию графу Нортумберленду, лидер.

С гибелью старого графа в 1408 г. Франция и Шотландия лишились человека, в последние годы проводившего выгодную для них политику или, точнее, политику, отвечающую собственным интересам Перси, но при этом когерентную французской. Насущной проблемой союзников стал поиск нового партнера.

Э. Джекоб, а вслед за ним Дж. Холмз полагают, что со смертью графа Перси закончился длительный период в истории баронских смут в Северной Англии. В итоге, по их мнению, положение дел на пограничье изменилось в благоприятную для Генриха IV сторону². Но такой вывод, пожалуй, несколько упрощает ситуацию. Названные авторы строят свои заключения только на факте гибели Перси, в отрыве от политических событий в пограничном регионе. И Э. Джекоб, и Дж. Холмз упускают из вида, что в 1408–1409 гг. помимо смерти Перси, происходят и другие, не менее знаменательные для Пограничья события — возвращение в конце 1408 г. на родину графа Дугласа, а несколько позже — семьи Данбаров (осень 1409 г.).

Кажется, оба исследователя не замечают, что именно такое взаимное наложение этих (и ряда менее заметных) событий определило иное соотношение сил в регионе скорее в пользу шотландцев, чьи военные и политические лидеры к 1409 г. вернулись на родину и начали предпринимать регулярные рейды на английское пограничье. Очевидно, что в такой ситуации, улучшения обстановки на английском пограничье, с точки зрения интересов Лондона, так и не произошло.

Англичане, потеряв в лице графа Перси признанного лидера, способного координировать действия в пограничном регионе надолго, лишились, тем самым, силы, способной противостоять политическим и территориальным амбициям шотландских лордов.

¹ *Holmes G.* The later Middle Ages. P. 192.

² *Jacob E.F.* The XVth century. P. 36; *Holmes G.* The later Middle Ages. P. 193.

Не напрасно так возрастает военная активность Дугласов и Данбаров в 1409–1411 гг. в английском приграничье. Английские лорды — сторонники Перси, надо полагать самые состоятельные и боеспособные из числа северян, заметно пострадали от королевских репрессий в ходе антиланкастерских заговоров и выступлений в 1403–1406 гг. После поражения мятежей Перси, его приверженцы либо были казнены, либо бежали из страны, либо оказались ущемлены в своих правах и владениях. Сами же Перси были надолго выбиты из политической жизни пограничья¹.

Пленные и заложники и ранее широко использовались в английской внешней политике. Несомненно, подобная практика не являлась чем-то новым в истории англо-шотландских отношений. Однако прежде она никогда не приобретала такого размаха, как во второй половине периода правления Генриха IV.

Весной 1406 г. наследник шотландской короны принц Джеймс Стюарт был захвачен англичанами. Его отец Роберт III, боясь за жизнь своего сына и подозревая герцога Олбани в недобрых намерениях, решил отправить принца во Францию, где при дворе Карла VI — «единственного друга и старого союзника всей шотландской нации»² — юный наследник должен был получить достойное образование и воспитание.

Надо сказать, что опасения короля были не беспочвенны. Герцог Ротси — старший сын шотландского короля, как уже говорилось, был убит, не оставив потомства. К моменту рождения принца Джеймса в 1394 г. — второго сына короля, у Роберта Стюарта, графа Файфа (с 1398 г. герцог Олбани) — младшего брата Роберта III — было уже четверо взрослых сыновей, старший из которых — Мердок в 1392 г. женился и имел двух сыновей. Шотландский исследователь Майкл Браун, в связи с этим, даже утверждает, что для королевской семьи «рождение Джеймса могло быть спланировано, чтобы укрепить династическое положение Роберта III в противовес его брату»³.

---

¹ Что касается внука старого Перси (взятого с собой старым графом в Шотландию), то, только 11 ноября 1414 г., его восстановили в наследственных правах на титул и земли предков. Он стал вторым графом Нортумберлендом и лордом Перси, получив назад все владения своей семьи. Этот лорд Перси сложил свою голову в битве при Сент-Олбансе 25 мая 1455 г., участвуя в сражении с герцогом Эдуардом Йорком на стороне Генриха VI Ланкастера.

² *Buchanan G. P.* 303.

³ *Brown M., James I. P.* 11.

В провожатые Джеймсу отрядили графа Оркни с отрядом и одного из шотландских епископов¹. Однако шотландский наследник и его небольшая свита не смогли покинуть Британские острова. 30 марта 1406 г. корабль, на котором находился принц и сопровождающие его дворяне, был перехвачен в Норфолке людьми сэра Джона Прендерджестона². Из Норфолка Джеймса и остальных переправили в Лондон, где поместили в Тауэр³. Далее его спутников и сопровождающих спустя некоторое время отпустили на родину. Когда же Генрих IV при личной встрече узнал от принца о причинах, побудивших его отправиться во Францию, король, как передает Уолсингэм, воскликнул: «Эти жестокие шотландцы! Ведь можно было отправить мальчугана на воспитание ко мне; я ведь тоже владею французским!»⁴.

Роберт III, узнав о пленении своего сына, немедленно стал предпринимать отчаянные попытки добиться освобождения наследника, которые, однако, не дали никакого результата. Несмотря на его апелляцию к мирному договору от 6 августа 1404 года⁵, который официально декларировал мир между их королевствами, англичане оставались непреклонными в своем нежелании выдать принца отцу.

Многочисленные предложения шотландских дворян, выразивших желание стать заложниками вместо наследного принца, также были Генрихом IV отвергнуты. Стало очевидно, что увещеваниями и требованиями заставить англичан освободить Джеймса не удастся. Подобное поведение английского короля шотландцы, как сообщает Боуэр, назвали «подлым»⁶ (а Бьюкенен, находит этот захват бесчеловечным, недостойным сана короля и «издевательством над королевским именем»⁷).

Англичане же преподносили информацию о захвате Джеймса Стюарта как продолжение конфликта между Англией и Шотландией, считая пленение принца закономерным событием, развязку которого ускорил сэр Прендерджестон⁸. При этом их, похоже, мало смущало то обстоятельство, что между обоими королевствами был установлен мир. Плене-

¹ Chr. Walsingham, II, 271.

² Chr. Capgrave, 293.

³ Foedera et Acta Publica, VIII, P. 403.

⁴ Chr. Walsingham, II, 73.

⁵ Foedera et Acta Publica, VIII, P. 321.

⁶ Chr. Boweri, II, 431.

⁷ Buchanan G. P. 331.

⁸ Chr. Walsingham, II, 73; Chr. Capgrave, 293.

ние для них скорее успех английских дипломатов и результат их сотрудничества с военными, поспособствовавшими захвату важной персоны из вражеского стана. Здесь стоило бы подчеркнуть реальный политический смысл пленения принца. Во-первых, несомненный, в перспективе контроль за шотландским тронем. Во-вторых, до тех пор, пока принц будет находиться в Лондоне, он будет изолирован от возможных династических конфликтов в самой Шотландии, что было вдвойне безопасно для него. Таким образом, Англия получала двойные гарантии того, что интересы англичан в Шотландии будут в перспективе учтены и реализованы.

Английский король действительно сдержал своё обещание дать принцу достойное образование. В источниках, отмечают, что принц хорошо писал и читал, изучал французскую и английскую литературу. Он живо интересовался английским правом и судебной системой¹. Изучение права не было единственным увлечением будущего шотландского монарха. По словам шотландского хрониста, получившего сведения, вероятно через людей часто бывавших в Англии, принц превосходно научился играть на лире, в чём был «подобен Орфею»², любил подвижные игры на свежем воздухе, верховую езду, охоту и бег. Помимо этих аристократических пристрастий, принц проводил время на кузнице и на строительстве зданий, где, по словам Боуэра, неплохо клал камень.

Как сообщает тот же Боуэр, Джеймс Стюарт в эти годы близко общался с младшим сыном Генриха IV Хэмфри Глостером³, ставшим впоследствии главой Королевского совета.

Обсуждение условий возвращения принца в Шотландию на протяжении долгих лет стало темой многочисленных англо-шотландских переговоров. В свитках шотландского Казначейства даже фигурировала специальная статья: «расходы для послов в Англии, которые вели переговоры об освобождении Джеймса Стюарта»⁴.

Условием освобождения принца из английского плена на этих переговорах Лондон ставил подписание определённых обязательств, где главным было оформление окончательного мира. Однако это требование для шотландцев было неприемлемым: заключение такого мира привело бы к разрыву франко-шотландского союза, что, в свою очередь, дало бы возможность Англии сделать Шотландию своим терри-

¹ *Wylie J.A.* England under the reign of Henry IV, Vol. III, P. 406.

² Chr. Boweri, II, 469.

³ Ibid., II, 469.

⁴ *Lang A.* A History of Scotland. Vol. III, P. 289.

ториальным придатком. Она вряд ли была бы способна противостоять натиску англичан без сильной финансовой и политической поддержки со стороны Франции.

После смерти Роберта III в марте 1406 г. между Робертом Олбани и шотландским престолом стоял лишь принц Джеймс. В июле 1406 г. шотландский парламент избрал герцога Олбани регентом королевства вплоть до возвращения наследного принца на родину. В его отсутствие герцог при оформлении государственных бумаг подписывался то как «подданный короля Джеймса», то как «сын короля».

Вопрос, относительно притязаний Олбани на шотландскую корону, до сих пор является спорным в историографии. Существуют разные точки зрения относительно того, имел ли место заговор с целью узурпации власти Олбани, и каким образом регент хотел узурпировать корону¹. Согласно одной из точек зрения, которую разделяет Р. Митчисон, короли из старшей линии дома Стюартов были политически слабы и поэтому переход короны от старшей ветви к младшей, чьи представители были достаточно могущественны и авторитетны в Шотландии, был неизбежен.

По словам Р. Митчисон, при Роберте III «королевство прямоком двигалось к руки Олбани, поскольку герцог был единственным человеком в королевской семье, кто обладал достаточным авторитетом и властью, чтобы прибрать власть к рукам»².

Став регентом королевства, и пользуясь отсутствием наследника, Олбани приложил все усилия для укрепления своей власти. Он умело маневрировал между интересами разных баронских группировок, по видимому, стремясь сформировать базу для укрепления власти своей семьи³. В этом свете, очевидно, следует рассматривать политику регента по отношению к городам (предоставление им больших торговых преимуществ перед иностранными купцами, разного рода налоговых льгот и др.). В его правление многие города и общины получили разного рода привилегии.⁴

¹ См.: *Lang A.* A History of Scotland. Vol. III. P. 257; *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 244; *Jacob E.F.* The XVth century. P. 319–321.

² *Mitchison R.* History of Scotland. P. 60.

³ *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 228.

⁴ *Lynch M.* The Scottish Medieval town Ed., 1988 P. 65; *Scottish capitalism. Class, State and Nation from before the Union to the Present.* Ed. Dickson, T. L., 1980 P. 49–51; *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 267; Fry, *Peter and Fiona.* History of Scotland. P. 95.

Кроме Олбани, у принца Джеймса был еще один дядя — Уолтер Стюарт, граф Атолл — сводный брат Роберта III. Однако, насколько можно судить, принц, будучи в плену, никогда с ним не общался, по крайней мере, информацией о контактах между ними мы не располагаем.

В 1409 году для возобновления переговоров с англичанами о судьбе наследника был отправлен граф Оркни, который в 1406 году сопровождал принца, когда того захватили, но затем был отпущен на родину. Эти переговоры не привнесли ничего нового. А позже, осенью 1409 года, когда ситуация в приграничном районе вновь стала накаляться из-за действий другого шотландца — графа Дугласа, переговоры и вовсе были заморожены.

Как уже неоднократно отмечалось, Арчибальд Дуглас обладал значительным влиянием в пограничье. То, что граф попал в руки Генриха IV в 1403 году, было большой удачей для Англии, которая дала возможность английскому монарху активно использовать Дугласа в своей внешней политике. Пленение шотландского графа давало англичанам конкретные выгоды, поскольку свобода графа была целиком привязана к исходу переговоров между Шотландией и Англией, на которых речь снова шла о расторжении альянса Шотландии и Франции.

Генрих IV стремился на максимально долгий срок удержать графа в Англии, что, естественно, значительно ослабляло позиции профранцузской партии в Шотландии и, следовательно, ослабляло франко-шотландский альянс. Английский монарх даже пробовал «переманить» графа Дугласа на английскую службу¹. Вероятно, с какого-то момента это условие стало ключевым для обретения им свободы. Кроме того, нельзя забывать о том, что пленение Дугласа и Джеймса не только влияло на ослабление деятельности франко-шотландского альянса, но и обеспечивало успех в англо-шотландском пограничном урегулировании. Англичане получили возможность контролировать ситуацию как в шотландской столице, так и на пограничье.

Король продолжал использовать имя Дугласа в ходе переговоров для достижения политических уступок со стороны Шотландии, когда в 1406 и 1407 гг. послы Англии и Шотландии дважды встречались в Северной Англии ради обсуждения условий освобождения графа Арчибальда Дугласа.

Надо отметить, что в переговорах Шотландия была готова идти на встречу англичанам и говорит о значимости фигуры графа Дугласа. Однако сделать Дугласа своим союзником Генриху IV не удалось.

¹ *Holmes G. The later Middle Ages. P. 194.*

Деятельное участие в переговорах соратника Дугласа герцога Олбани, с 1406 г. регента Шотландии, привело к тому, что весной 1407 году в Лондоне граф получил согласие Генриха IV на поездку в Шотландию, но при условии его последующего возвращения в Англию в северо-английский городок Истер (Easter) не позднее осени 1409 г.

Граф должен был предоставить 10 знатных заложников, внести денежный залог в размере 233 фунтов, а также подписать обязательства, главным пунктом которого было обещание не участвовать в военных действиях против Англии. В том же договоре с английским королем от 14 марта 1407 года, граф Дуглас обещал и от своего имени от имени четырех его сыновей служить Генриху IV и воевать против всех врагов английского монарха, кроме короля Шотландии¹.

Возможно, что, сверх того, с Дугласа было взято обещание содействовать переговорам о заключении финального мира — как раз в 1408 г., по сведениям Боуэра и Пласкардена, в переговорах между Шотландией и Англией стал вновь подниматься вопрос о подписании итогового мирного договора².

В феврале 1408 г. граф Дуглас оставил Лондон, и отправился в свои поместья на севере Англии. А в конце 1408 г., граф отбыл в Шотландию. Согласно Кэпгрейву, Генрих IV был воспитан в духе куртуазных представлений о рыцарской этике и чести, и, вообще, являлся «чрезвычайно щепетильным человеком в вопросах чести»³ (что, однако, не помешало ему задержать наследного принца Шотландии в 1406 г. без всяких на то оснований). Можно представить себе реакцию Генриха IV, когда осенью 1409 года Дуглас отказался вернуться в Истер и выполнить, таким образом, ранее взятые на себя обязательства.

Интересно то обстоятельство, что обман Генриха IV шотландским графом большого резонанса не получил. По крайней мере, его следов обнаружить не удается. В шотландской хронике есть простая констатация: «в том же году [1408 г. — *И.С.*] Арчибальд Дуглас вернулся на родину из Англии, где находился в плену с 1402 г.»⁴. Английские же хроники, имеющие у нас в распоряжении, вообще проигнорировали факт возвращения Дугласа на родину и нарушение им обязательств перед английским королем (хотя сам Генрих IV через своих посланников в Шотландии настойчиво искал пути к возвращению сбежавшего пленника)⁵.

¹ Foedera et Acta Publica, VIII, P. 323.

² Chr. Boweri, II, 437–438; Chr. Pluscardensis, I, 263.

³ Johannis Capgrave liber de illustribus Henricis Ed. Hingeston F.C. L., 1858, P. 108.

⁴ Chr. of Scotland, III, 496.

⁵ Nicholson R. The later Middle Ages. P. 230.

История с поведением графа Дугласа подводит нас к теме эволюции куртуазных представлений в среде англо-шотландской знати начала XV в. В использовавшихся нами хрониках за первое десятилетие XV в. мы находим восемь случаев измены вассальной присяге — начиная с упоминания Боуэром о сэре Роберте Синклере — шотландце, который в 1400 г. во время похода Генриха IV в Шотландию принес оммаж шотландскому королю, а до того английскому¹ и заканчивая историей с графом Дугласом. Правда, эти факты были, главным образом, связаны не с представителями высшего дворянства. К, примеру, в описании битвы при Шрусбери Жан де Ваврен указывает на то, что после боя были казнены попавшие в плен шотландские рыцари, которые принесли оммаж Генриху IV, но позже нарушили клятву и перешли на сторону шотландцев графа Дугласа².

Для нас важна реакция общества на такие действия знати. Официальные хронисты называют перебежчиков изменниками³, однако, провинциальные хронисты не столь категоричны и либо сочувствуют, либо в нейтральных тонах говорят об описываемых событиях⁴. Можно полагать, подобные ситуации в начале XV в происходили не так уж и редко. Поэтому еще один подобный случай и не вызвал особого резонанса ни в английском, ни и шотландском обществе. Сам же Дуглас, похоже, даже не снизошел до объяснений своего поступка. Отказ от взятых на себя обязательств не повлиял на отношение соотечественников к Дугласу, престиж которого на родине не пошатнулся.

Именно с возвращением Дугласа можно связать активизацию рейдов на английскую сторону границы. Как мы увидим далее, весной 1409 г. был взят город Джедбург, а его крепость «сровняли с землей»⁵.

Масштабы популярности и влияния Дугласа стали даже в какой-то мере угрожать регенту Олбани. Именно это обстоятельство, как представляется, побудило герцога принять меры с целью сдерживания клана Дугласов, хотя внешне отношения выглядели безоблачно, что зафиксировал Инверкейтингское соглашение, заключённое 20 июня 1409 года между регентом и Арчибалдом Дугласом, где обе стороны поклялись в преданности и всемерной поддержке друг друга⁶.

¹ Chr. Boweri, II, 439.

² Chr. Wavrin, Jean de, II, 117.

³ Chr. Capgrave, 298.

⁴ Book of Pluscarden, X, 261.

⁵ Ibid., X, 263.

⁶ Chr. Boweri, II, 445.

Суть задуманной герцогом политической комбинации, реализовавшейся в Инверкейтинге в 1409 г., заключалась в реституции владений семьи Данбаров, возвращении ей всех ранее конфискованных титулов и создании, таким образом, противовеса роду Дугласов.

Существенной преградой на пути осуществления планов регента в отношении Данбаров было то обстоятельство, что с 1401 года большая часть их владений находилась в руках Дугласов, получивших их, как возмещение тех убытков, которые им были нанесены в ходе набегов Данбара и Перси еще в первые годы XV в. Поэтому герцог Роберт, чтобы восстановить в прежних правах опальных Данбаров и примирить их с Дугласами, убедил графа Дугласа совершить следующий шаг. На совете баронов Шотландии 2 октября 1409 года рассматривался вопрос реституции графа Данбара и его семьи. На этом заседании граф Дуглас и его старший сын должны были публично отказаться от своих прав на исконные владения Данбаров, включая лордство Аннандейл и владение Лохмабен, в пользу герцога Олбани. Далее регент возвращает эти земли Данбарам, кроме указанного лордства, которое снова отходит Дугласам, но уже с измененным юридическим статусом владения. Это владение приобретало право фискального и судебного иммунитета, оно не облагалась никакими государственными налогами и на его территории королевская юрисдикция не действовала.

Вернувшись в 1409 году, Данбары были полны желания отомстить за те унижения, что были ими испытаны в последние годы пребывания в Англии. Находясь в Англии, Джордж Данбар часто испытывал нужду в деньгах. Дошло до того, что его супруга в письме от 17 августа 1404 года умоляла английского короля дать её семье средства «вести достойный их статуса образ жизни»¹. В другом письме она описывала все трудности положения, в котором оказалась семья Данбаров, графиня жаловалась: «я могу умереть в большой нужде, в которой я оказалась»².

Несмотря на явное преувеличение в заявлении графини, нет сомнений в том, что Данбары уже не получали тех аннатов, которые им были дарованы по указу 1400 г. В конечном итоге это привело Данбаров к разочарованию и к обиде на монаршее невнимание. На протяжении почти двух лет Данбары вели переговоры с Олбани о возвращении на родину и в 1409 г. им было позволено вернуться.

Таким был антураж, в котором происходила реституция прав на наследственные владения Данбаров в Шотландии. Данбары вернули себе

¹ Letters of Henry IV, I, 432.

² Ibid., I, 299.

поместья, титулы и положение, заплатив за это в пользу своих соперников — Дугласов — лордствами Аннандейл и Лохмабеном¹.

Англия же получила в лице Данбаров ещё одного врага, стремившегося со всем упорством и рвением доказать свою непримиримость к ней. Олбани же смог, реституцировав Данбаров, которых еще старый граф Дуглас в свое время назвал своими «главными соперниками»², создать некий противовес Дугласам как в пограничье, так и Эдинбурге и, хотя бы, внешне примирить старую вражду двух семей.

Совместно с Данбарами во второй половине 1409 г. — начале 1410 г. Дугласы совершили три набега на английские гарнизоны³. Для нейтрализации этого блока Генрих IV отправил в Шотландию своих комиссаров с заданием вернуть графа Арчибальда в Англию «всеми возможными средствами»⁴. Кроме того, английский король послал своих представителей на встречу с регентом Шотландии с тем, чтобы обговорить условия освобождения из плена его сына, графа Файфа, а также Джеймса Стюарта.

Англичане связывали большие надежды с остававшимся у них в плену сыном регента графом Мердоком Файфом, поднимая вновь вопрос об его освобождении, чтобы достичь уступок со стороны Шотландии. В качестве альтернативы регенту Олбани было предложено или выкупить графа Мердока из плена за сумму 50 000 марок, или же, вместо уплаты этих денег, выдать Англии графа Дугласа. Если Шотландия будет готова выдать графа Дугласа, то, по заверениям Лондона, граф Мердок благополучно мог бы вернуться на родину «за небольшую или вовсе символическую плату»⁵.

В конце концов, переговоры по ситуации на пограничье и об освобождении графа Мердока, по-видимому, либо зашли в тупик, либо, что более вероятно, превратились в ширму, за которой шли приготовления англичан к войне. На родину граф Мердок вернется лишь в 1419 г., а принц Джеймса и того позже.

В следующем после реституции году, в мае 1410 г. отряд шотландцев под командованием старшего сына графа Шотландской Марки, взял штурмом английскую крепость Фасткасл. Данбары стремились снять с себя ярлык «врагов общества», доказать свою лояльность Шотландии и поднять престиж семьи в глазах соотечественников. Другой сын Джор-

¹ Book of Pluscarden, X, 263.

² Buchanan G. P. 323.

³ Chr. Boweri, II, 440, 443, 444.

⁴ Nicholson R. The later Middle Ages. P. 231.

⁵ Chr. Boweri, II, 445.

джа Данбара совместно с младшим Дугласом предал разорению окрестности города Роксбург, сжег прилегающие мосты и разрушил Роксбургский замок, ими также были захвачены английские купцы и их суда¹. Хронист убежден, что «за всеми рейдами стояли графы Дуглас и Шотландской Марки»².

В мае 1411 г. началась военная кампания английского наследного принца Генри, вторгшегося в приграничные районы Лоуленда. Вероятно, поход 1411 г. англичане готовили еще с лета 1410 г., о чем свидетельствует королевский ордонанс для северных графств от 5 июля 1410 г. с предписанием быть готовыми к отражению шотландского вторжения и к выступлению в Шотландию³. Лондон также вел активные переговоры с лордами Хайленда, которые, вероятно, должны были поддержать вторжение принца началом военных действий в предгорной части Лоуленда. О подробностях этих событий будет сказано ниже.

Основные успехи англичан были на море (как отмечает Боуэр, англичанам удалось захватить и потопить несколько шотландских судов⁴), в то время как на суше их операции проходили неудачно. Англичанам не удалось навязать шотландцам ни одного мало-мальски крупного сражения. Шотландцы же сумели сжечь в пограничье ряд бургов, где стояли английские гарнизоны — Роксбург, Джедбург и др.⁵. В ходе кампании 1411 г. у англичан из ранее завоеванных в XIII-XIV вв. шотландских территорий осталась единственная крупная крепость в этом регионе — Бервик.

Заключенное после кампании 1411 г. перемирие сроком на три года, содержало признание англичанами утрату прав на все отбитые у них в ходе кампании территории в приграничье, «кроме Бервика и прилегающих земель». Шотландия, в свою очередь обещала сохранение нейтралитета, в случае военных действий на континенте.

Герцог Олбани прилагал много усилий, чтобы укрепить свою власть в Хайленде. От хайлендерской знати он требовал несения службы при дворе, подчинения королевским законам, принятие на своих землях королевских чиновников и т.д.⁶ Это не могло не вызвать недовольства со

¹ Ibid., II, 444.

² Book of Pluscarden, X, 264.

³ Foedera et Acta Publica, VIII. P. 642.

⁴ Chr. Boweri, II, 446.

⁵ Nicholson R. The later Middle Ages. P. 231.

⁶ Ibid., P. 233.

стороны горцев, привыкших к свободе и к невмешательству Эдинбурга в их дела. Попытки установить представительства центральной власти в Хайлнде и разжигание сепатистских настроений английскими агентами в конечном итоге, привело к открытому конфликту горцев с Олбани.

Поводом для мятежа стало обвинение Олбани в бездействии в переговорах по освобождению принца Джеймса. Хотя, вероятно, сами горцы, ратуя в 1411 г. за «скорейшее возвращение принца Джеймса на родину»¹ с возвращением принца связывали только надежды на возвращение жизни хайлендеров в традиционное русло невмешательства в их дела.

Отношения между Лоулендом и Хайлендом к 1411 г. имели уже очень долгую насыщенную историю, отягощенную многочисленными конфликтами, политическими претензиями и этнокультурными противоречиями. Глубокие этнокультурные и социальные различия между двумя регионам Шотландии — Лоулендом и Хайлендом — были очевидны. Культура и традиции жителей Лоуленда, т.е., равнинной части Шотландии, развивались во многом под влиянием сначала англо-саксонского, а позже нормандского элемента, это видно, на примере складывания шотландского языка на стыке английского и гэльского языков². Хайленд, соответственно, во многом зависел от влияний ирландскими и в большей степени скандинавских культурно-политических традиций. Жители горной части Шотландии, многие столетия, жившие практически независимо как в культурном, так и в политическом отношении от Лоуленда, продолжали сохранять самобытную кельтскую культуру и язык³.

Немалое значение придавалось в Хайленде происхождению того или иного клана⁴. Между кельтскими и нормандскими родами шла постоянная борьба за политическое и военное лидерство в этой части страны — что давало возможность Эдинбургу играть на противоречиях между кланами, как это будет при Джеймсе I. Причем кельты никогда не упускали возможность указать на «пришлость» нормандских родов, даже спустя столетия воспринимаемая их как чужаков-захватчиков⁵.

Несмотря на кельтское происхождение династии Стюартов (бретонские кельты), достаточно быстрое в течение нескольких десятилетий возвышение этого рода в Шотландии, благодаря королю Давиду I, для

¹ Chr. of Scotland, III, 501.

² Ball M. J. Fife J. The Celtic Languageю P. 342.

³ Gorlich Monfred. Scots and Low German: The social history of two minority. Lang A. A. A History of Scotland... uages // Focus on Scotland, Amsterdam, 1985. P. 82.

⁴ Lang A. A History of Scotland. I, P. 291.

⁵ George MacDonald Fraser. The Steel Bonnets. P. 39.

старых шотландских родов Стюарты продолжали оставаться пришлым и недружественным семейством¹. Вполне допустимо, что одной из причин мятежей кельтской знати против Стюартов на протяжении многих десятилетий были нормандские корни этой династии².

Т.е, в известном смысле, можно рассматривать взаимоотношения Хайленда и Эдинбурга как борьбу кельтских родов с пришлыми — нормандскими за доминирование в этой части страны. Если ситуация в Лоуленде в отношении «чужеродности» королевских Стюартов едва ли была острой, то в Хайленде, с его устойчивым патриархальным традициями, хорошо помнили родословную королевского Дома.

Говоря о Хайленде нельзя не упомянуть о самом влиятельном в этом регионе роде — Сомерледах, глава которых носил в начале XV в. титул лорда Островов. Владения Дональда второго лорда Островов по своим размерам были соразмерны маленькому королевству. Ядром его владений был остров Скай и прилегающие к нему территории. С конца XI в. эти земли номинально принадлежали норвежской короне, но фактически лорды Островов проводили самостоятельную политику и ни от кого не зависели³.

К XV в. владения Сомерледов уже входили в состав шотландского королевства. Размеры их владений, знатность, древность рода и тесные родственные отношения с большинством кланов Хайленда, позволяли сохранить традиционную власть и контролировать значительную часть северного Хайленда. Практически все кланы Северного Хайленда были его вассалами, а их вожди были его родичами, что давало Дональду возможность без особого труда собрать многотысячную армию под своими знамёнами⁴. Старший сын лорда Островов Дональд был внуком Роберта

¹ См.: <http://www.electricscotland.com/webclans/stoz/stewart2.html>.

² Стюарты носили в ту пору имя Фиц-Аланов, пришли в Шотландию из Северной Англии в 30е гг. XII в. или, возможно, вопросы генеалогии использовались в качестве повода для отстаивания своих политических интересов. Соответственно, хайлендеры воспринимали Стюартов скорее как нормандцев, нежели как кельтов.

³ Крошечное королевство Мэн и Западных Островов (Западный Хайленд) — ядро владений Сомерледов — было выкуплено у Норвегии при Александре III в 1266 г. за 4000 марок и каждый год шотландские монархи выплачивали сумму в 100 золотых марок за отказ Норвегии на притязания за эти территории.

⁴ Более подробно см.: *Burton J.H.* The history of Scotland. Vol. II, Edinburgh-London, 1873, P.124; *Tytler P.F.* Celtic Scotland Vol. III. Ed., 1880, P. 52; *Monroe D.* Monroe's Western Isles of Scotland and genealogies of the clans 1549. Ed., 1961. P. 74; *Barrow G.* Medieval Scotland. Edinburgh, 1993. P. 118.

II Стюарта (его мать была дочерью короля). Но, несмотря на кровное родство, принц был открытым противником официального Эдинбурга.

Свою роль в отношениях между Сомерледами и Эдинбургом, сыграли традиционные связи между Хайлендом и Лондоном. Зная о противоречиях между Сомерледами и Олбани, английские агенты без особых трудностей смогли заручиться поддержкой такого сильного союзника, какой, несомненно, была хайлендерская знать, для облегчения хода своей военной кампании на англо-шотландском пограничье.

Опозиционность в настроениях горцев, едва ли переросла в военный мятеж против Эдинбурга, если бы не поддержка извне. Генрих IV был весьма заинтересован в стимулировании хайлендерской оппозиции и использовал противоречия между нею и Эдинбургом, давая хайлендерам надежду отстоять собственную автономию. Это, в свою очередь, вносило дополнительную интригу в противостояние Англии и Шотландии.

Английский король в 1408 году заключил официальный договор с Дональдом Сомерледом лордом Островов, в котором стороны обещали друг другу «мир, союз и дружбу»¹. Очевидно, что мятеж лорда Островов в 1411 г. надо рассматривать как следствие заключенного союза. Предыстория этого мятежа отчасти схожа с историей графа Шотландской Марки Джорджа Данбара. Повод для спора из-за наследства дала дочь графа Александра Лесли Эуфелия. Графиня Росс, приняв решение уйти в монастырь, оставила свои владения — графство Росс — своему дяде Джону Стюарту графу Бачену (Buchan). Эуфелия передала право на наследство не матери (возможно, это было решение последней), а своему дяде по материнской линии — Джону Стюарту. Однако свои претензии на это графство заявила тётка Эуфелии по отцу — Маргарет Лесли — жена Дональда, лорда Островов.

¹ Lang A. A History of Scotland. Vol. I, P. 291.

Весьма вероятно, что за решением Эуфелии передать её наследство второму сыну регента Джону Стюарту графу Бачену стоял её дед — герцог Олбани, активно укреплявший позиции младшей линии дома Стюартов как в Лоуленде, так и в Хайленде. Однако и лорд Островов тоже не хотел упустить из своих рук такой лакомый кусок и, также выдвинул свои претензии на это владение, дававшее приличный доход и считавшееся процветающим. Сомерлед поддержал жену и потребовал у Олбани передать ему графство Росс. Регент это требование отклонил. Тогда весной 1411 г., с началом кампании англичан в пограничье, Сомерлед поднимает мятеж.

Совпадение во времени вторжение англичан и мятежа Сомерледа в Хайленде, наводит на мысль о скоординированности этих двух событий.

Как отмечает хронист¹, не указывая, правда, конкретных имён, в апреле 1411 г. Дональд собрал вокруг себя всех недовольных правлением регента Олбани, а также многих из своих вассалов — общим числом около 10 000 человек и повёл их через спорное графство Росс в город Дингуолл, находящийся в Центральном Хайленде.

На его пути встал сводный отряд, собранный из кланов Кейтнесса (Северо-Запад Хайленда) во главе с сэром Энгусом Даб Маккеем. В результате произошедшего боя отряд сэра Энгуса был разбит и лорд Дональд смог продолжить свой рейд². Мятежники двигались очень быстро, лорд дал обещание отдать на разграбление город Абердин, являвшийся столицей одноимённого графства, принадлежавшего дому Стюартов.

Следующим, кто встал на пути горцев, был граф Мар, близкий родственник Данбаров. Ему удалось собрать в Лоуленде небольшое войско, к которому присоединились некоторые кланы Кейтнесса и Оркнейских островов, вассалы графа Мара. Проведенное графом детство и юность в Хайленде, знание нравов и обычаев, как горцев, так и лоулендеров, позволило ему выступить «связующим звеном» между жителями двух частей Шотландии.

В войско графа Мара входили члены некоторых высших семейств Лоуленда, включая сэра Александра Огилви, шерифа Энгуса, сэра Джеймса Скримджоура, констебля Данди и наследственного знаменосца Шотландии, сэра Уильяма де Эбернети из Салтона, племянника герцога Олбани, сэра Роберта Давидсона, шерифа Абердина и многих других.

Дональд двигался на юго-восток, а граф Мар ему навстречу. Сражение с горцами лорда Дональда произошла в Харлоу, недалеко от Абердина 27 мая 1411 г. Сражение длилось с утра до наступления ночи.

¹ Book of Pluscarden, II, 263.

² Ibid, II, 263.

Когда враги встретились, сам Дональд стал во главе воинов своего клана, а фланги возглавили вожди других семей. Им противостояли сравнительно небольшой отряд, возглавляемый констеблем Данди и шерифом Энгуса, а основные силы графа Мара выстроились чуть позади.

Как пишет хронист, во время боя рыцари графа Мара были окружены армией Дональда, «как морем»¹. Войско графа уступало противнику по численности (правда, хронисты клана Дональдов, очевидно, для того, чтобы поднять цену победы, наоборот, говорят о превосходстве войск графа Мара²), однако, это восполнялось храбростью войска графа, их сравнительной дисциплинированностью и лучшим вооружением.

Хайлендеры начали свою традиционную яростную атаку, но были остановлены. Сэр Джеймс Скримджоур и его рыцари воспользовались заминкой горцев и сами бросились вперед. Однако силы отряда сэра Джеймса постепенно таяли, он вскоре был отрезан от своих войск, а затем погиб. Граф Мар, стоявший во главе своих воинов, вел бой вплоть до темноты.

Сражение дорого обошлось обеим сторонам. Список потерь был ужасным. Лоуллендеры потеряли сэра Джеймса, вместе с сэром Александром Огилви, шерифом Энгуса, и его старшим сыном Джорджем Огилви. Были убиты сэр Томас Мюррей, сэр Роберт Малнур, Ирвинг Александр Друм, сэр Уильям Эбернети из Салтона, сэр Александр Страйтон из Лористона, и сэр Роберт Давидсон, шериф Абердина, вместе с более чем 500 воинами, которых он привёл. Около тысячи оркнейцев и горцев полегли на поле боя, более тысячи было ранено. Сам граф Мар был серьезно ранен³. Но все же жители низин сумели отстоять Абердин.

Харлоу заставил Дональда изменить свои планы. Ночью Дональд, лорд Островов и его армия ушли назад в горы. Хронисты же клана Дональдов записали битву при Харлоу в список побед их клана⁴.

Лорд Дональд и после сражения при Харлоу продолжил поддерживать тесные отношения с английским монархом. Для обеспечения безопасности его путешествия в Англию, в сентябре 1411 г. Генрих IV дал ему охранную грамоту, чтобы он мог «навещать короля и возвращаться так часто, как он сам того пожелает...»⁵. Это демонстрирует важность

¹ Ibid, II, 264

² Lang A. A History of Scotland. Vol. I, P. 292.

³ Book of Pluscarden, X, 264.

⁴ Lang A. A History of Scotland. Vol. I, P. 292. В то же время в историографии Лорду Островов за сражение при Харлоу в 1411 г. присуждают поражение. См., например: *Mitchison R.* History of Scotland. P. 59.

⁵ Lang A. A History of Scotland. Vol. I. P. 292.

фигуры лорда Островов для английского короля, желавшего иметь в Хайленде своего союзника.

Как отмечает Р. Митчисон, «...сражение при Харлоу в 1411 г. произошло в период разрушения основ королевства. Авторитет короля не имел никакого уважения, он страдал от выходов знати, которой все прощалось из-за родственных связей с короной»¹. Данное суждение было бы довольно справедливо, если бы не то обстоятельство, что место короля в этот период в стране было вакантно, а руководством государством, как мы помним, занимался герцог Олбани. Таким образом, напрашивается другой вывод, касающийся ситуации в стране в отсутствия короля. Тут надо говорить, не о «разрушении основ королевства», а о том, что, похоже, Олбани был не в силах контролировать многие регионы Шотландии.

Своей характеристикой Р. Митчисон еще раз подчеркивает слабость позиций официального Эдинбурга. Крупные лорды, хотя, и признавали верховенство короны, оставались почти независимыми государями в своих владениях и корона была вынуждена с ними считаться. В то же время, полагаем, что Р. Митчисон излишне преувеличивает слабость центральной власти. То обстоятельство, что крупнейшие семьи Шотландии, как, например Дугласы и Данбары искали расположения Олбани — главой центральной власти на тот момент, показывает, что у центральной власти были возможности, чтобы управлять королевством и контролировать знать. Другой вопрос, до какой степени распространялись эти возможности. В любом случае, едва ли можно утверждать, что в Шотландии этого периода наступил крах королевской власти и авторитета.

После военных действий 1411 г. в пограничном Лоуленде и Хайленде, отношения двух королевств снова вошли в рамки мирных встреч и переговоров. Английская корона, готовясь к войне во Франции, снова попыталась заключить с Шотландией договор — «вечный мир» на условиях отказа шотландцев от «всякого союза с Францией»². Ситуация на пограничье в целом не претерпела особых изменений — Дугласы и Данбары по-прежнему задавали тон, регулярно совершая набеги на английские гарнизоны, а англичане отвечали шотландцам встречными набегами.

Для достижения «вечного мира» с Шотландией Генрих IV вновь попытался предложить шотландцам сделку, используя самые значимые фигуры из числа своих шотландских пленников — принца Джеймса

¹ *Mitchison R.* History of Scotland. P. 59.

² *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 253.

Стюарта и его кузена Мердока Стюарта. Однако шотландские представители и на этот раз не пошли на предложенные английским королем условия — подписание итогового мирного договора в обмен на возвращение принцев Джеймса и Мердока.

Сам принц неоднократно стремился ускорить свое возвращение на родину, для этого он обращался и к Олбани, и к шотландским лордам, жалуясь им на регента и прося их посодействовать его делу¹. В письмах, обращённых к герцогу Олбани, Джеймс упрекал дядю в потворствовании англичанам и в затягивании переговоров по его возвращению на родину, по которой «он так скучает»².

Хронист Боуэр упоминает о письме от 30 января 1412 года, в котором Наследник пишет регенту, что дядя даже «не желает ответить на отправленные ему ранее письма»³. Очевидно, что это давало принцу пищу для подозрения его дяди в нечестной игре и в умышленном затягивании возвращения Джеймса в Шотландию.

В очередной раз английская и шотландская делегация должны были встретиться для решения судьбы принца в декабре 1412 г. в северной Англии. 1 декабря 1412 г. Генрих IV подписал охранную грамоту для «послов, назначенных Большим советом Шотландии»⁴. Казалось, что вопрос освобождения принца как никогда близко подошел к своему разрешению. Однако смерть короля Англии 20 марта 1413 года снова на неопределенное время отодвинула сроки возвращения принца на родину.

---

¹ Chr. Boweri, II, 448.

² Ibid., II, 448.

³ Ibid., II, 449.

⁴ Foedera et Acta Publica, VIII, P. 736.

Глава II. Характер англо-шотландских отношений в период от битвы при Азенкуре до начала войны «Алой и Белой розы»

Как известно, Генриха V, которому от отца достался в наследство достаточно хорошо отлаженный государственный аппарат и богатая казна, интересовала, прежде всего, европейская политика и его континентальные владения¹. Мысль продолжить войну за французскую корону, подкреплялась благоприятной для англичан ситуацией: во главе Франции номинально стоял слабоумный Карл VI, а внутри самой страны шла жестокая борьба за власть между двумя соперничающими партиями: бургуньонами и арманьяками.

Что касается Шотландии, то Генрих V, вступая в решительную борьбу за французскую корону, был крайне заинтересован в сохранении стабильности на северных границах, но при этом английский король едва ли надеялся на выполнение условий мирного договора мая 1412 года, продлившего перемирие между Англией и Шотландией на 6 лет². Ведь по сложившейся традиции, этот договор в любой момент мог быть нарушен при подстрекательстве французов и вовсе не гарантировал Англии лояльности со стороны северного соседа.

¹ См., например: *Allmand C.T.* Society at war. P. 27–29; *Macdougall N.* An Antidote to the English. P. 58–59; *Seward D.* The Hundred Years War. L., 2003. P. 153–159.

² *Foedera et Acta Publica*, VIII, P. 731.

Франция же (в лице дофина Карла и его сторонников) в ожидании грядущего английского вторжения направила посольство к регенту Олбани, надеясь на военную помощь от Шотландии согласно союзному договору¹.

Нам представляется, что основная коллизия англо-французских противоречий в этот период во многом повлияла как на дальнейшую судьбу традиционных конфликтов на англо-шотландском пограничье, определяя возможные методы и приемы, использовавшиеся Лондоном и Эдинбургом для решения старых проблем, так и на положение дел на континенте, вовлекая шотландцев в активное участие в Столетней войне на стороне своих французских союзников.

§ 1. Роль шотландского корпуса в Столетней войне

В результате тяжелейшего поражения французов 25 октября 1415 г., названной шотландским хронистом «несчастливой битвой при Азенкуре»², английский король беспрепятственно прошёл опустошительным рейдом по Пикардии, Нормандии и Фландрии вплоть до Кале. Вскоре после этого, Генрих V приступил к урегулированию отношений с Шотландией. Ради возвращения в 1416 г. Мердока Роберт Олбани подписал договор о восьмилетнем перемирии, где оговаривалась и сумма выкупа за графа Мердока в размере 70 000 марок³. Переговоры закончились пролонгацией прежнего договора 1412 г. о нейтралитете Шотландии в случае войны с Францией. В договоре также подтверждалась неизбежность англо-шотландских границ. Позже срок действия этого договора был продлен до 1424 г.⁴

Вместе с тем, Олбани находился в затруднительном положении. Шотландская знать, к которой принц Джеймс неоднократно обращался в своих посланиях требуя ускорить его возвращение на родину⁵, в свою очередь требовала от регента активно добиваться скорейшего освобождения принца. Боуэр указывает на то, что принц, вёл интенсивную переписку на эту тему с влиятельными шотландским лордами⁶. Вероятно, давление лордов на регента было очень высоким, потому что в 1416 г. дело Джеймса снова сдвинулось с мертвой точки.

¹ *Buchanan G.* P. 325.

² *Ibid.*, II, 448.

³ *Foedera et Acta Publica*, X, P. 234.

⁴ *Goodman A.* *A History of England from Edward III to James I. L.*—N.Y., 1977. P. 338.

⁵ *Chr. Boweri*, II, 448.

⁶ *Ibid.*, II, 448.

В английских казначейских свитках хранится распоряжение о выделении денег королевским чиновникам для отправки заложников за принца Джеймса, которые должны были в декабре 1416 года прибыть из Шотландии¹. В марте 1417 года Джеймс Стюарт был отправлен в Йорк, чтобы «ускорить прибытие шотландцев». Но, как говорит Боуэр, «по неизвестной причине эти заложники так и не приехали»². Принц так и остался в Англии — английский монарх отказывался отпустить принца до окончания французской кампании³. Переговоры вновь заглохли.

Как только англичане развернули военные действия против французов в 1417 г., два самых влиятельных лица в шотландском королевстве своими действиями разорвали все мирные договоренности между Англией и Шотландией — «герцог Роберт Олбани и граф Арчибальд Дуглас, лично возглавив отряды, 23 июля 1417 года предприняли поход в Нортумберленд»⁴. Целью этого похода был захват Бервика и Роксбурга, которые шотландцы уже давно пробовали отнять у англичан. Отряд графа Дугласа осадил крепость Роксбург, но был вынужден бесславно возвратиться на родину, в то время как герцог Роберт пытался штурмовать Бервик, но тоже безрезультатно.

Судя по отношению хрониста к этим событиям, оба похода были восприняты шотландским обществом неблагоприятно. Боуэр назвал шотландские рейды союзников «бессмысленными и глупыми»⁵.

Поражение Франции в битве при Азенкуре и неудачи в последующих столкновениях с англичанами, привели к существенному изменению соотношения сил во франко-шотландском альянсе. Франция на какой-то период перестала в них лидировать, и была в большей степени заинтересована в активных действиях со стороны своего шотландского союзника.

С целью побудить к этому шотландцев, в 1419 г. в Шотландию прибыла французская делегация во главе с графом Вандомом. Как сообщает Пласкарден, французский граф попросил созвать парламент, где произнес речь перед сословиями о том, что «у Шотландии общие с Францией интересы и общие враги»⁶, вспомнив историю франко-шотландских отношений с момента подписания Парижского договора 1295 г., и под-

¹ *Nicholson R. The later Middle Ages. P. 250.*

² *Chr. Boweri, II, 459.*

³ *Ibid., II, 459.*

⁴ *Chr. Boweri, II, 456.*

⁵ *Ibid., II, 451.*

⁶ *Chr. Pluscardensis, I, 353.*

черкивая длительность и прочность этого альянса. В конце своей речи граф от имени французского короля попросил Шотландию оказать военную помощь. После обсуждения этой речи в парламенте, шотландцы дали графу Вандому своё согласие предоставить корпус в распоряжение дофина. При этом стороны оговорили, что все расходы, связанные с содержанием и доставкой шотландских войск на континент, будут оплачиваться из французской казны.

Надо сказать, что и до этого посольства немало шотландцев принимало участие в континентальных событиях. Так при осаде Льежа в 1405 г., весьма достойно проявил себя шотландский отряд во главе с Александром Стюартом, графом Маром. По словам Пласкардена, после сражения «многих посвятили в рыцари, а их предводитель стяжал себе славу не только воинским умением, но за свои мудрые советы»¹.

Другой шотландский хронист Боуэр, подчеркивает важность момента — впервые французы так сильно зависели от шотландцев. Он отмечает, что шотландский парламент, санкционируя отправку соотечественников на континент, соблюдал условия «старого союза», позволил всем добровольцам отправиться во Францию². Этот корпус, состоял, главным образом, из отрядов, уже имевших опыт войны с англичанами: «во Францию отправились многие лорды со своими вооруженными людьми (*men-at-arms*)»³.

Для перевозки шотландского корпуса Франция арендовала у Кастилии 40 кораблей. Во главе экспедиции были поставлены второй сын герцога Роберта Олбани Джон Стюарт, граф Бачен и старший сын графа Дугласа Арчибальд, граф Уигтаун.

Численность отправленного во Францию корпуса современники оценивают по-разному. По словам Боуэра, во Францию было отправлено около 5–6 тыс. человек⁴, Пласкарден пишет о 7–8 тысячах⁵, а архиепископ Реймский Жувеналь дез Урсен говорит о 4–5 тыс. человек, «прибывших во Францию по просьбе Карла VII»⁶.

¹ Book of Pluscarden, X, 263.

² Chr. Boweri, II, 455.

³ Buchanan G. P. 325.

⁴ Ibid., II, 458.

⁵ Chr. Pluscardensis, I, 353.

⁶ Histoire de Charles VI, Roy de France, et des choses memorables advennes durant quarante-deux annes de son regne, depuis 1380 jusque a 1422 par Jean Juvenal des Ursins archeveque Rheims / Nouvelle collection des Memoires pour servir a l'histoire de France. Paris, 1836 Vol. II, P. 564.

Различие в цифрах можно, прежде всего, объяснить личными мотивами современников. Пласкарден, очевидно, стремился подчеркнуть размеры вклада Шотландии в дело борьбы союзников с общим врагом и потому завысил цифры. Французская же сторона, вероятно, стремились преднамеренно занижить данные, чтобы продемонстрировать обратное и, в конечном итоге, присвоить все лавры победителя себе. Сказывалось также отсутствие точной статистики.

Каковы были причины, побудившие шотландцев, отправить во Францию столь значительный военный контингент?

По мнению ряда исследователей — основная причина заключалась в относительно спокойной ситуации в стране, которая лишала молодых и амбициозных шотландцев возможности сделать военную карьеру и поправить на войне своё материальное положение. Участие в военных действиях на стороне Франции открывало перед ними такую перспективу. Но едва ли эту причину стоит абсолютизировать, как это делает британская исследовательница Розалинд Митчисон¹. Резон в этом утверждении есть, однако, применительно к французским событиям 20-х гг. XV в. оно является односторонним. Очевидно, что, помимо меркантильных соображений, существовали также и другие факторы, переводящие мотивы службы шотландского корпуса у дофина из плоскости сугубо материальной в плоскость политическую. По-видимому, не следует исключать искреннее желание шотландцев исполнить свои союзнические обязательства перед Францией.

Возможно, что регент мог воспользоваться случаем, чтобы избавить себя от неугодных соперников и, тем самым, укрепить собственное положение. В качестве таковых соперников французский историк Эдуард Перруа называет Арчибалда, графа Дугласа и Джона Стюарта, графа Бачена², в действиях которых регент, якобы, усматривал определенную помеху своему правлению. Но, на наш взгляд, догадка Перруа абсолютно некорректна. Напомним, что Джон Стюарт, граф Бачен был сыном самого регента и, насколько нам известно, вообще никогда не рассматривался им в качестве своего соперника. Что касается Арчибалда Дугласа, графа Дугласа, то он в тот период находился при принце Джеймсе, и, как отмечалось выше, во главе шотландского корпуса отправился его старший сын граф Уигтаун³. Э. Перруа, таким образом, ошибается,

¹ *Mitchison R. History of Scotland. P.58*

² *Перруа Э. Столетняя война. СПб, 2002 С. 334*

³ Арчибалд Дуглас, 4-й граф Дуглас действительно отправился во Францию и стал во главе 12-тысячного шотландского корпуса, но только в 1424 г.

определяя круг реальных соперников регента. Объяснить назначение графа Бачена можно по-иному. Согласно гипотезе, которой придерживаются Р. Никольсон, А. Лэнг, П. Титлер, и которая представляется весьма правдоподобной, регент имел намерения узурпировать шотландский трон. Назначение графа Бачена командующим корпусом вполне могло быть направлено на укрепление престижа дома Олбани и, следовательно, должно было подкрепить его притязания на шотландский трон.

Самим сражениям во Франции, в которых принимали участие шотландцы исследователи уделяют достаточно внимания¹, но при этом они явно недооценивают тот факт, что именно в 1420–1424 гг. шотландский контингент играл лидирующую роль в армии дофина.

Известно, что по прибытию во Францию шотландский корпус был размещен в графстве Турень. В соседнем Анжу располагалась ставка десяти тысячной английской армии под командованием герцога Кларенса. Жители Анжу страдали от бесчинств, творимых англичанами и потому обратились к дофину Карлу, державшему двор в Берри (за что его и называли в то время «беррийским королем»), за помощью.

Положить конец произволу англичан, было поручено именно шотландцам и присоединившимся к ним отрядам Ле Брисака, де Ла Фонтани и де Дирнея. Объединенный шотландско-французский корпус под командованием графа Бачена выдвинулся к местечку Люд, в четырех милях от Боже, навстречу англичанам². Герцог Кларенс, получив информацию о движении в его сторону шотландского корпуса, решил опередить противника и выступил ему навстречу, намереваясь дать сражение недалеко от города Боже³. Герцог надеялся, вероятно, на быстроту, рассчитывая застать шотландцев врасплох. В ответ на предостережение советников и их советы дожидаться подкрепления, Кларенс заявил, что «если

---

17 апреля того же 1424 г. граф Дуглас получил официальную грамоту от Дофина, которая даровала Дугласу герцогство Турень с приказом вассалам Турени «повиноваться Дугласу, как своему герцогу». См. Macdougall N., *An Antidote to the English...* P. 72.

¹ См.: *Armstrong C. A. England, France and Burgundy in the Fifteenth Century. L., The Hambledon Press, 1983; Luce S. La France pendant la guerre de Cent Ans. Paris, 1890; Martin H. La guerre de Cent Ans. Paris, 1894; Perroy Ed. La guerre de Cent Ans. Paris, 1945; Fowlers K. The Age of Plantagenets et Valois. The struggle for Supremacy 1328–1498. N.Y., 1967; и др.*

² *Macdougall N. An Antidote to the English. P. 67.*

³ *The Chronicles of Enguerrand de Monsterelet; containing an account of the cruel civil wars between the houses of Orleans and Burgundy. Translated by Johnes Th. L., 1810 Vol. V. P. 263 (далее — Chr. Monstrellet).*

вы боитесь, то возвращайтесь домой и сторожите кладбище»¹. Вместе с отрядом в 1 500 человек он выступил навстречу шотландцам.

Бой при Боже 22 марта 1421 г. начали англичане — и потерпели поражение². В этом сражении погиб сам герцог Кларенс, а также граф де Куте, лорд Рус. Графы Сомерсет, Хантингдон и дю Перш с 200 другими рыцарями были захвачены в плен. Всего, по явно преувеличенным сведениям Монстреле, у англичан погибло от 1000 до 1100 человек³. Шотландцы называют другие еще более внушительные цифры. По данным Боуэра, англичане потеряли около 2000 человек⁴. Пласкарден говорит о 3000 убитых⁵.

Успех шотландцев в битве при Боже имел не только военное, но и политическое значение. Принц Карл, ранее не считавшийся серьёзным противником и перспективным политиком, с этой победой начал приобретать политический вес, став фигурой, способной консолидировать ту часть французского дворянства, которая стремилась изгнать англичан за пределы французского королевства.

Победа при Боже получила в Европе широкий резонанс. Пласкарден передает, что папа Мартин V с похвалой высказался о шотландцах, называя их: «противоядием от англичан»⁶. И принц Карл, и шотландские графы Бачен и Уигтаун практически в одночасье приобрели широкую известность⁷. Э. Перруа, говоря о реакции дофинистов на победу шотландцев при Боже и гибель герцога Кларенса, по праву отметил: «Большого и не требовалось, чтобы в лагере дофина возродились все надежды»⁸. К дофину стали стекаться французские бароны, недовольные англичанами и бургундцами.

Хронисты из Англии и Шотландии по-разному оценивали сражение. Для англичан участие шотландцев в континентальных делах на стороне дофина — существенная проблема и даже, в какой-то мере, удар в спину. Ведь официально на границе все спокойно и повода для войны,

¹ *Seward D.* The Hundred Years war. P.185 «if you are afraid, go home and keep the churchyard».

² См.: *А. Бёрн.* Битва при Азенкуре. История Столетней войны. М., 2004. С. 141–155.

³ *Chr. Monstrelet*, V, 263.

⁴ *Chr. Boweri*, II, 462.

⁵ *Chr.Pluscardensis*, I, 286.

⁶ *Ibid.*, I, 286.

⁷ *Buchanan G.* P. 328.

⁸ *Перруа Э.* Столетняя война. С. 341.

с точки зрения англичан, у шотландцев быть не должно. В частности Эдуард Холл, комментируя сражение при Боже, называет шотландцев «вероломными» и «старыми врагами англичан»¹.

Шотландские хронисты из чувства гордости за своих соотечественников более детально отображали французские события. Они отмечают весомую роль шотландского корпуса, не обходя стороной колоритные детали, такие как тактические приемы, использованные против англичан, и проводя параллели с событиями и сражениям у себя на родине. Так, например, Пласкарден проводит параллели между событиями 1421 г. и конца XIII в., когда в бою при Стирлингском мосте 11 сентября 1297 г.: англичане во главе с графом Сари, значительно уступая шотландцам в численности войска, напали на армию Уоллеса и были разбиты. Шотландцы, в 1297 г., по словам, Пласкардена, одержали «сокрушительную победу» над англичанами².

Свою роль в подробном освещении хода битвы и ее последствий сыграли тесные контакты между двумя королевствами и возможность узнавать континентальные новости непосредственно от участников событий — от тех шотландцев, которые приезжали на родину из Франции³. Так, например, шотландский источник не преминул отметить, что, узнав о победе, дофин Карл воскликнул: «Кто теперь посмеет думать, что шотландцы лишь пьяницы и пожиратели баранины?»⁴. Едва ли эта фраза была придумана самим хронистом, скорее всего, ее передал кто-то из приближенных дофина.

Гордясь успехами шотландцев, хронисты охотно подчеркивают щедрость и благородство дофина. За оказанную поддержку и «доблесть под знаменами Франции»⁵ принц достойно вознаграждал своих шотландских сторонников. Уигтаун был пожалован графством Лонгвиль (Longueville) в Нормандии, Бачен — званием коннетабля Франции, а его кузен — сэра Джон Стюарт из Дарнли — получил лордство Конкрессо⁶.

Для французских же хронистов на первый план выходит не столько этнический состав принимавших участие в сражениях с англичанами и роль шотландцев, сколько сам факт поражения англичан. И Монстреле,

¹ Hall's Chronicle containing the History of England during the reign of Henry IV and Succeeding Monarchs. L., 1809. P. 59–61.

² Chr. Boweri, II, 462; Chr.Pluscardensis, I, 286.

³ Buchanan G. P. 335.

⁴ Chr. of Scotland, III, 506.

⁵ Chr. Pluscardensis, I, 286.

⁶ Chr. Boweri, II, 459.

и хроника Сен-Дени делают акцент на том, что это было первое крупное поражение в ходе всей войны, «развенчивающее мысль о непобедимости англичан и божьего промысла их успеха»¹.

Вероятно, именно опора на французские реляции с их акцентом на самом событии, а не на том, кто обеспечил победу, определили историографическую традицию, которая настойчиво игнорировала факт решающей роли шотландского корпуса в сражениях с англичанами при дофине Карле в 1420-е гг.

Действия шотландцев, похоже, убедили дофина в храбрости шотландцев, поскольку после празднования победы Бачен получил дополнительные средства на снаряжение нового корпуса и отправился в Шотландию, чтобы оттуда привести новобранцев.

Дофин, чья армия к тому моменту насчитывала около 10 тыс. человек, организовал военный поход по северо-западным провинциям страны². Обеспокоенный развитием ситуации во Франции, Генрих V поспешил отправить во Францию 14-ти тысячный корпус: около 4 тыс. всадников и около 10 тыс. пеших воинов³. Вскоре и сам английский король присоединился к своей армии во Франции⁴.

В свите короля во Франции находился шотландский наследник принц Джеймс Стюарт, которого Генрих V собирался использовать, создав ситуацию, при которой шотландцы начали бы переходить от дофина на сторону англичан. Как отмечается в «Хрониках Шотландии», несмотря на долгое отсутствие принца Джеймса на родине, он оставался крайне популярен⁵. Но при этом, сражавшиеся на стороне дофина шотландцы, отказывались повиноваться издаваемым, якобы, от имени принца приказам, сложить оружие, ссылаясь на то, что они не будут выполнять требование принца, «тем более, что он находится под властью другого человека»⁶.

Каждая попытка Генриха V принудить самого Джеймса сражаться со своими соотечественниками-шотландцами, находившимся на службе у дофина Карла, оказывалась безуспешной. Как отмечает Боуэр, она

¹ Chr. Monstrelet, V, 263; Chronique du religieux de St-Denys, contenant le regne de Charle VI de 1380 a 1422. Par Bellaguet M.L. Paris, 1841. Vol. III, 93 (далее — Chr. St-Denys).

² Contamine Ph. La Guerre au Moyen Age. P., Hachette, 1980, P. 472.

³ Chr. Monstrelet, VI, 90.

⁴ Seward D. The Hundred Years war. P. 186–187.

⁵ Chr. of Scotland, III, 510.

⁶ Buchanan G. P. 338.

встречалась очередным «приступом болезни» как у принца, так и у его спутников¹.

План Генриха V не увенчался успехом. И король изменил тактику, от уговоров перейдя к устрашению. В этом отношении показательным является случай со взятием французского городка Мо (Маух), который оборонял шотландский гарнизон². Англичане от имени Джеймса приказали гарнизону сдаться, но получили отказ. Тогда Генрих V повелел штурмовать крепостные стены. По взятии города английский монарх приказал повесить всех его защитников-шотландцев, аргументируя свой приказ изменой этих шотландцев их собственному королю³.

Со смертью короля Генриха V (1422), военные акции англичан на континенте приостановились⁴. Сложившаяся политическая ситуация сыграла на руку дофину Карлу. Прежде всего, принц Карл денонсировал англо-французский договор 1420 г., по которому Карл был признан бастардом и лишился прав на трон, и начал собирать вокруг себя противников англичан. Прибывшее из Шотландии с графом Баченом 5 тысячное пополнение, усилившее армию дофина, вероятно, заставило англичан поторопиться с нанесением удара по дофинистам⁵.

Сражение между англичанами и дофинистами произошло вблизи небольшого городка Кравант 31 июля 1423 г. Как сообщает Пласкарден, больше половины армии французского принца составляли шотландцы: около 7 тыс. человек, французам же было около 5 тысяч⁶. Шотландцы продолжали составлять костяк армии союзников. В этом сражении верх одержали англичане⁷. Войска дофина, по словам Монстреле, потеряли около двух или трех тысяч человек, из которых примерно тысячу составляли шотландцы⁸.

Оказавшись в трудном положении, дофин Карл пытался собрать новую армию. Для восполнения потерь граф Бачен уже во второй раз от-

¹ Chr. Boweri, II, 462.

² Подробности осады см.: А. Бёрн. Битва при Азенкуре. История Столетней войны. М., 2004. С. 163–170.

³ Ibid., 337.

⁴ Seward D., The Hundred Years war. P. 189–191.

⁵ Buchanan G. P. 338.

⁶ Chr. Pluscardensis, I, 274.

⁷ См.: А. Бёрн. Битва при Азенкуре. История Столетней войны. М., 2004. С. 184–189.

⁸ Chr. Monstrelet, VI, 49–51.

правился на родину и осенью 1423 г. вернулся с пополнением. Боуэр сообщает, что принц до глубины души был тронут «преданностью своих союзников» и щедро вознаградил всех ветеранов¹. Общая численность дофинистской армии уже после Краванта, по данным Монстреле, составляла около 15–17 тыс. человек, большинство из них были, не французские подданные, а выходцы из других королевств². Корпус шотландцев был, вероятно, самой боеспособной и организованной частью армии дофина в это время.

Надо заметить, что шотландские и французские хроники расходятся в оценке численности шотландцев на службе дофина. Шотландец Боуэр, в отличие от Монстреле, говорит, что накануне битвы при Вернее дофин располагал 12 тыс. человек³, но тоже считает, что французы составляли меньшинство: 7 тыс. человек были шотландцами, а 5 тыс. французами⁴. Герцог Бедфорд располагал значительно меньшими, чем Карл силами. Численность английского корпуса реально не превышала 8-9 тыс. человек, однако, все они, как правило, были ветеранами⁵.

В качестве ближайшей цели для нападения на армию Бедфорда дофинисты выбрали город Верней, в котором располагалась ставка англичан. Это решение было принято на военном совете, который держал принц для разработки стратегии в предстоящей кампании. Как отмечает Пласкарден, среди присутствующих не было единогласия. Герцог Алансон и виконт Нарбон призывали отказаться от прямого сражения, опасаясь, что англичане, как случалось и раньше, даже при меньшей численности, смогут одержать верх. Сам же дофин Карл, молодые придворные и лидеры шотландцев, которые по выражению А. Бёрна «фанатично ненавидели англичан»⁶, считали, что имеющиеся силы позволяют разбить Бедфорда и покончить с военным превосходством англичан во Франции⁷.

¹ Chr. Boweri, II, 462.

² Chr. Monstrelet, VI, 51.

³ А. Бёрн, опираясь на французские и шотландские источники, говорит о численности всей армии дофина перед сражением ок. 16 тыс. человек, из которых минимум 6 тыс. чел. были шотландцы и около 9–10 тыс. чел. французов и их союзников из других государств. Ук. соч. С. 207.

⁴ Ibid., II, 463.

⁵ Simpson M.A. The Campaign of Veneil // EHR. 1934. V. 49, № 193. P. 93–100; Mitchison R. History of Scotland. P. 271.

⁶ Бёрн А. Битва при Азенкуре. С. 196.

⁷ Campbell J. England, Scotland and the Hundred Years War // Europe in the Middle Ages / Ed. Hale J. Evanstone, 1965. P. 64.

Сражение при Вернее (Verneuil-sur-Avre), начавшееся рано утром 17 августа 1424 г, закончилось поздним вечером сокрушительным поражением дофинистов. В этом сражении погибла большая часть корпуса шотландцев¹. По оценкам Монстреле, под Вернеем шотландцы потеряли от 4000 до 5000 человек, включая своих вождей: Джона Стюарта, графа Бачена, Арчибальда, 4го графа Дугласа, его второго сына Джеймса Дугласа и сэра Джона Стирлинга. Кроме того, около 200 шотландцев оказались в плену².

Французы в этом бою также потеряли многих аристократов, в том числе: герцога Даненкона, графа Домери, виконта де Нарбон. В английском плену оказались и многие другие знатные французы, среди которых были герцог, два графа, два виконта, восемнадцать рыцарей, а также более десяти нобилей. Потери же англичан, согласно их официальной сводке, составляли всего 600 человек убитыми³.

Избежавшие гибели и плена шотландцы не захотели возвращаться на родину, решив остаться на службе у дофина Карла. Волонтеров возглавлял сэр Джон Стюарт (родственник погибшего графа), лорд Дарнли и сэр Джон Кеннеди. Верность шотландцев дофину не осталась неотмеченной Карлом Французским. Большинство ветеранов-шотландцев вошли в личную гвардию короля и участвовало в последующих войнах французской короны. Французские хронисты, продолжали упоминать о том, что шотландские отряды принимали участие в войне против англичан в армии дофинистов, но ни о какой полномасштабной помощи со стороны Шотландии речи уже не шло. Хроника Сен-Дени указывает, что после Вернея приток шотландских отрядов во Францию практически прекратился, хотя одиночки продолжали поступать на службу короля, чтобы «воевать против короля Англии»⁴.

Полученная дофинистами передышка, вызванная матримониальным конфликтом герцога Бургундского с герцогом Глостером из-за дочери графа Анжу (на чью руку претендовали оба герцога)⁵, дала дофину время для сбора сил и средств на продолжение войны.

¹ См: А. Бёрн. Битва при Азенкуре. История Столетней войны. М., 2004. С. 191–209.

² Chr. Monstrelet, VI, 97.

³ Letteres and Papers illustrative of the wars of English in France during the reign of Henry VI. Ed., Stevenson, J., II, 394.

⁴ Chr. St-Denys, III, 107.

⁵ Seward D. The Hundred Years war... P. 72–73.

Характеризуя события 1420–1424 гг., важно отметить, что в сложной и неоднозначной политической обстановке во Франции франко-шотландский альянс значительно видоизменился, влияя на баланс политических и военных сил в Столетней войне. Благодаря помощи шотландцев, французскому дофину и его сторонникам удалось собрать силы для продолжения войны с англичанами. Шотландский корпус в течение 1420–1424 гг. продолжал оставаться ядром армии дофинистов. Тем не менее, о роли шотландцев в Столетней войне нередко забывают. Так, английский исследователь Д. Суорд считает возможным говорить о том, что при Боже произошло сражение англичан с «арманьяками, которые включали себя и шотландцев [выделено нами — С.И.] под предводительством Бачена и Уигтауна»¹. Тогда, как, согласно Монстреле, французов в этом сражении было от силы 1,5 тыс. человек, а шотландцев, по крайнем мере, 5-6 тыс. человек.²

Недооценка роли шотландцев в Столетней войне свойственна и отечественной литературе. Следуя в русле историографической традиции, Н.И. Басовская, известный специалист по истории Столетней войны, несколько принижает масштабность и значимость шотландской помощи дофину. Она упоминает лишь об одном отправленном в 1424 г. во Францию корпусе шотландцев: «были присланы войска численностью 5–6 тыс. человек для борьбы против англичан»³. Напомним, что на самом деле за 1420–1424 гг. дофин четырежды, а не единожды получал пополнение из Шотландии, а общая численность шотландцев на службе Карла была свыше 15 тыс. человек.

Что касается ситуации на пограничье в начале 1420-х гг., то никаких крупных событий, инициированных из Лондона, если верить хроникам, там не происходило. Отчасти этому способствовали такие побочные обстоятельства, как ожесточенная схватка в Лондоне между герцогом Глостером и Бофорами за лидерство в Королевском совете. Нельзя забывать и то, что во Францию ушла, скорее всего, наиболее активная часть воинственного шотландского дворянства, а это обстоятельство не могло не сказаться на умиротворении обстановки в регионе. В какой-то мере это же относится и к северо-английским лордам.

¹ Ibid., P. 65.

² Chr. Monstrelet, V, 262–264.

³ Басовская Н.И. Столетняя война. М., 2002. С. 303.

§ 2. Джеймс I: английский опыт и шотландская практика

Громкие и во многом судьбоносные для Франции битвы начала 1420-х гг., в которых решающая роль принадлежала шотландцам, заслоняли собой как непосредственные сдвиги в англо-шотландских отношениях, так и события в самих этих странах.

Если говорить о Шотландии то, после смерти герцога Роберта Олбани (1420) регентом страны стал старший сын герцога — Мердок Стюарт, граф Файф (с 1420 года — герцог Мердок Олбани), вернувшийся из Англии на родину в конце 1417 г.

Говорить о Мердоке Стюарте, как о политике, весьма сложно, поскольку на протяжении всего правления герцога Роберта Олбани он находился в тени своего отца, а потом долгое время находился в английском плену. Хронисты, рассказывая о Мердоке, акцентируют внимание только на его родстве с регентом Олбани. Так Боуэр при перечислении участников битвы при Хомилдоне пишет: «Мердок Стюарт, граф Файф, старший сын и наследник герцога Олбани». Этой справкой характеристика графа Мердока исчерпывается¹.

У нового шотландского регента дела пошли не столь успешно, как у его отца, который на протяжении многих лет укреплял позиции своей семьи, играя на противоречивых интересах различных баронских группировок. Среди последних лидировали Черные Дугласы, Сомерледы во главе с лордом Островов и Данбары, во главе с графом Шотландской Марки. Помимо них, в других частях Шотландии видное место занимали графы Мары, контролировавшие большую часть Кейтнесса, Оркни, управлявшие Шетландскими и Гебридскими островами, Красные Дугласы, во главе с графом Энгусом, чьи владения находились на северо-западе Лоуленда, кроме того, были и другие крупные лорды и кланы, интересы которых также приходилось учитывать правителям Шотландии.

Несоответствие политического веса отца и сына, вкупе с малым опытом Мердока в политических делах королевства, скоро дали о себе знать. Недовольная аристократия, которая в прежние времена все же побаивалась Роберта Олбани, теперь открыто заговорила о необходимости возвращения принца-наследника². По словам Боуэра, лорды, которые в течение ряда лет «имели постоянные контакты с Джеймсом, всемерно

¹ Chr. Boweri, II, 433.

² Nicholson R. The later Middle Ages. P. 332.

поддерживали идею возвращения принца на родину»¹. Под давлением лордов Мердок, как прежде и его отец, был вынужден пойти на возобновление переговоров с Англией по вопросу об освобождении принца Джеймса Стюарта.

На какое-то время казалось, что после внезапной смерти Генриха V в 1422 г. эти переговоры с англичанами повернулись в благоприятную для принца Джеймса сторону. Ему было обещано, что он сможет посетить родину при условии, если предоставит достаточное число заложников². Для англичан переговоры, по-прежнему, оставались средством давления на Шотландию в вопросе заключения длительного мирного договора или же для того, чтобы заставить шотландцев отозвать с континента свой корпус.

6 июля 1423 года Королевский совет Англии разослал секретную инструкцию для своих послов³. В этой инструкции, помимо прочего, послам ставилась задача при обсуждении условий репатриации принца Джеймса получить от шотландцев согласие на уплату денег «на расходы Джеймса Шотландского в связи с его долгим пребыванием в Англии». Эти расходы были оценены англичанами в сумму 36 тысяч фунтов⁴. Для сравнения, на расходы принца, по данным английских казначейских свитков, в 1420 году было выделено 150 фунтов⁵.

19 августа 1423 года Мердок Стюарт, герцог Олбани отправил из Инверкейтига депешу с распоряжением сформировать посольство для поездки в Англию⁶. Однако, как нам кажется, этим распоряжением регент скорее стремился продемонстрировать свое деятельное участие в освобождении кузена в глазах соотечественников, чем реально собирался способствовать возвращению Джеймса на родину. Переговоры о Джеймсе инициировались уже так много раз, что уже казалось маловероятным благоприятное их истечение. Инициатива была важна для Мердока и потому, что, как отмечает Пласкарден, к этому моменту не только лорды, но «сословия выступали за возвращение своего короля из плена»⁷.

Дальнейший ход переговоров о судьбе Джеймса реконструируется по предварительным наброскам договора об освобождении Джеймса.

¹ Chr. Boweri, II, 440.

² Foedera et Acta Publica, X, P. 19, 125.

³ Ibid., X, P. 301.

⁴ Ibid., X, P. 301.

⁵ Nicholson R. The later Middle Ages. P. 251.

⁶ Foedera et Acta Publica, X, P. 302–303.

⁷ Book of Pluscarden, X, 277.

Видимо, сами переговоры проходили в обстановке строжайшей секретности, поскольку хронисты о них почти ничего не пишут, возможно, они не знали всех деталей переговоров.

Одним из основных условий освобождения принца Лондон выдвинул брак Джеймса с англичанкой — Джоанной Бофор, дочерью графа Солсбери¹. Это был традиционный для тех времен политический ход, при помощи которого англичане стремились обеспечить себе возможность влиять на политику в Шотландии, либо, на худой конец, связать нового короля новыми родственными узами с английской аристократией. Английским послам предписано было на переговорах всячески хвалить Джоанну Бофор, отмечая её красоту, ум и происхождение, подчёркивая, что столь достойную невесту и по знатности, и по внешним данным шотландцы «вряд ли смогут найти сами»².

Джоанна Бофор была действительно весьма знатна, по свидетельствам современников — необычайно умна и красива. Старшая дочь Джона Гонта, графа Солсбери и Екатерины Суинфорд, она принадлежала к королевскому роду, несмотря на то, что Солсбери относились к его боковой ветви. В специальной хартии 1407 г. оговаривались права Бофоров на престол. Согласно ей, они могли наследовать корону только в том случае, если не останется ни одного представителя королевского дома по прямой линии.

Уговаривать Джеймса не пришлось. За время нахождения в плену, он, судя по всему, увлекся этой девушкой, посвятив ей даже ряд своих поэм в манере Чосера: «The Kingis Quair», «Christis Kirk On The Green» и «The Ballad of Good Counsel»³.

Уже 10 сентября 1423 года английскими и шотландскими дипломатами был утверждён предварительный текст договора об освобождении Джеймса⁴. 4 декабря 1423 года в Лондоне было подписано итоговое соглашение, в котором устанавливалась сумма выкупа за принца (в кото-

¹ Foedera et Acta Publica, X, P. 219.

² Buchanan G. P. 338; В.В. Штокмар считает, что англичане начинают заботиться об укреплении династических связей с Шотландией лишь с конца XV в. (*Штокмар В.В. Религиозно-политический и национальный аспекты объединения Англии и Шотландии в начале XVII в. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л.: ЛГУ, 1978 Вып. 2. С. 92–103*). Однако, как мы видим на примере переговоров о Джеймсе I в 1423–1424 гг., англичане занялись укреплением династических связей с шотландцами значительно раньше конца XV в.

³ Mitchison R. History of Scotland. P. 126.

⁴ Foedera et Acta Publica, X, P. 303–308.

рую также входило и возмещение расходов Англии на образование и содержанию там Джеймса), определялись порядок выплаты названной суммы и предоставления заложников, условия заключения брака с Джоанной Бофор.

Шотландская сторона обязывалась заплатить за «содержание» в течение 17 лет своего монарха в Англии сумму в 40 тысяч фунтов, (что равнялось 60 тысячам марок), разбив сумму выкупа на несколько платежей по 10 тысяч в год. В качестве гарантий этих выплат шотландская сторона обязывалась предоставить 21 заложника, которые должны были жить в Англии на свои средства до тех пор, пока сумма не будет внесена полностью. В случае смерти одного из заложников из Шотландии на его место должен был приехать другой человек, «не менее знатный, чем умерший»¹.

В вопросе о составе заложников примечателен тот факт, что в предварительном договоре фигурировали четыре шотландских графа. Однако в окончательном декабрьском договоре (1423) из списка выпали два представителя рода Черных Дугласов: Джеймс Дуглас, граф Данкейт и Данкан Кэмпбелл, граф Арчилл². Из первоначального списка исчезло также имя сэра Александра Сэтона из Гордона, дальнего родственника Дугласов. При этом общее число заложников увеличилось с 21 до 26 человек. Должно быть, это слудует рассматривать как своего рода компенсацию за знатность. Граф Данкейт приходился вторым сыном Арчибальду Дугласу, четвертому графу Дугласу, первому герцогу Туреньскому, лорду Галлоуэю и Аннандейлу — он, действительно, стоил нескольких лишних заложников.

В этих переговорах впервые в документах высокой политики встречается упоминание о Ливингстоунах — семействе, которое будет иметь огромное влияние на политическую жизнь государства в годы малолетства короля Джеймса II. В 1420-е гг. Ливингстоуны были крупной и влиятельной семьей в графстве Стирлинг, расположенном сравнительно недалеко от Эдинбурга, но не более того. Во время переговоров об освобождении принца во многом благодаря стараниям Ливингстоунов в списки заложников были включены менее значимые для шотландцев имена.

Особым пунктом в лондонском договоре 4 декабря 1423 г. фигурировало согласие принца на брак с Джоанной Бофор. Размер приданного составлял 10 тысяч марок. При этом сумма засчитывалась в счёт шотландских выплат, т. е., шотландцам списывали сумму долга на 10 000 марок³.

¹ Ibid., X, P. 308.

² Ibid., X, P. 308.

³ Foedera et Acta Publica, X, P. 308–309.

2 февраля 1424 года состоялось бракосочетание Джеймса Стюарта и Джоанны Бофор. После чего молодая чета отправилась в графство Дарэм для подписания итогового англо-шотландского соглашения. В Дарэме английская сторона ещё раз попыталась включить в англо-шотландский договор прямое обязательство прекратить союзные отношения с Францией. Однако, как и следовало ожидать, и эта последняя попытка не привела к желаемому результату.

Основная часть Дарэмского договора от 28 марта 1424 г. несколько отличается от прежних англо-шотландских соглашений. Его основным положением стало не только обязательство Шотландии в течение семи лет воздерживаться от войны с Англией и не выдвигать требований, её инициирующих, но и, кроме этого, Джеймс согласился не отправлять шотландские войска для войны во Франции.

«Вечный мир», таким образом, не был заключен, а требования разрыва союзных отношений с Францией не нашли отражение в рамках этого договора. Несмотря на включенный в текст договора пункт относительно запрета на военную помощь французскому дофину, принц Джеймс, по словам хрониста Боуэра, прямо заявил, что, хотя он и не будет лично отправлять шотландцев на континент, тем не менее, Джеймс не станет препятствовать тем, кто пожелает туда поехать¹. Кроме того, те из его соотечественников, кто уже воевал во Франции против англичан, по его мнению, были свободны от соблюдения Дарэмского договора².

Напомним, что Дарэмский договор был заключен уже после битвы при Боже (1421) и Краванте (1423) и сформулированные в нем положения не касались последнего шотландского пополнения дофину Карлу во главе с Арчибальдом Дугласом, четвертым графом Дугласом³, отплывшим во Францию больше чем за месяц до его подписания.

Наконец, договор от 28 марта 1424 года окончательно определил список шотландцев, которые должны были выступать в качестве заложников. Несмотря на то, что, как уже говорилось, их число увеличилось с 21 до 26 человек, исключенные из него графы, во многом понижали его совокупный политический вес. Оставшиеся в этом реестре графы Кроуфорд и Мори не являлись значимыми фигурами в шотландской политике.

¹ Chr. Boweri, II, 513.

² Ibid., II, 513.

³ Бёрн А. в своей работе, посвященной Столетней войне, ошибочно называет Арчибальда Дугласа — «Александром Дугласом». (Бёрн А. Ук. соч. С. 192).

Освобождение принца было тесным образом связано с политической ситуацией внутри самой Англии и борьбой в ее правящих кругах. Перевес в борьбе за лидерство в регентском совете при малолетнем Генрихе VI между другом детства принца Джеймса — герцогом Глостером и семейством Бофоров оказался на стороне Глостера, облегчив, тем самым, освобождение Джеймса Стюарта из английского плена.

Но не только то обстоятельство, что в период переговоров об освобождении принца в 1423 г. именно Хэмфри Глостер возглавлял регентский совет, как представляется, помогло Джеймсу вернуться на родину. Сказались и английские общегосударственные соображения. Для страны, увязшей в войне с Францией и постоянно нуждавшейся для ее проведения в деньгах, было важно не только обеспечить спокойствие на границе, но и получить деньги на континентальную войну. В некотором роде, гарантом выполнения этих условий должен был служить брак с близкой родственницей правящего королевского рода, английское воспитание Джеймса и знатные шотландские заложники.

В известной мере расчеты англичан себя оправдали. До 1428 г. со страниц хроник практически исчезает не только вопрос о шотландском корпусе во Франции, но и упоминания столкновений на англо-шотландской границе, столь частые прежде. Впрочем, возможно, их заслонили собой достаточно бурные события в каждом из королевств; на континенте продолжалась Столетняя война.

Однако оставались два момента, осложнявших отношения Англии и Шотландии во второй половине 1420-х годов. Во-первых, возникли проблемы с выплатой выкупа за Джеймса. Только незначительная часть денег (что-то около 700 марок) из 30 000 фунтов, собранных для этой цели в Шотландии в виде чрезвычайного налога, ушла в Англию. Оставшаяся сумма была использована королем для внутренних нужд¹. Во-вторых, вызывало озабоченность англичан соблюдение условий англо-шотландского договора, определившего семилетний мир на Пограничье в части, касавшейся непредоставления военной помощи французским союзникам.

Новый шотландский король полностью сосредоточил свое внимание на внутривнутриполитических вопросах. Вернувшись в Шотландию, как передает Пласкарден, «очень недовольным и спешащим»², 26 мая 1424 г., уже через пять дней после своей коронации, на первом же заседании парламента продемонстрировал своим поданным, что у него

¹ *Brown M., James I.* P. 118.

² *Book of Pluscarden*, II, 281.

есть своё четкое представление о методах управления государством. Король заявил: «Не будет ни одного места в моем королевстве, от которого бы у меня не было ключа»¹, ясно давая всем понять серьезность своих намерений.

Такое понимание власти короны у нового короля могло сложиться только под влиянием его английского опыта. Пребывание Джеймса в плену совпало с весьма яркими и важными политическими событиями эпохи правления Генриха IV и Генриха V. Особенно поучительными для будущего царствования Джеймса был, можно полагать, опыт подавления могущественной северо-английской знати и шаги Генриха IV по укреплению основ династии.

Дальнейшие политические шаги шотландского короля также преломляли, в той или иной мере, английские порядки, усвоенные королем за годы плена. С первых своих шагов король Джеймс отступил от политики своих предшественников, которые предпочитали маневрировать между соперничающими группировками знати. Об этом свидетельствуют изданные Джеймсом законы о наказании виновных в мятежах и за измену королю в период его английского плена², а также введение закона о запрете вооруженных дружин³, неудачное в 1424 г., но достигшее успеха в 1428 г.⁴ Король неоднократно прибегал к арестам и конфискациям в отношении лордов, нарушавших этот закон⁵.

Решение Джеймса пойти на открытое обострение отношений с крупными лордами, вероятно, были связаны с его наблюдениям политической ситуации в Англии в период 1406-1423 гг. В эти годы политический авторитет знати был существенно ограничен, что положительно сказалось на укреплении позиций английской короны. Подобно английским королям, Джеймс I спешил нейтрализовать ближайших родственников и наиболее влиятельные кланы.

После гибели в августе 1424 г. в сражении при Вернее двух видных шотландских лордов: Арчибальда Дугласа, четвертого графа Дугласа и брата герцога Мердока Джона Стюарта, графа Бачена — лордов, пользовавшегося большим влиянием в Шотландии, у короля Джеймса, как по-

¹ *Fry, Peter and Fiona. History of Scotland. P. 96.*

² *Brown M., James I. P. 118.*

³ *Nicholson R., The later Middle Ages. P. 247 (со ссылкой на Акты парламента Шотландии).*

⁴ *Ibid., P. 252; McKinnon J. The constitutional history of Scotland from Early Times to the Reformation. L., 1985. P. 88.*

⁵ *Tytler P.F. History of Scotland. Vol. III, P. 187.*

лагает не без основания Дж. Маккинон, «были развязаны руки в делах с шотландскими принцами»¹. Погибший граф Дуглас был близким соратником первого регента Олбани и пользовался популярностью в среде шотландской знати. Граф Бачен являлся на тот момент единственным представителем дома Олбани, обладавшим внушительным опытом в военных и политических делах, а, кроме того, поддерживавшим тесные отношения с французским двором.

Общеизвестным является тот факт, что, опираясь на парламент, английские короли достигали очевидных успехов в борьбе с сепаратистки настроенной местной знатью. Джеймс, несомненно, был осведомлен об успехах английской короны. Похоже, шотландский король тоже стремился сделать ставку на помощь парламента, рассчитывая при его поддержке осуществить реформы административной и судебной системы Шотландии. Джеймс видел, как Ланкастеры опираются на английский парламент и, думается, был готов следовать этому примеру. Едва ли случайно то, что важным направлением политики Джеймса I явились его взаимоотношения с шотландским парламентом. Очевидно, король возлагал большие надежды на помощь и поддержку со стороны сословий. Первый год его царствования, по словам Р. Таннера, «казался годом новых изменений в шотландской парламентской истории»² и, действительно, среднее дворянство, похоже, рассчитывало на то, что король смягчит политику «баронских интересов», которой придерживался Олбани, и даст рыцарству возможность упрочить свои политические позиции и влияние в стране.

20 марта 1425 г. в начале парламентской сессии были арестованы герцог Мердок Олбани и его младший сын Александр Стюарт. Через несколько дней та же участь постигла еще 26 знатных лордов, среди которых были: Арчибальд Дуглас, пятый граф Дуглас, Уильям Дуглас граф Энгус, Джордж Данбар, граф Шотландской Марки и другие.³ В начале апреля того же года в Басский замок были помещены Уолтер Стюарт (сын Мердока), граф Леннокс (тесть Мердока) и сэр Роберт Грэхем (кузен Мердока). Осуществив эти аресты, Джеймс распустил парламент.

В связи со смертью двух заложников в Англии, Джеймс I отправил им на замену своих близких родичей — Дэвида Стюарта, графа Стратэрна (сына Роберта II и Эуфемии Росс) и Джеймса Стюарта, наследника графства Атолл (сына Уолтера Стюарта, графа Атолла).

¹ *McKinnon J.* The constitutional history of Scotland. P. 109.

² *Tanner R.* The Late Medieval Scottish Parliament. P. 7.

³ Book of Pluscarden, II, 280.

Следующие шаги нового короля свидетельствовали о том, что он приступил к активной изоляции своих потенциальных противников и оппозиционеров. 18 мая 1425 г. король вновь собрал парламент, дабы решить судьбу ранее арестованных лордов. Уже 24 мая открылось первое заседание суда пэров Шотландии. Примечательно, что среди 21 судьи, назначенного королем, 7 лордов недавно сами входили в число арестованных¹. Их освобождение было, вероятно, связано с тем, что Джеймсу I удалось убедить графа Шотландской Марки, Дугласа и нескольких других лордов, что дни клана Олбани сочтены и не имеет смысла продолжать поддерживать проигравшую сторону. Джеймс также, возможно, пообещал простить им прошлые прегрешения перед короной.

Кроме того, освобождение 7 лордов было, безусловно, разумным политическим шагом: поскольку, казнив их, Джеймс I, по сути, объявил бы всей знати королевству войну, которую вряд ли бы смог выиграть. Такой поворот событий не входил в его планы. Джеймс I прекрасно осознавал, что казнь членов королевского рода знать, скорее всего, воспримет как «семейное» дело, хотя и принявшее зловещий оборот, но смерть многих влиятельных лордов может вызвать политический взрыв. Джеймс нуждался в представительной ассамблее во время суда над Олбани и участие в ней бывших сторонников герцога предоставляло такую возможность.

На слушание дела герцога Мердока ушёл один день, в конце которого он был признан виновным в государственной измене и в «намерении узурпировать верховную власть», а затем приговорен к казни². На следующий день по обвинению в попытке узурпировать королевскую власть в годы отсутствия короля были приговорены к смерти два сына герцога Мердока — Уолтер и Александр Стюарты и престарелый граф Леннокс. У остальных же обвиняемых были конфискованы земли, а их самих заточили в разные крепости Лоуленда.

Многих испугала беспощадность, с которой Джеймс расправился со своими ближайшими родственниками. Хронист пишет о «жестокости и бессердечии», проявленных Джеймсом, при вынесении смертного приговора восьмидесятилетнему графу Ленноксу³. Другой источник отмечает, что по окончании сессии парламента, где решалась судьба семьи Олбани, многие лорды сочли разумным и безопасным для себя оставить столицу и переждать «суровые времена» в своих замках⁴.

¹ Lang A. A History of Scotland. Vol III. P. 264.

² Liber Pluscardensis, II, 283.

³ Chr. of Scotland, III, 527–529.

⁴ Chr. Boweri, II, 488.

Однако были и другие. В числе тех, кто поддержал беспрецедентную по своей жестокости акцию был дядя короля — Уолтер Стюарт, граф Атолл, который, как указывает источник, «являлся давним соперником Олбани»¹. По словам Пласкардена, граф Атолл был «старой змеёй, погрязшей в зле»². У него были свои притязания на корону, но, очевидно, не столь явные, как у Олбани, поэтому он был рад падению врагов и соперников.

Единственным из Олбани, кому удалось спастись от ареста и королевской расправы, был самый младший сын Мердока лорд Джеймс Стюарт. Благодаря поддержке епископа Лисмора и верных ему вассалов, весной 1425 г. (уже после суда) Джеймсу Стюарту удалось захватить на непродолжительное время Дамбартонскую крепость в Южном Предгорье, а затем бежать в Ирландию³.

Рассказы о дальнейших скитаниях Джеймса Стюарта в разных источниках сильно разнятся по своему содержанию. Так, в «Хрониках Шотландии» молодому лорду, похоже, сочувствуют; там его изображают гонимой и совершенно невинной жертвой, по воле судьбы, образно говоря, попавшей между молотом и наковальней⁴. В то время как у Боуэра, близкого официальному Эдинбургу, Джеймс Стюарт — опасный политический преступник, которому удалось избежать справедливого наказания со стороны своего дяди⁵.

При регенте Олбани значительная часть земель королевского дома была пожалована лордами из его окружения. Джеймс I потребовал у знати предоставить королевским чиновникам документальные подтверждения их прав на земли, приобретенные за годы регентства Олбани, угрожая конфискациями; а при отсутствии законных документов земля передавалась короне. Большинство шотландской знати в то время проигнорировало распоряжения короля, привыкнув к снисходительному отношению со стороны Олбани⁶.

Известно, что уже в самом начале правления Джеймса вокруг короля круг особо приближенных к нему лиц. Наиболее видными из них были: Александр Стюарт, граф Мар и его сын сэръ Томас Стюарт, Уильям Лодер (William Lauder) — епископ Глазго и канцлер Шотландии, сэръ Уолтер Огилви — казначей, Джон Камерон — куратор Коллегиальной Церкви в

¹ Ibid., II, 503.

² Book of Pluscarden, II, 266.

³ Liber Pluscardensis, II, 282.

⁴ Chr. of Scotland, III, 527–529.

⁵ Chr. Boweri, II, 488.

⁶ Ibid., P. 255.

Линклюдене и личный секретарь Джеймса I, сэр Джон Форестер из Корсторфина — постельничий, сэр Джон Стюарт и другие¹. К сожалению, источники не позволяют сколько-нибудь полно оценить роль «ближнего круга» короля в политической жизни Шотландии того времени. Однако отсутствие громких антикоролевских дел с участием указанных лиц, дает основание предполагать, что на всем протяжении правления Джемса I они оставались ему верными, несмотря на все шотландские политические коллизии той эпохи.

12 марта 1425 г. на заседании парламента Джеймс поддержал поднятый там вопрос о незаконном захвате церковных земель в период регентства Олбани. Инициаторами петиции были церковнослужители. Просьба клириков была всесторонне рассмотрена и удовлетворена. Были подняты старинные дарственные грамоты на изъятые земли, на их основании захваченные земли были возвращены Церкви². Очевидно, что этот акт был продиктован политическим расчетом. Помня о традиционно высоком авторитете Церкви в Шотландии, Джеймс, по понятным причинам, стремился заручиться ее поддержкой.

Как отмечает Пласкарден, в действительности, шотландский король был в достаточной степени терпим в вопросах веры и его не очень волновали теологические споры. Джеймс, в частности, «не говорил ничего против проникшего в Шотландию учения Уиклиффа»³, хотя, вмешательство в этот вопрос от него очень ждала шотландская Церковь⁴. Возможно, в другой ситуации Джеймс не объявил бы гонений на уиклифитов, но «английский опыт» требовал внимательно прислушаться к голосу Церкви — потенциальному союзнику в борьбе с баронской олигархией. Как и Генрих IV в начале XV в., а вслед за ним и Генрих V, Джеймс тоже искал благосклонности Церкви и старался получить ее поддержку. Наблюдая и осмысливая этот опыт, Джеймс не мог не вынести урок — Церковь всегда должна быть верным союзником и опорой.

Король, действуя по «английской схеме» стремился найти опору и среди лэрдов — мелкой и средней знати. Боуэр отмечает, что «многие шотландские дворяне были приближены королем и возведены в рыцари»⁵. Показательно, что, в отличие от своих предшественников,

¹ Book of Pluscarden, II, 280.

² *Tytler P.F.* History of Scotland. Vol. III, P. 189.

³ Book of Pluscarden, II, 238.

⁴ *McKinnon J.* The constitutional history of Scotland from Early Times to the Reformation. L., 1985. P. 92.

⁵ Chr. Boweri, II, 479.

Джеймс назначал в качестве судей и королевских чиновников в графствах не представителей крупных родовитых фамилий, а выходцев из мелкого и среднего дворянства, полностью преданных своему королю¹. Не остались без благосклонности короля и Ливингстоуны, которые проявили особое усердие и дипломатические таланты в переговорах по освобождению Джеймса из английского плена. Король доверил им формирование королевских коллегий в 1425–1428 гг.² Впрочем, как покажут дальнейшие события, королю так и не удалось найти достаточную опору в среде неродовитого дворянства.

Не оставил своим вниманием король Джеймс I и общины шотландских городов. Джеймс своим статутом 1426 г. увеличил количество мест для представителей городов в парламенте и дал городам налоговые послабления³. Стремлением Джеймса заручиться в парламенте поддержкой горожан, в частности, можно объяснить и ряд королевских актов. Джеймс I в 1425–1428 гг. предоставлял шотландским городам значительные торговые привилегии и расширил городские свободы, кроме того, городам снизили налоги. Некоторые города получили монопольные права на торговлю с теми или иными регионами⁴.

Король нуждался в деньгах, а королевская казна долгие годы, еще до возвращения Джеймса, пустовала из-за хищений и налоговых льгот, предоставляемых знати его предшественниками⁵.

Король имел возможность пополнить казну, либо отменив ранее дарованные налоговые льготы, (но тогда это задело бы интересы многих аристократических родов), либо повысив налоги (чего Джеймс делать не мог, дабы не вызвать недовольства, прежде всего у городов, на которых король стремился опереться в своей политике). Третим вариантом, опять же с оглядкой на английскую практику — конфискация состояний и земли неугодных королю лордов и, прежде всего, ближайших родственников.

¹ *Brown M., James I.* P. 126.

² *Chr. of Scotland*, III, 589.

³ *Brown M., James I.* P. 122.

⁴ *Scottish capitalism. Class, State and Nation from before the Union to the Present.* Ed. Dickson, T. L., 1980 P. 49–51; *Wormald J.C. Kirk and Community, 1425–1603 N.Y.*, 1988. P. 26; *Lynch M. The Scottish Medieval town Ed.*, 1988. P. 72; *Linklater Eric. The survival of Scotland. A new history of Scotland from the Roman times to the present day.* N.Y., 1986. P. 134; *Lynch M. The Scottish Medieval town Ed.*, 1988. P. 61.

⁵ *Lynch M. The Scottish Medieval town Ed.*, 1988. P. 86.

Возможно, конфискации, были рассчитаны и на достижение определенного политического эффекта — заставить высшую знать бояться короля, поднять его авторитет ценой таких жестких мер. Шаги в этом направлении органично вплетаются в общую политику короны по ослаблению влияния крупных лордов и формированию королевского домена за счет бывших владений семьи Олбани.

Почти все поступавшие в казну деньги король использовал для преобразований государственного аппарата и для создания боеспособной армии. По словам современников, Джеймс был в восторге от артиллерии и даже пригласил французских пушкарей для обучения артиллерийскому делу шотландцев¹. Несомненно, крепкая и хорошо оснащенная шотландская армия могла быть весомым козырем в отношениях с Англией.

Первым в ряду в ряду дел о конфискации стала история, связанная с графством Бачен. В 1424 г. во Франции, напомним, погиб младший сын герцога Олбани Джон Стюарт граф Бачен², поскольку у графа не осталось прямых наследников, то графство, по распоряжению короля, вошло в состав королевского домена. За владением Бачена, в 1425–1426 гг. последовали графства Файф, Стратэрн и Леннокс, отошедшие королю после казни Олбани и Ленноксов. Напомним, что после казни семьи Олбани Джеймс I получил герцогство Олбани.

В 1427 г. король вернул Майлзу Грэхему — сыну графа Стратэрна, убитого в 1413 г. права на графство Стратэрн³ (по неизвестным нам причинам⁴ Майлз тогда был лишен этих прав и дохода, составлявшего при-

¹ *Tanner R.* The Late Medieval Scottish Parliament...P. 171.

² The Chronicles of Enguerrand de Monstrelet; containing an account of the cruel civil wars between the houses of Orlean and Burgundy. Translated by Johnes Thom-as in 13 Volumes. L., 1810, VI, 97.

³ См. о клане: <http://www.electricscotland.com/webclans/dtog/graham2.html>.

⁴ Здесь важно отметить и родственные связи Грэхемов с Дугласами. Арчибальд Дуглас был женат на Эуфемии Грэхем, сестре Майлза, графа Ментейта и сэра Роберта Грэхема. Сам граф Ментейт после потери родового графства был отправлен в числе заложников за короля в Англию (1427), а точнее — изгнан за поддержку Олбани. Впрочем, все это преподносилось как вполне законная процедура — под видом отправки в Англию взамен умершего шотландского заложника (по соглашению 1424 г.).

Известно, что Дуглас, по просьбе родственников графа Майлза, был намерен вступить в закулисные переговоры с англичанами по поводу его освобождения об условиях обмена или выкупа. Вероятно, информация о планах Дугласа достигла короля и вызвала подозрения, в результате чего последовал приказ короля об аресте графа Дугласа.

мерно 300 фунтов в год¹). Однако несколькими месяцами позже Джеймс I изменил свое решение и снова забрал графство Стратэрн в пользу короны. В качестве компенсации Майлз получил титул графа Ментейт и часть земель этого графства, в то время как большая их часть вместе с замком Дун осталась в руках короля.

Любопытна дальнейшая судьба графства Стратэрн. Формально конфискованное в пользу короля, графство так и не вошло в состав королевского домена. Его передали на правах палатина в пожизненное пользование дяде короля Уолтеру Стюарту, графу Атоллу. Такая щедрость вряд ли была вызвана родственными чувствами. Скорее всего, это была попытка короля наладить отношения с семейством Атоллов, недовольным тем, что сын графа — Дэвид Стюарт был отправлен в числе заложников в Англию. Позднее право наследовать графство-палатинат деда получит внук графа сэра Роберт Стюарт.

Политика конфискаций приносила очевидные плоды. К 1430 г. из пятнадцати имеющихся в Шотландии графств семь — наиболее значимых — вошли в состав королевского домена, та же участь постигла оба герцогства. Известно, что при Олбани королю принадлежало лишь два графства и одно герцогство (доходами от них распоряжался сам регент). Увеличение королевского домена упрочило финансовое положение короля. По данным свитков Казначейства, совокупный доход короля от его владений уже в 1433 г. вырос до суммы не менее 2000 фунтов, в то время как в 1425 г. он составлял около 800 фунтов².

Политика короля в середине 1420-х гг. привела к активному противодействию со стороны знати, заставляя её объединяться вокруг оппозиционно настроенных лидеров. Отношения короля с семейством Олбани, очевидно, повлияли на рост напряжённости в отношениях между короной и крупными шотландскими магнатами. Уже в начале 1427 г. король, очевидно, осознал, что знать не поддерживает взятый им политический курс, и принял решение править, не считаясь политическим авторитетом крупных лордов. По выражению М Брауна, «даже Дугласы не могли быть уверены в том, что король прислушается к их голосу»³.

В то же время, Джеймс, очевидно, ожидал мятежа со стороны своих лордов. Пытаясь каким-то образом обеспечить будущиe легитимные права пребывания в стране для своей супруги в случае своей внезапной смерти, Джеймс I в начале 1428 г. привёл шотландскую знать к

¹ *Donaldson G.* The Edinburgh History of Scotland. Ed., 1976. Vol. II. P. 175.

² *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 319.

³ *Brown M., James I.* P. 130.

присяге на верность королеве Джоанне. Спустя некоторое время, в период мятежей горцев в начале 1430х гг, король повторит присягу королеве¹.

В политические планы короля Джеймса I входило также установление контроля над Хайлендом, в это время практически не подчиненном центральной власти и, находившемуся, по образному выражению П.Ф. Титлера, на «вершине своей грубости и невежества»². Политические взгляды Джеймса, сформировавшиеся в Англии, едва ли допускали существование в *его* королевстве автономных территорий. Если для его предшественников сепаратизм Хайленда был привычен и, вероятно, более или менее, приемлем, то для Джеймса он являлся проблемой, требующей скорейшего решения.

В начале 1427 г. король объявил об очередном созыве парламента в Инвернесе (Центральный Хайленд). Королевский гонец, посланный в Хайленд, чтобы призвать на парламент в Инвернесе Джона Мора -влиятельного лорда из клана Сомерледов, вместо передачи лорду приглашения «случайно» его убивает. При этом *никто* из северных вождей не посмел обвинить короля в этом убийстве. Хронист клана Макдональдов так процитировал короля, обратившегося к убийце, который, к слову сказать, так и не был наказан за преступление: «I bade ye bring him till me, but forbade ye him to slay» (Я велел доставить его ко мне, но запрещал его убивать)³.

На первом же заседании парламента по приказу короля арестовали ряд северошотландских лордов. В их число попали Алистер (Александр) Сомерлед, третий лорд Островов, владелец графства Росс (Master of earldom of Ross). Вместе с лордом Александром Сомерледом были арестованы мать лорда Мария Лесли, графиня Росс и Энгус Дафф (Angus Duff) с четырьмя своими сыновьями (о нём говорили, что он мог выставить в поле 4000 воинов), родственники и вассалы Сомерледов — общим числом 40 человек⁴.

Семейство Сомерледов привлекло особое внимание короля, поскольку на протяжении столетий оно контролировало Хайленд и северные острова. Напомним, что поднявший против Эдинбурга в 1411 г. мятеж лорд Дональд, был главой именно клана Сомерледов. Эта семья была

¹ *Dickenson W.C.* Scotland from the earliest times to 1603. Oxford, 1977. P. 266.

² *Tytler P.F.* History of Scotland. Vol. III, P. 213.

³ *Lang A.* A History of Scotland. Vol. I, P. 304.

⁴ *Liber Pluscardensis*, II, 282.

наиболее активна в укреплении контактов с официальным Лондоном и, будучи фактическим союзником английской короны и проводником ее интересов на севере Шотландии, представляла несомненную угрозу устремлениям Эдинбурга установить свою власть в Хайленде. Английская же сторона, умело направляя и, в какой-то мере, контролируя ситуацию на севере Шотландии, была заинтересована в союзе с Сомерледами. Почти всякий раз, когда в этом регионе возникали конфликты, их неперенными участниками были подстрекаемые английской стороной сепаратисты из Хайленда. Тот же лорд Дональд Сомерлед для координации с англичанами своих выступлений, напомним, имел подписанную Генрихом IV охранную грамоту, позволявшую ему беспрепятственно пересекать английскую границу для переговоров¹.

Сына и наследника лорда Дональда, который после сражения при Харлоу вернулся в Хайленд, звали Александр Сомерлед. Став лордом он в 1420-е гг. поддерживал тесные отношения с королём Дании, Норвегии и Швеции Эриком, налаженные еще в правление первого регента Олбани. Очевидно, он хотел с помощью интриги вернуть свои земли, находившиеся на северо-востоке Хайленда, обратно под протекторат Норвегии, как это было до второй половины XIII в.² Однако норвежский король Эрик не заинтересовался этим проектом. Известно, что норвежский монарх вел в это время параллельные переговоры как с Сомерледами, так и с Джеймсом³. Конечной же целью Эрика было не обострение отношений со своим западным соседом, а заключение взаимовыгодного для обоих королевств договора.

Финалом этой интриги стали шотландско-норвежские переговоры 29 июня 1426 г. в Бергене. Там было достигнуто соглашение, по которому норвежский монарх отказывался от любых возможных переговоров с хайлендерами о территориальном статусе Внешних шотландских островов. Джеймс I обаялся, со своей стороны, регулярно, без проволочек вносить в казну Норвегии за эти территории ежегодные платежи, до той поры выплачиваемые крайне нерегулярно⁴.

Возможно, что именно переговоры лорда Александра с норвежцами стали решающей причиной начала гонений на Сомерледов. В любом слу-

¹ *Lang A.* A History of Scotland. Vol. I, P. 292.

² В 1098 г. шотландский король Эдгар от имени Шотландии отказался от всяких притязаний на Шетландские, Оркнейские и Гебридские острова, а также на острова в заливе Ферт-оф-Ферт и остров Мэн в пользу Норвегии и ситуация сохранялась вплоть до середины XIII в.

³ *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 315.

⁴ *Ibid.*, P. 315.

чае аресты родственников короля — Сомерледов вполне вписываются в политику Джеймса, боровшегося со своей ближайшей и вместе с тем политически непокорной родней (лорд Островов приходился Джеймсу двоюродным дядей)¹.

На заседании парламента король обвинил хайлендских вождей в том, что они воспользовались его отсутствием и подняли мятеж против королевской васси и верных подданных. Тех из них, чья вина была признана очевидной, тут же казнили, остальных же (к сожалению, источник не указывает их имена) поместили под стражу в ожидании дальнейшего решения короля². Как пишет Пласкарден: «этот парламент заставил горцев убояться короля»³. Остальных же привели снова к присяге на верность Джеймсу I.

Что показательно, после приведения к присяге часть хайлендских лордов получила от короля не только должности, но и земли в Хайленде, которые после казней стали выморочными или перешли к короне. Наиболее известными среди них были графы Мар и Кейтнесс, влияние которых, по словам хронистов, на Северо-востоке Хайленда было велико⁴. Перераспределяя выморочные земли среди лояльных местных вождей, король нарушал сложившуюся практику, когда за счет конфискованных земель пополнялась казна. Когда дело шло о Хайленде, Джеймс, вероятно, был заинтересован не столько в доходах казны, сколько в приобретении новых сторонников из числа влиятельных хайлендеров.

Что касается главы клана Сомерледов, то лорд Александр «в том же 1427 году получил королевское помилование и был освобожден из-под стражи»⁵. Едва ли тут сыграли роль родственные чувства, похоже, Джеймс предпочел лишить своего своевольного родственника возможности стать символом борьбы с Эдинбургом и попытаться сделать его своим сторонником. Однако, как свидетельствуют «Хроники Шотландии», лорд Александр поддался влиянию своего окружения, внушавшего ему мысль, что король должен держать ответ за убийство Джона Мора⁶, а также, что в этой мести он будет поддержан многими северными кланами Хайленда.

¹ Chr. Boweri, II, 504.

² Chr. of Scotland, III, 543.

³ Liber Pluscardensis, II, 283.

⁴ Chr. of Scotland, III, 530.

⁵ Chr. Boweri, II, 504.

⁶ Chr. Of Scotland, III, 532.

Дождавшись возвращения короля в Лоулэнд, всё в том же 1427 г. Сомерлед, собрав своих вассалов, стал организовывать нападения на владения лордов — сторонников Джеймса. Общую численность войска, собранного во владениях Александра, хронист оценивает в 10 000 человек¹ (цифра, несомненно, завышенная). Затем все это воинство выступило в Лоулэнд. Вероятно Александр полагал, что ситуация будет разворачиваться по сценарию 1411 г., но с более благоприятным, чем тогда, исходом². Однако страх, внушенный королем на последнем парламенте, внес существенные коррективы в поведение союзников лорда Островов. Когда армия Сомерледов была встречена королевскими войсками, а на утро должно было произойти сражение, многие бароны Хайленда «с наступлением темноты оставили лагерь лорда Александра»³, чтобы перебежать к королю и молить его о прощении. Среди отступников, в частности, фигурируют кланы Камеронов и Чаттанов⁴.

На утро, обнаружив бегство многих лордов со своими отрядами, советники лорда Александра стали уговаривать его отправить к королю послов с просьбой о мире⁵. Однако Джеймс предложения Сомерледа о переговорах отверг, объявив того вне закона⁶. Решение короля давало право преследовать лорда Александра в любом уголке королевства, как простого беглого преступника, невзирая на его происхождение. Едва начавшийся мятеж горцев в 1427 г. был пресечен, а сам Александр Сомерлед был вынужден скрываться. Мятежи в Хайленде после этих событий практически прекратились до 1431 г.⁷

Спустя несколько месяцев Сомерлед тайком пробрался в Эдинбург, где в Холирудской церкви во время какого-то праздника, «предстал перед королем коленопреклоненным с обнаженным мечом в руке, прося у короля прощения»⁸. Джеймсом прощение было даровано, но лорд Александр был заточён в Тантоллонский замок под надзор графа Энгуса. Мать Александра, графиня Росс, также была отправлена в заточение, но в аббатства Инкольм, расположенное на острове в проливе Ферт-оф-

¹ Ibid., III, 532–534.

² *Bingham Caroline*. The Stuart Kingdom of Scotland, 1371–1603. N.Y., 1975. P. 138.

³ Chr. Pluscardensis, II, 285.

⁴ Ibid., II, 285.

⁵ Chr. Boweri, II, 511.

⁶ Ibid., II, 511.

⁷ *Dickenson W.C.* Scotland from the earliest times to 1603. Oxford, 1977. P. 170.

⁸ Chr. Pluscardensis, II, 287.

Форт. Уже спустя год после этих событий оба пленника были освобождены и восстановлены в своих правах¹.

У. Дикенсон, со ссылкой на шотландские хроники, отмечает, что, не дав горцам вторгнуться в Лоуленд, король приобрел определенную популярность — «правда, на весьма короткий срок» среди местного населения, особенно у тех, кто страдал от регулярных набегов хайлендеров².

В самом Хайленде после событий 1427 г. вся реальная власть оказалась у корлевого наместника — Александра Стюарта, графа Мара. Как пишет М. Браун, граф Мар стал «реальным противовесом лорду Островов и, вместе с тем, самым крупным землевладельцем в Хайленде»³. Он был женат на наследнице графов Баченов и Мори; а графство Росс досталось ему по традиции, как наместнику в этой части королевства. Вероятно, не лишены основания слова М Брауна о том, что «было ясно, что политическое влияние короны в Хайленде погибнет вместе с графом Маром»⁴, поскольку влияние прокоролевских сил в регионе часто, хотя и не во всем, строилась на авторитете и родственных связях самого графа Мара.

Покончив с делами в Хайленде и, вернувшись в Эдинбург, в начале 1428 г. король организовал расследование возникновения заговора и произвёл новые аресты. Среди лордов Лоуленда, арестованных по подозрению, оказались племянники короля: Арчибальд Дуглас, пятый граф Дуглас и сэр Джеймс Кеннеди из Кассиллиса. Надо полагать, что последующее за этим арестом бегство Кеннеди из-под стражи указывает на его причастность к заговору против короны — по крайней мере, так трактует этот побег хронист Боуэр⁵.

Несмотря на известные успехи Джеймса в деле покорения Хайленда, королю так и не удается обуздать рост недовольства его политикой в Лоуленде. В 1428 г. проявило себя охлаждение отношений между парламентом и королем: король стал созывать парламент крайне нерегулярно⁶. Ни хроники, ни документальные источники не дают оснований полагать, что те или иные начинания Джеймса получали сколько-нибудь широкую поддержку у представителей сословий. Так, по словам Пласкардена, на заседании парламента весной 1429 г. одно

¹ *Tyutler P.F.* History of Scotland. Vol. III, P. 219.

² *Dickenson, W.C.* Scotland from the earliest times. P. 170.

³ *Brown M., James I.* P. 147.

⁴ *Ibid.*, P. 148.

⁵ *Chr. Boweri*, II, 490.

⁶ *Bingham Caroline.* The Stuart Kingdom of Scotland. P. 144.

из предложений короля, хотя и было принято, но реакцией на него в парламенте было молчание¹.

Черные Дугласы по праву сами себя считали самой значительной силой в Шотландии: их владения, превышали по размерам королевский домен, они могли выставить вдвое больше войска по сравнению с армией, которой располагал Джеймс². Дугласы не раз игнорировали или даже оскорбляли своих королей. Но при этом они, как гласит традиция, никогда не помышляли занять их место³. Сам Роберт Олбани относился к графам несколько настороженно, поскольку видел в них реальную помеху в борьбе за шотландский трон. Несмотря на близкие отношения с Олбани, граф Дуглас поддерживал не менее тесные связи с принцем в плену и, поэтому, в какой-то мере, мог рассматриваться как гарант прав Джеймса Стюарта на престол. Длительные связи с Олбани, тем не менее, предопределили настороженность Джеймса по отношению к Дугласам и те, очевидно, не рассчитывая на милость короля, активно формировали свой лагерь, вербуя сторонников из числа крупной знати.

Между тем, внутривполитические проблемы не затмили собой важность внешнеполитических факторов для политики Джеймса. В отличие от состояния дел на англо-шотландском пограничье, где ситуация фактически не изменилась — традиционные набеги на сопредельные территории активно продолжались, положение дел во Франции поменялось существенным образом и, вместе с этим, активизировались франко-шотландские контакты.

Весной 1428 г. дофин Карл отправил в Шотландию представительное посольство во главе с Рено Шартрским, архиепископом Реймским. В составе французской делегации находился командующий шотландским корпусом дофина сэра Джон Стюарт из Дарнли, потерявший во Франции глаз, но приобретший там земли и королевскую лилию на своем родовом гербе за верную службу. Цель посольства состояла в том, чтобы добиться возобновления военной помощи Шотландии в войне против Англии.

Джеймс I встретил делегацию с большим почётом, и вскоре был подписан предварительный договор, ознаменовавший возрождение активных отношений между двумя королевствами, которые были фактически приостановлены на протяжении четырех лет. В договоре

¹ Liber Pluscardensis, II, 288.

² *Fry Peter and Fiona*. History of Scotland. P. 95.

³ *Ibid.*, P. 96.

шла речь о браке дочери Джеймса I и сына дофина Карла Людовика. В договоре наряду с «брачным блоком», был и внешнеполитический. Карл передал Джеймсу права на графство Сентонж (Saintonge). В случае предоставления корпуса, дофин также обязался позже предоставить взамен графства Сентонж, графство Эвро или даже Бурже¹. Таким образом, в дальнейшем шотландские короли могли держать от французской короны земли во Франции, как это делали англичане, владея Гасконью.

Майкл Браун, комментируя содержание договора, утверждает что: «правящая линия Стюартов очень нуждалась в закреплении династических связей с высокими европейскими домами... Французы же, со своей стороны, смогли договориться о получении помощи из Шотландии в виде шеститысячного корпуса»².

К сожалению, мы не располагаем текстом этого договора и поэтому, говоря о франко-шотландских переговорах 1428 г., можем опираться только на существующую литературу, включая сюда краткое упоминание Бьюкенена об этих переговорах. Но важно то, что вопреки англо-шотландскому договору 1424 г., король Джеймс, как сообщает Бьюкенен, обещал *рассмотреть* вопрос о предоставлении помощи, правда в итоге, шотландский корпус во Францию так и не был отправлен³.

Начиная с 1429 г. военно-политическая обстановка во Франции стала меняться в пользу дофина: французы стали постепенно теснить англичан⁴. Англичан беспокоило возможное укрепление позиций дофина за счет подкреплений из Шотландии, и Лондон, как мог, препятствовал упрочнению франко-шотландских отношений.

Пласкарден повествует, что летом 1433 г. англичане пообещали вернуть Шотландии все захваченные в XIV в. Южном Лоуленде земли, города и крепости⁵, прежде всего, конечно, города Бервик и Роксбург. Взамен они добивались расторжения помолвки французского дофина с дочерью шотландского короля и отказа Шотландии от союза с Францией. Помимо прочего, англичане предлагали выдать замуж старшую дочь Джеймса I принцессу Маргариту, за двенадцатилетнего

¹ *Macdougall N.* An Antidote to the English. P. 79.

² *Brown M., James I.* P. 110.

³ *Buchanan G.* P. 341.

⁴ *Seward D.* The Hundred Years war. P. 192.

⁵ *Rotuli Scotiae II.* P. 402, 405; *Fowler K.* The Age of Plantagenet and Valois (The Struggle for Supremacy 1328–1498) L., 1967 P. 168; *Griffiths R.* The reign of King Henry VI: the exercise of royal authority, 1422–1461. L., 1981. P. 552.

Генриха VI¹. В случае выполнения всех этих условий, Лондон обещал Джеймсу I «иметь тех же друзей и врагов, что и шотландцы»².

Как отмечает хронист, это предложение вызвало споры среди шотландской знати. В конце 1433 г. на заседании королевского совета в Блэкфрайарс в Перте в течение двух дней шли жаркие дебаты, графы Атолл и Мори полагали, что следует поступиться традиционным союзом в обмен на исконно шотландские земли. Группировка во главе с графами Дугласом и Энгусом называла первых предателями, полагая, что с помощью и поддержкой «старого союзника» они и так вернут своё.³ Позиция самого Джеймса не была однозначной. Во всяком случае, историки здесь расходятся во мнениях.

По словам Дж. Маккиннона, король Джеймс, скорее всего, склонялся к сохранению франко-шотландского альянса, рассчитывая в дальнейшем еще более укрепить связи между двумя королевствами⁴. М. Браун, утверждает, что на самом деле, шотландский монарх стремился использовать союз с Францией лишь «как предмет сделки» для построения политически выгодных для Шотландии отношений с Англией и Францией⁵. Н. Макдугалл и вовсе полагает, что король был просто в сильном замешательстве от необходимости выбора между англичанами и французами: «в течение нескольких лет в 1430х гг. Джеймс I находился в замешательстве от необходимости выбора между «Старым союзом» и новым, предложенным англичанами»⁶.

Как бы то ни было, король и королевский совет в итоге решили, что «король должен с честью выполнять дипломатические обязательства по отношению к Франции»⁷. Очевидно, что это заставило английскую дипломатию вновь обратиться к активной поддержке хайлендских сепаратистов, что, впрочем, англичане не переставали делать все предшествующие годы.

Ситуация в Хайленде, похоже, снова начала накаляться еще в начале 1431 г. Косвенно об этом свидетельствуют дебаты относительно похода 30 января 1431 г. на специально созванном заседании парламента.

¹ Liber Pluscardensis II, 285.

² Ibid., II, 286.

³ Ibid., II, 286–287.

⁴ *McKinnon J.* The constitutional history of Scotland from Early Times to the Reformation. L., 1985 P. 98.

⁵ *Brown M., James I.* P. 111.

⁶ *Macdougall N.* An Antidote to the English. P. 79.

⁷ Chr. Boweri, II, 513.

Вероятно, сказалось возобновление деятельности английских агентов в Хайленде. Большая, «лоулендерская» часть парламентариев, с большим воодушевлением встретила идею о наведении порядка в Хайленде, демонстрируя королю «самую широкую поддержку» в этом вопросе¹. При этом Епископы Росса, Мори, Сент-Эндрюса, Аргайла и Островов (сводный брат лорда Александра Сомерледа) — влиятельные представители Хайленда так и не присутствовали на заседании парламента, на котором принимали решения о походе в горы².

Открытый мятеж в Хайленде разразился летом 1431 г. На этот раз во главе мятежников-горцев встал Дональд Боллок, сын убитого ранее Джона Мора и кузен лорда Островов. Он собрал своих вассалов на Гебридских островах и отправился в местечко Локхабер (Центральный Хайленд), где находилась резиденция Алана Стюарта, графа Кейтнесса — сторонника и родственника короля Джеймса I, предав опустошению всю округу.

Объединенные войска графа Мара попытались оказать сопротивление Баллоку. Однако, хотя, они и превосходили островитян по численности и дисциплине, яростная атака Дональда на боевые порядки Стюарта заставила королевское войско дрогнуть и обратиться в бегство³. Граф Алан — помощник наместника — вместе с шестнадцатью сопровождавшими его дворянами погибли, граф Мар отступил, едва сумев спасти остатки своих войск от окончательного разгрома. Дональд и его войска не стали преследовать остатки королевской армии, а просто увезли с собой столько добычи, сколько смогли унести, погрузились на корабли и отправились в Ирландию.

В Ирландии мятежный Сомерлед был убит ирландцем О'Донейлом. И тот (то ли по договоренности с Джеймсом, то ли по своей инициативе) отправил голову Дональда в Эдинбург⁴.

Как и в деле с лордом Островов, ответные меры на события в Хайленде со стороны короля были весьма показательны. Джеймс I, создав в Лоуленде всех своих баронов для похода на север, собрал в итоге внушительное войско, хотя, лоулендская знать далеко не вся поддерживала

¹ *Tanner R.* The Late Medieval Scottish Parliament. P. 49.

² *Ibid.*, P. 49–50.

³ *Chr. of Scotland*, III, 531.

⁴ *Ibid.*, III, 533:

«This Odoneill syne efter on ane da...

Fechtand in field that same Donald he slew.

...Thairfoir his heid onto the king he send.»

своего короля. Граф Дуглас и лорд Кеннеди, отказавшиеся участвовать в походе, были незадолго до выступления в Данстаффинх отправлены под арест в замки Лохлевен и Стирлинг и, таким образом, нейтрализованы¹. Из крупных лордов короля Джеймса I в Хайленд сопровождали графы Энгус и Кроуфорд², бароны Александр Сетон из Гордона и Уолтер Хэлибёртон из Дёрлитона³.

По пути в предгорьях Хайленда, Джеймс вел разбирательства, связанные с неуплатой налогов с владений, достаточно удаленных от Эдинбурга и долгое время ничего не плативших в казну.

Уже в Хайленде на подходе к Данстаффинх, его встретила большая группа местной знати. Они были напуганы предстоящими расправами и желали переложить всю ответственность за волнения в этом регионе королевства на Дональда Баллока. Всего в Хайленде за участие в мятеже Дональда Баллока были казнены около трехсот его сторонников, которые, на взгляд властей, были уличены в участии в походах, возглавлявшихся мятежным Сомерледом.⁴ Возможно, цифра и масштаб содеянного королем несколько преувеличены, однако, то, что король жестко карал мятежников едва ли можно ставить под сомнение.

Джеймс, стремясь укрепить свои позиции, пошел на сближение с некоторыми представителями крупной знати. В 1431 г. граф Дуглас вновь получил пост блюстителя Западных Марок Шотландии. Однако политика «примирения», похоже, была очень избирательной и мир король предлагал далеко не всем. Так в конце 1434 г. — спустя десять лет после своего воцарения — король Джеймс отказался признать законность владения семьей Данбаров титулом и графством Шотландской Марки. Для лишения прав на графство король организовал специальный суд.

Ответчиком от семейства Данбаров в королевском суде стал сын Джорджа Данбара. Напомним, что в 1400 г. король Роберт III лишил последнего титула, но затем, при поддержке Олбани, графа Данбара восстановили в правах в 1409 г. Джеймс I объявил реституцию Данбаров незаконной, поскольку Олбани не имел необходимых для этого полно-

¹ *Tanner R.* The Late Medieval Scottish Parliament... P. 49.

² Интересно отметить, что, как правило, Красные и Черные Дугласы оказывались в разных ситуациях по разные стороны баррикад. Вот и в этом походе глава Черных Дугласов оказался в заточении в крепости, а глава Красных Дугласов граф Энгус — в свите короля.

³ *Registrum Magni Sigilli Regnum Scotorum.* // Ed. by J. M. Thompson. Ed., 1882–1914, II, 127.

⁴ *Chr. of Scotland*, III, 532.

мочий. И хотя граф получил право защищать свои права в суде пэров, шотландскому хронисту Пласкардену заранее «было ясно, какое решение примет суд»¹. В январе 1435 г. на заседании парламента в Перте было вынесено решение о конфискации графства Шотландской Марки. Семейство Данбаров, ведшее свое происхождение от кельтских и нортумбрийских королей и владевшее этим графством с начала XII в., потеряло его навсегда².

Несколькими месяцами спустя, шотландский монарх приобщил к своим владениям ставшие выморочными графства Мар и Гэриох, которые ранее принадлежали его кузену — бастарду Александру Стюарту, графу Мару. Последнее приобретение короля было вполне легально, поскольку Джеймс был самым близким родственником графа, который оставался бездетным. К королевскому домену отошли обширные земли в Лоуленде (частично пограничные, частично на севере страны).

В 1429 г. в Англии умер сын графа Атоллы, бывший, как говорилось ранее, в числе заложников за Джеймса. Это обстоятельство, похоже, подстегнуло дядю короля к организации антикоролевского заговора. В этом он нашёл поддержку среди шотландских аристократов. Нам представляется справедливым мнение, что многими представителями шотландской знати, долго живший в Англии король Джеймс воспринимался, как носитель чуждых Шотландии порядков и традиций³. Такое отношение к Джеймсу сформировалось в период его царствования, хотя, напомним, в то время, когда король находился в английском плену, те же бароны требовали его возвращения на родину.

Важную роль в деле формировании антикоролевской оппозиции играл сэр Роберт Грэхем. Еще осенью 1424 г. на одном из заседаний парламента он выступил с речью, в которой обвинил короля в злоупотреблениях своими правами. В начале 1425 г. до короля дошли слова Роберта Грэхема, говорившего, что он должен «освободить Шотландию от короля-тирана», имея в виду Джеймса⁴. Сэр Роберт был тогда арестован, обвинен в измене и помещен под стражу в замок Данбар, из которого он либо бежал, либо был освобождён — точно не установлено — в том же 1425 г⁵. Он исчез на несколько лет из Шотландии. Сведения о возвращении сэра Роберта Грэхема относятся к 1430 г.

¹ Book of Pluscarden, II, 287.

² CP, Vol. II, P. 234.

³ Brown M., James I. P. 111.

⁴ Book of Pluscarden, II, 274.

⁵ Chr. Boweri, II. P. 489–491.

Рождение у короля двух сыновей-двойняшек в 1430 г. сразу решило вопрос о престолонаследии. До той поры у Джеймса рождались только дочери, что ставило под угрозу судьбу правящей династии. По акту 1373 г. шотландский трон могли наследовать лишь мужчины. Существовала реальная возможность перехода короны к другой линии Стюартов. Падение герцогов Олбани приблизило семейство Атоллов настолько близко к трону, что вплоть до рождения у Джеймса сыновей, они были первыми среди претендентов на корону и скипетр. Оставшийся в живых сын и наследник Мердока Олбани, находившийся где-то в Ирландии, был лишен всех прав наследования. Очевидно, граф Атолл — ближайший претендент на корону — не желал отказаться от своих притязаний на трон. Однако рождение у короля сыновей, заставило его всерьез задуматься о государственном перевороте. Вполне вероятно, что не случайно в это же время в Шотландии из Англии вновь прибыл сэр Роберт Грэхем, весьма приближенный к графу Атоллу человек. Неуступчивая позиция шотландского короля в континентальных делах, его нежелание прислушиваться к мнению Лондона могли спровоцировать англичан на закулисные действия против Джеймса, вплоть до организации или стимулирования заговора оппозиционной шотландской знати.

Пласкарден прямо указывает на то, что именно по инициативе графа Атолла был организован заговор, а его непосредственным осуществлением занялся сэр Роберт Грэхем¹. Вместе с ним заговорщики собирались проникнуть в спальню короля и убить его, а смерть короля должна была повлечь за собой лишение прав на трон наследного принца Джеймса.

Надо сказать, что притязания Атолла на шотландскую корону были беспочвенны. У Роберта II (1371–1388) было три сына от любовницы, в то же время он имел двух сыновей от первой жены Эуфемии: Уолтера графа Атолла и Дэвида графа Стратэрна. Когда королева Эуфемия скончалась, Роберт II сочетался законным браком со своей любовницей Элизабет Мьюр, признав и легитимизировав сыновей, с нею прижитых. Более того, чувства короля ко второй супруге были, вероятно, столь сильны, что дети от второго брака получили преимущество по сравнению с детьми от первого. Старшего сына от Элизабет он сделал Наследником, второму и третьему сыну — пожаловал графства² (в 1398 г., напомним, они получили титулы герцогов Олбани и Ротси, соответственно).

¹ Book of Pluscarden, II, 271.

² Linklater, Eric The survival of Scotland. A new history of Scotland from the Roman times to the present day. N.Y., 1986. P. 156.

Если считать, что потомки Роберта II и Елизаветы Мьюр, второй жены короля были незаконнорожденными, то Роберт III не имел права на престол, и его сын Джеймс тоже оказывался узурпатором. Легитимным же наследником был бы граф Атолл, старший сын короля Роберта II Стюарта от первого брака¹. Кроме того, напомним, что именно с Роберта III пошла практика наследования короны от отца к сыну, а до того шотландские короли избирались советом лордов среди наиболее значимых и влиятельных шотландских родов². Итак, дела с наследованием трона обстояли следующим образом. До рождения сыновей у Джеймса — официальным наследником шотландского трона являлся Уолтер Стюарт, граф Атолл. После появления на свет принцев, граф мог претендовать на первородство, только объявляя Джеймса узурпатором трона.

Заговор был осуществлен в ночь на 21 февраля 1437 г. в обители доминиканского мужского монастыря Блэкфраерс в графстве Перт, где король остановился на ночь, во время своего ежегодного объезда Шотландии. Восемь заговорщиков, включая сэра Роберта Стюарта (племянника графа Атоллы), братьев Томаса и Джона Чамберов, тесно связанных с домом Олбани (хронист называет их «сквайры герцогского Дома Олбани»³), а также сэра Роберта Грэхема — дяди изгнанного графа Ментейта — в четыре часа утра проникли в королевскую опочивальню.

Первым, кто был убит на их пути, был паж короля Уолтер Стрэйтон, который, согласно Боуэру, был послан Джеймсом, находившимся в этот момент с королевой и придворными дамами, чтобы «принести больше вина»⁴. Боэций в своих «Хрониках Шотландии» спустя почти столетие после Боуэра пишет уже о том, что «Уолтер Стрэйтон погиб, защищая дверь в королевские покои»⁵.

По версии Боуэра, король мог бы избежать смерти от рук заговорщиков, если бы воспользовался проходом, ведущим из королевских покоев в зал, где он и его придворные обычно играли в мяч. Но на свою беду несколькими днями ранее Джеймс приказал забить ход досками, так как в спальню из игрового зала часто влетали мячи⁶.

¹ См. Приложение № 3.

² *Tytler P.F. History of Scotland. Vol. II, P.277.*

³ *Liber Pluscardensis, XI, Ch. 9, 10.*

⁴ *Chr. Boweri, II, 504.*

⁵ *Chr. of Scotland, III, 566–567.*

⁶ *Chr. Boweri, II, 504.*

По другой версии, отраженной в своде хроник Шотландии, — опасаясь за свою жизнь, перед той роковой ночью, Джеймс приказал заколотить тайный ход из комнаты, поэтому, когда он проснулся от бряцания оружия заговорщиков, он не смог убежать и был убит после «яростной схватки»¹. В «хрониках Шотландии» мы встречаем красочное описание последнего сражения короля со своими убийцами и его трагической гибели. Как пишет хронист «имея шестнадцать смертельных ран в груди, король попросил Роберта Грэхема привести ему исповедника, на что тот ему сказал в ответ, что он не увидит никакого другого исповедника, кроме его меча и пронзил его тело насквозь»².

Примечательным в этой драме является то обстоятельство, что единственным, кто попытался хоть как-то помешать убийцам короля скрыться с места преступления, пустившись за ними в погоню, был сэр Дэвид Данбар из Кокбёрна, брат последнего носителя титула графа Шотландской Марки — Джорджа Данбара³.

О смерти шотландского короля английские хронисты пишут крайне мало, как правило, лишь констатируя гибель Джеймса от рук заговорщиков: «в том же году [1437 г. — *С.И.*] в Шотландии был убит король Джеймс»⁴, не давая по сути оценки произошедшему событию. Остается неясным вопрос, имелись ли прямые связи между готовившими заговор графом Атоллом и Лондоном. Функцию связного вполне мог выполнять сэр Роберт Грэхем, нашедший убежище в Англии в годы своей вынужденной эмиграции после 1425 г. и, вряд ли порвавший отношения со своими шотландскими родственниками.

Англичане, как известно, всегда были заинтересованы в дестабилизации положения в сопредельном королевстве, и шотландцы об этом хорошо знали. Тем не менее, ни в английских, ни шотландских хрониках мы не обнаружили каких-либо упоминаний о возможном участии Англии в заговоре.

---

¹ Chr. of Scotland, III, 566–567.

² Chr. of Scotland, III, 566–567.

³ Ibid., III, 566-7; Chr. Pluscardensis, II, 283.

⁴ Hall's Chronicle containing the History of England during the reign of Henry IV and Succeeding Monarchs. L., 1809 P. 73; см. также: John Benet's chronicle for the years 1400 to 1462 / Ed. L. Harris etc. // Camden Miscellany L., 1972. Vol. XXIV. P. 42.

§ 3. От затишья на англо-шотландской границе к новой «пограничной войне»

Старый граф Уолтер Атолл и его сторонники рассчитывали, что со смертью Джеймса I, корона перейдет к нему. Атолл, как уже говорилось, принадлежал к старшей линии королевского дома и поэтому, основываясь на традициях страны, он мог вполне претендовать на трон после смерти «узурпатора» — Джеймса. Однако эти расчеты не оправдались. Многие лорды и, прежде всего, Черные Дугласы не желали видеть графа Атолла на троне. Королева Джоанна примкнула к ним, обеспечив победу этому лагерю.

Судя по всему, сама королева, мать наследника трона, не могла претендовать на реальную власть. Никто в королевстве не рассматривали ее, англичанку по рождению, даже в качестве регентши. Только две, более или менее весомые политические фигуры: Уильям, граф Оркни и сэр Уильям Кричтон поддерживали королеву, но они все же не относились к числу самых влиятельных особ¹.

Для характеристики ситуации 1437 г. и последующих политических поворотов в царствование Джеймса II важно отметить, что, находясь в Эдинбурге, и, опасаясь за свою личную безопасность, Джоанна предпочла обратиться к главе Красных Дугласов — графу Энгусу. Сама королева при жизни супруга и, тем более, после его смерти не была заинтересована в афишировании своих английских связей. Сохранившаяся английская переписка Джоанны носила сугубо частный характер. Должно быть, королева осознавала, что любое подозрение её в политических сношениях с Лондоном может негативно сказаться не только на ней, но и на ее сыне. В сложившейся политической ситуации Джоанна старалась, как можно реже напоминать окружению о своем английском происхождении. Осознавая шаткость своего положения, она, похоже, решила поддержать Черных Дугласов, которые реально обладали возможностями покарать убийц ее супруга, гарантировать права ее сына на трон, а ей самой обеспечить достойное место подле наследника. Таким образом, давние еще при подготовке брака с Джеймсом I планы английской дипломатии использовать Джоанну в интересах Лондона не увенчались успехом.

Опираясь на Черных Дугласов, Джоанна обеспечила им лидерство в регентском совете, а те не преминули воспользоваться благоприятной ситуацией для сведения счетов со своими давними политическими

¹ *Brown M., James I. P. 195.*

противниками. Лидер заговорщиков сэр Роберт Грэхем, скрывавшийся во владениях графа Атолла в Блейэр Атолле (Blair Athall), был схвачен Джоном Стюартом из Гарта и Робертом Данкансаном и препровожден в Эдинбург, где и был обезглавлен¹. Сам Атолл в конце марта 1437 г. был арестован графом Энгусом и доставлен в Эдинбург, где должны были решить его судьбу. Арест старого графа положил конец открытой угрозе трону.

В свою очередь, Джоанна попыталась укрепить собственные позиции. Первым шагом в этом направлении стала коронация ее сына 26 марта 1437 г. в Истере в аббатстве Холируд, а не в традиционной Сконе у Перта, где, по мнению ее окружения, находится королеве было все еще рискованно. В день коронации собрался шотландский парламент, которому надлежало решить судьбу графа Атолла. Вина графа в участии в заговоре была признана и парламент вынес ему смертный приговор: в ночь с 26 на 27 марта 1437 г., короновав Атолла бумажной короной, его обезглавили, хотя, до самого последнего момента граф Атолл пытался доказывать свою непричастность к убийству².

После всех этих событий в апреле 1437 г. регентом Шотландии при малолетнем Джеймсе II был назначен Арчибальд Дуглас, пятый граф Дуглас. Напомним, что этот граф Дуглас уже фигурировал в первом параграфе данной главы работы в качестве носителя титула графа Уигтауна, возглавлявшего шотландцев на службе дофина Карла в 1421–1423 гг., и получившего в награду титул графа Лонгвиля.

Однако было бы неверным считать, что коронация Джеймса II и назначение регентом главы семейства Чёрных Дугласов положили конец политическим раздорам в среде шотландской знати, углубившимся после убийства короля. За власть в стране продолжали бороться как уже укрепившие свои позиции Чёрные Дугласы, так и другие семьи, прежде всего, Кричтоны и Ливингстоуны.

Глава рода Кричтонов был канцлером Шотландии и ведал королевскими финансами. Ливингстоуны, как мы помним, выдвинулись в 1424 г., когда благодаря их усилиям удалось исключить из числа заложников наиболее знатных шотландских лордов, заменив их на менее важные фигуры. Джеймс I приблизил их к себе и доверил организацию работы государственного аппарата. При Джеймсе II, как и при его отце, Ливингстоуны занимали ключевые государственные посты и активно соперничали в придворной политике с Чёрными Дугласами. В 1440 г.,

¹ Chr. of Scotland, III, 569.

² Brown M., James I. P. 198.

после того, как Ливингстоуны во время званного обеда отравили одного из племянников графа Дугласа, отношения между этими крупнейшими кланами перерастают в открытую вражду. Дугласы, ведомые жаждой мести, организовали убийство главы семьи Ливингстоунов. Тем не менее, возвышению этой семьи эта смерть не помешала. К 1448 г. — началу полновластного правления Джеймса II — Ливингстоуны возглавляли коллегии внутренних дел, финансов и дворцового хозяйства, а также надзирали за четырьмя королевскими замками¹.

Внутриполитические раздоры все же не мешали Шотландии укреплять свои внешнеполитические позиции. Прежде всего, она была озабочена сохранением франко-шотландского альянса. При этом шотландцы не намеревались отправлять военный корпус на континент, а делали ставку на укрепление династических связей с крупнейшими европейскими дворами. Благо у Джеймса I было шесть дочерей (старшая из которых, напомним, уже была замужем за дофином Людовиком), что открывало известный простор для марьяжных комбинаций. В частности, они давали существенную возможность укрепить позиции правящего дома Шотландии и упрочить политические контакты с континентальными союзниками и, прежде всего, с Францией. В определенной мере, здесь играли роль и личные интересы шотландских политиков².

В 1441 г. в Бретань отправилось шотландское посольство во главе с сэром Джорджем Криктоном, Уильямом Фоулисом, архидьяконом аббатства св. Андрея и сэром Уильямом Монипенни. Послы подписали брачный договор с герцогом Иоанном Бретонским, согласно которому принцесса Изабелла, вторая дочь Джеймса I, должна была выйти замуж за сына и наследника герцога — графа де Монфора. За два месяца до брака, заключенного 30 октября 1442 г., Франциск, граф де Монфор, после смерти отца унаследовал герцогство Бретань³.

Менее чем через два года после «бретонского брака», принцесса Мария, третья дочь Джеймса I, была выдана замуж за Вольфаерта ван Борселена, чей отец Генрих, лорд де Вер, был адмиралом Филиппа Доброго, герцога Бургундского. Инициатива этого брака принадлежала герцогу Бургундскому, желавшему тем самым сблизиться с

¹ *Mitchison R. History of Scotland. P. 73.*

² Так Уильям Дуглас, восьмой граф Дуглас, который все еще считал себя герцогом Туренским, попытался вернуть обратно утраченную часть герцогства, но безрезультатно. Графа Дугласа убедили, что переговоры о замужестве одной из сестер Джеймса II смогут значительно укрепить репутацию графа во Франции, весьма пошатнувшуюся после поражения при Вернее.

³ *Mitchison R. History of Scotland. P. 84.*

французским и шотландским дворами. Карл VII Французский и Филипп Бургундский выступали инициаторами брачной партии еще для одной дочери Джеймса I — Аннабеллы. 14 декабря 1444 г. в Стирлинге принцессу обручили с Людовиком, графом Женевским, вторым сыном герцога Савойского¹. Франция и Бургундия имели весьма близкие отношения с герцогством Савойским и, вероятно, этот брак мог упрочить эти связи.

В 1445 г. Карл VII приложил руку еще к двум марьяжным проектам, касавшихся шотландских принцесс. 19 августа Элеонор и Джоанна прибыли в Тур для того, чтобы участвовать в траурной церемонии по поводу кончины их старшей сестры Маргариты, супруги дофина. Они были радушно встречены французским королем. Известно, что Джеймс II надеялся на то, что Элеонора займет место Маргариты, но Карл VII рассудил по-своему: в июне 1447 г. Элеонору обручили с эрцгерцогом Сигизмундом. Джеймс II, в начале противившийся этому браку, в конце концов, согласился, поскольку сам был заинтересован в посредничестве французского короля при поиске невесты уже для себя². Свадьба Элеоноры и эрцгерцога Сигизмунда состоялась в начале 1448 г. в Инсбруке.

Джеймс II и Карл VII обменялись посланиями по вопросу о будущей супруге для шотландского короля³. Французский король предложил Джеймсу отправить сватов ко двору бургундского герцога. После переговоров с герцогом выбор шотландцев остановился на племяннице герцога Бургундского — старшей дочери герцога Арнольда Гелдрского Марии⁴. Известно, что первоначально Марию намеревались сосватать за брата германского императора — герцога Альбрехта Австрийского, в то время как шотландцу должна была достаться ее младшая сестра Маргарита.

Такой поворот событий, несомненно, свидетельствуют, что шотландцы пользовались значительным влиянием при дворе герцога Бургундского. Брачный договор был заключен в Брюсселе 1 апреля 1449 г. и ратифицирован 25 июня в Стирлинге. 3 июля 1449 г. Мария вместе с пышной свитой прибыла в Шотландию, где спустя некоторое время в аббатстве Холируд состоялась свадебная церемония. Несомненно, решающая роль в организации свадьбы Джеймса II и Марии принадлежала Карлу VII и отчасти Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому.

¹ *Macdougall N.* An Antidote to the English. P. 84.

² *Ibid.*, P. 85.

³ *Tanner R.* The Late Medieval Scottish Parliament. P. 119.

⁴ *Ibid.*, P. 119–120.

Все это не могло не тревожить Англию, чьи дела на континенте развивались не лучшим образом. Начиная с 1440 г. она теряла свои французские владения одно за другим. Фатальной ошибкой англичан оказалось освобождение в 1440 г. герцога Орлеанского, захваченного в плен в битве при Азенкуре. Еще Генрих V, давая инструкции графу Тэлботу — командующему английским корпусом во Франции, предписал ему никогда не освобождать герцога из плена, полагая, что это приведет в конечном счете к потере Франции¹. Герцог Орлеанский был не только весьма популярной и авторитетной фигурой во Франции, но и отличался талантом военного стратега: опасения Генриха V, таким образом, были небеспочвенными, поскольку по возвращении из плена именно герцог стал успешно планировать военные операции против англичан.

Начав в начале 1441 г. очередную военную кампанию, Карл VII уже к концу октября 1441 г. освободил от англичан Понтуаэ — последнюю крепость на территории Иль-де-Франс, где оставался английский гарнизон. Летом следующего года он отвоевал часть Гиенни. А в начале лета 1444 г. в Туре было заключено перемирие, после чего стороны обменялись обещаниями пойти навстречу пожеланиям друг друга, но, как показало время, без видимых результатов. «Карл VII затеял переговоры с тем, чтобы выиграть время перед решающими сражениями»².

Тем временем, дела англичан на континенте продолжали ухудшаться: весной 1449 г. войска Карла VII с нескольких направлений атаковали английские гарнизоны в Нормандии — последнем крупном владении англичан на территории Франции. Хорошо спланированная операция продолжалась в течение года. К началу лета 1450 г. французы полностью изгнали англичан со своих земель, разгромив их в битве при Форминьи в начале апреля 1450 г. По итогам кампании англичане потеряли практически весь север Франции, за исключением города Кале.

Стремясь спасти владения на континенте и обеспечить себе передышку во Франции, английский монарх Генрих VI в 1445 г. взял в жены племянницу Карла VII Маргариту Анжуйскую, которая была с детства дружна с Карлом VII и к мнению которой король, как считалось, привык прислушиваться. Возможно, англичане надеялись, что новая английская королева сумеет повлиять на французов в благоприятную для англичан сторону. Однако новую королеву приняли в Лондоне крайне холодно. Дело было не только в ее французском происхождении, но и в том, что этот брак поддерживал крайне непопулярный в Англии граф Саффолк.

¹ *Seward D.* The Hundred Years war. P. 239.

² *Ibid.*, С. 337.

В парламенте, вероятно, по наущению партии Йорков выказывалось недовольство тем, что в качестве брачного подарка Генрих VI вернул Франции обширное графство Мэн, только недавно отвоеванное у французов. Появление новой английской королевы дало прекрасную возможность Йоркам поднять вопрос об измене Саффолка и о слабости политики Генриха VI, накаляя тем самым политическую обстановку в Лондоне и стране¹.

31 декабря 1448 г. в Туре было официально продлено действие союзного договора между Францией и Шотландией, заключенного в 1428 г. между дофином Карлом и Джеймсом I. Прологация договора, несомненно, свидетельствовала об укреплении двусторонних отношений, подчеркивая не только традиционную политическую близость Франции и Шотландии в рамках «старого альянса», но и — в сочетании с браком сестры Джеймса II с дофином Людовиком — сложившиеся тесные династические связи французского и шотландского королевских домов. По условиям договора, напомним, шотландцы имели право отвергать любые пункты возможных англо-французских договоров, если те противоречили интересам Шотландии².

Сближение Франции и Шотландии, укрепление альянса за счет династических связей повлияли на обострение англо-шотландских отношений. Это, в свою очередь, не преминуло отразиться на росте военной активности в пограничном регионе. В конце сентября 1448 г. шотландцы в очередной раз вторглись в Англию с 30 тыс. отрядом (кажется очевидным, что цифра снова, как и при прошлых сообщениях, была завышена хронистами)³. Ответное вторжение англичане сумели организовать уже спустя месяц — 23 октября 1448 г. войско графа Нортумберленда пересекло Солуэй с намерениями совершить рейд по Аннандейлу (владению Черных Дугласов). Однако шотландцы во главе с Хью Дугласом, графом Ормондом остановили войско англичан и обратили его в бегство у берегов Сарка⁴.

После свадебных торжеств 1448 г. молодой шотландский король Джеймс II стал прибирать к рукам реальную власть в королевстве. Своих постов лишились ряд крупных лордов и их ставленников, которые не доказали свою лояльность короне. Эти действия, очевидно, были продолжением политики укрепления центральной власти, начатой его отцом Джеймсом I.

¹ Seward D. The Hundred Years war. P. 245.

² Macdougall N. An Antidote to the English. P. 83.

³ Басовская Н.И. Столетняя война. С. 338.

⁴ Chr. Pluscardensis, II, 302.

Джеймс II казнил двух членов семьи Ливингстоунов, сместил с ключевых постов в коллегиях их родственников. Предположение Р. Митчисон о том, что эта «придворная революция» вершилась с подсказки молодой королевы¹, можно дополнить тем, что, несомненно, существенное значение для короля в вопросах внутренней политики имело здравое понимание сложившейся в Шотландии политической обстановки и поддержка Карла VII. В этой связи важно отметить не только укрепление позиций шотландской короны, но и то, что, влияние короля, как уже говорилось выше, в значительной мере было следствием реанимирования и роста активности внутри самого франко-шотландского альянса.

Как и во времена его отца, централизаторская политика Джеймса II не могла не вызвать недовольства со стороны крупной шотландской знати. В этом смысле, ситуация во владениях Джеймса II и в Англии накануне войны Алой и Белой Розы были схожи.

Самыми влиятельными из шотландских лордов продолжали оставаться Черные Дугласы, с 1447 г. официально закрепившие за собой статус наместников Средней и Западной Марки². В 1451 г. стремление Черных Дугласов защищать свои позиции в Шотландии от усилившегося давления со стороны короны (король стал лично вмешиваться в управление Марками и неоднократно отправлял во владения Дугласов своих чиновников для инспекции), привело к созданию коалиции с участием графов Дугласа, Кроуфорда и лорда Островов.

Первые же шаги коалиционеров спровоцировали политический кризис³: молодого, но амбициозного короля весьма беспокоило образование антикоролевской аристократической оппозиции во главе с Чёрными Дугласами. Роковым для отношений короны и Черных Дугласов стал 1452 г. Весной этого года Джеймс II пригласил на аудиенцию в Стирлинг графа Дугласа. Возможно, король пытался уговорить графа распустил «союз», но, получив решительный отказ, в порыве бешенства и на глазах придворных, Джеймс II заколол Дугласа кинжалом.

Шотландия вновь оказалась на пороге гражданской войны. Приемник убитого графа, его младший брат, начал собирать своих сторонников. При этом снова, как и во времена мятежа Хотспера, Черные Дугласы вступили в отношения с англичанами. Им была обещана помощь от герцога Йорка, заинтересованного в успехе мятежа Дугласа, который мог бы существенно ослабить позиции шотландского короля внутри

¹ *Mitchison R. History of Scotland. P. 73.*

² *Tanner R. The Late Medieval Scottish Parliament. P. 128.*

³ *Mitchison R. History of Scotland. P. 72–73.*

страны¹, а, следовательно, помешать тому поддерживать в Англии партию Ланкастеров.

Весьма странно, но, несмотря на явное обострение отношений между Эдинбургом и Дугласами, в 1453–1454 гг., Джеймс II продолжал направлять графа с различными поручениями в Лондон. Возможно, король стремился таким путем примириться с этим кланом. Первый официальный визит графа в Англию состоялся в апреле 1453 г.: он возглавил шотландскую депутацию на переговорах с англичанами по поводу продления мирного договора².

Одновременно в шотландском парламенте шли слушания по делу, связанному с убийством Дугласа. Король лично инициировал это разбирательство, желая снять с себя обвинение в преднамеренном убийстве. В 1454 г. на специальном заседании парламент вынес оправдательный приговор по делу Уильяма Дугласа. Должно быть, Джеймсу II удалось получить поддержку большинства парламента на слушании этого дела, что означало, в конечном счете, поддержку короля большинством членов парламента в деле убийства графа Дугласа³.

В ходе дипломатических миссий граф Дуглас, помимо выполнения сугубо официальных поручений, занимался своими делами и вел переговоры с Йорками. Особенно часто граф Дуглас бывал в Англии в период регентства Йорков. В это время он дважды получил от англичан охранные грамоты для себя, своей свиты и родственников и, отдельно, для своей жены и матери⁴. Вероятно, цели графа Дугласа и герцога Йорка были близки. Каждый стремился заручиться мощной поддержкой извне и приобрести сильного союзника в преддверии решающей фазы борьбы со своим монархом. В 1454 г. по условиям заключенного ими договора граф Дуглас, не забывая при этом о своей собственной политической игре, обязался поддержать Йорков в борьбе за английский трон⁵. При посредничестве лорда Гамилтона, граф Дуглас подал лорду-регенту Англии прошение об освобождении Майлза Грэхема графа Ментейта из английского плена, где тот 25 лет пребывал в качестве заложника за Джеймса I⁶. Просьба Дугласа была удовлетворена — Ментейт в 1454 г. вернулся на родину.

¹ John Benet's chronicle, XXIV, 59.

² *Macdougall N.* An Antidote to the English. P. 84.

³ Chr. of Scotland, III, 599.

⁴ *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 369.

⁵ *Mitchison R.* History of Scotland. P. 74.

⁶ John Benet's chronicle, XXIV, 59–60.

Дуглас имел причины хлопотать о возвращении Грэхема. Граф Ментейт был прямым наследником старшей линии Стюартов, к которой, как помним, относился граф Атолл, казненный в 1437 г. Графы Стратэрн, ставшие позже зваться графами Ментейт, вели свое происхождение от второго сына Роберта II от первого брака. Возвращение графа Ментейта — прямого потомка Роберта II, давало возможность снова, как и во времена заговора Атоллов, поднять старый вопрос о легитимности младшей линии Стюартов, что Чёрные Дугласы и сделали. Идея реанимировать вопрос о легитимности прав на трон Джеймса II, скорее всего, принадлежала графу Дугласу, более всех заинтересованному в ослаблении позиций Джеймса II. Но граф Ментейт, вопреки ожиданиям Чёрных Дугласов, занял по отношению к королю лояльную позицию.

Узловым моментом не только во внутрианглийских делах, но и в англо-шотландских отношениях явилось установление регентства Йорков в мае 1454 г. Последовал арест Эдмунда Бофора, герцога Сомерсета — дяди шотландского короля (напомним, что мать Джеймса II, урожденная Бофор, была сестрой герцога) — таким образом, Шотландия вовлекается в противостояние между Ланкастерами и Йорками.

Король отправил летом 1454 г. с посольством в Англию своего отчима сэра Джеймса Стюарта, по прозвищу Черный рыцарь из Лорна, чтобы заступиться перед Королевским советом за герцога Сомерсета. Однако миссия успеха не имела. Так шотландский монарх открыто принял сторону Ланкастеров, в то время как Черные Дугласы, как уже говорилось, были на стороне Йорков.

Среди сторонников Джеймса II наиболее влиятельными были Красные Дугласы, графы Оркни и Стратэрн, а также бывшие вассалы Черных Дугласов: Скотты, Максвеллы и Джонстоны из Аннандейла и Тевиотдейла) — как мы помним, графа Дугласа поддерживали граф Кроуфорд и лорд Остров со своими вассалами. В результате вражда Чёрных Дугласов и Джеймса II приобретает еще и «английский» оттенок, поскольку лидеры этих группировок оказались по разные стороны баррикад в начавшейся между Йорками и Ланкастерами смуте в Англии. В феврале 1455 г. после выздоровления Генриха VI Йорки вновь оказались в опале. Герцог Сомерсет был освобожден, королева Маргарет становится во главе правительства Ланкастеров, в то время как Йорки спешно собирают войска, рассчитывая на помощь своих союзников, в том числе и Черных Дугласов, накануне первой в истории войн Алой и Белой роз стычки при Сент-Олбансе¹.

¹ *Holmes G. The later Middle Ages. P. 210–214.*

Близость владений Йорков к границам Шотландии, создавала угрозу Джеймсу II войны на два фронта: с юга — могли напасть Йорки, в Лоуленде — было множество владений, принадлежавших сторонникам графа Дугласа. В этой ситуации Джеймс II не мог медлить. В марте 1455 г. он осадил и захватил принадлежавший Черным Дугласам замок Инверавон, затем направился в Глазго, где получил подкрепление из западных графств и северо-востока Хайленда. В местечке близ Ланарка его войско дало первое крупное сражение Чёрным Дугласам и одержало в нем победу.

В апреле 1455 г. Джеймс II провел осаду резиденции Дугласов Аберкора¹. В письме Карлу VII Джеймс сообщает об осаде крепости мятежников и об успешном применении новых осадных орудий, из которых стреляли специально приглашенные из Франции канониры. С их помощью, по словам шотландского короля, «башни быстро были разрушены постоянными обстрелами»². Осада крепости продолжалась месяц, после чего замок капитулировал, а после захвата он был полностью разрушен³.

Используя конфликт короны с Черными Дугласами, граф Энгус, глава клана Красных Дугласов, значительно повысил свое влияние и стал приближенным короля. В свою очередь, стремясь втянуть знать в борьбу с Черными Дугласами, король сумел добиться, чтобы Гордоны (боковая ветвь Красных Дугласов) пошли на открытый конфликт с графом Кроуфордом — союзниками Черных Дугласов. Разобщение коалиционеров, лидером которых были Черные Дугласы, в конечном итоге, обеспечило королю сначала победу при Гамилтонсе и Аркинхолме, а затем и в решающем сражении 22 апреля 1455 г. при Лэнерк Кроссе. Сам граф Дуглас бежал в Англию к Йоркам, а два его брата: графы Мори и Ормонд погибли. По закону о Конфискации, изданом осенью 1455 г., все доходы от конфискованных обширных земель Дугласов должны были отойти короне. На предварительном слушании этого дела в парламенте в июле 1455 г. именно граф Ментейт, за возвращение которого из Англии так рьяно боролись Черные Дугласы, резко выступил против графа Дугласа, требуя объявить главу клана вне закона⁴. Несмотря на дальнейшие интриги последнего графа Дугласа, стремившегося восстановить свои позиции на родине, фактически борьба короны с Черными Дугласами на этом завершилась. Могущественный клан, оказывавший влияние на политику государства в течение последнего столетия — был полностью повержен.

¹ *Tanner R.* The Late Medieval Scottish Parliament. P. 128.

² *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 370.

³ Chr. of Scotland, III, 611.

⁴ *Ibid.*, III, 613.

По мере того, как борьба Ланкастеров и Йорков разгоралась, королева Маргарита активизировала контакты с королевским двором Шотландии. Отношения были как никогда активны. Помощь со стороны Шотландии была важна как с военной, так и, надо полагать, политической точки зрения. Шотландия воспринималась Ланкастерами как дополнительный козырь, поскольку не только являлась отличным плацдармом для наступления на северо-английские графства, поддерживающие Йорков, но и просто фактом своей поддержки Генриха VI влияла на тех английских лордов, которые еще колебались присоединиться ли им к партии Ланкастеров или Йорков. Она же могла стать убежищем для Ланкастеров в случае их поражения.

За поддержку английской короны в ее действиях против герцога Йорка и графа Уорвика Джеймсу II были обещаны графства Нортумберленд, Камберленд и Дарэм, а также другие земли и крепости, ранее входившие в состав Шотландии¹. Можно предположить, Джеймс II не очень доверял обещаниям англичан и не собирался дожидаться их выполнения. В 1460 г., пользуясь начавшейся войной, он под предлогом поддержки «законного английского короля» Генриха VI, начал вторжение на пограничье, первоначально во владения Невиллов, графов Уэстморленд — сторонников Йорков.

В результате довольно успешной военной кампании шотландцам удалось очистить от англичан южно-шотландские земли и бурги. Военные действия были приостановлены из-за смерти шотландского монарха 3 августа 1460 г. при осаде Роксбурга. Джеймс II погиб от осколков разорвавшейся рядом с ним бомбарды.

Затишье в пограничной войне было недолгим, спустя некоторое время ее продолжила вдовствующая королева Мария. Под ее руководством шотландцам удалось вернуть город Роксбург. Крепость Бервик была передана Шотландии в 1461 г. «в знак благодарности» за прием бежавших из Англии Генриха VI и его ближайших сподвижников².

Шотландия вернула себе те территории и города в Лоуленде, которые с конца XIV в. находились в руках англичан. К концу 1460-х гг., играя на противоречиях двух враждующих английских лагерей и поочередно обещая им поддержку, шотландцы активно интриговали, чтобы вернуть себе графства Нортумберленд, Камберленд и Уэстморленд³. Известно, что еще в июле 1460 г. Джеймс отправил в Ирландию к герцогу Йорку

¹ *Jacob E.F.* The XVth century. P. 514.

² *Mitchison R.* History of Scotland. P. 76.

³ *Ibid.*, P. 78.

свое доверенное лицо Эндрю Эгню из Уигтауна. По слухам, король собирался предложить герцогу одновременное вторжение сил Йорков из Ирландии и шотландцев в Англию¹. Кроме того, у шотландского короля были планы относительно брака его дочери с сыном герцога. Тогда предложение шотландцев осталось не востребованным, поскольку Йорки в сражении при Нортамптоне 10 июля 1460 г. разбили армию Ланкастеров, а самого Генриха VI взяли в плен.

Параллельно Йорки пытались найти себе союзников среди знати Шотландии. Им удалось заключить союз с лордом Островов и графом Дугласом, находившимся в изгнании в Англии². Договор 1460 г., заключенный между союзниками устанавливал следующее. По окончании войны с Ланкастерами, Йорки обещали оказать всемерное содействие своим союзникам в Шотландии, помочь им разделить королевство на южную и северную часть, которые должны были отойти, соответственно, в сферу влияния Дугласов и Сомерледов³. Те же, в свою очередь, должны были присягнуть на верность королю Эдуарду IV Йорку, но планам заговорщиков было не суждено осуществиться.

Подводя итоги, можно отметить, что Шотландия в 1461–1463 гг. удачно использовала противоречия между двумя воюющими между собой английскими партиями для решения старых территориальных претензий, связанных с возвращением Шотландии северо-английских графств. По договору заключенному летом 1463 г. Англия признала утрату своих владений в Лоуленде, включая города Бервик и Роксбург, и, хотя, этот договор, в связи с новыми военными конфликтами на пограничье был нарушен уже спустя несколько месяцев, приобретенные территории так и остались у шотландской стороны.

---

¹ *Tanner R.* The Late Medieval Scottish Parliament. P. 167.

² *Ibid.*, P. 169.

³ *Nicholson R.* The later Middle Ages. P. 374.

Заключение

Сложность, многогранность взаимоотношений Шотландии с Англией в рассматриваемый период находили свое выражение в политике шотландского и английского дворов по отношению к Хайленду, в событиях Столетней войны на континенте и т.д. Но, прежде всего, они проявляли себя в пограничном субрегионе, соответственно преломляясь и во внутренней политике обоих государств.

Как показывает исследование, характерной чертой англо-шотландских отношений в начале XV в. являлось то, что инициаторами пограничных конфликтов зачастую были не Лондон и Эдинбург, а региональные лорды с обеих сторон границы. Подтверждением тому служат события, приведшие к сражениям при Несбит Мьюре (1402), Хомилдоне (1402), а также к крупным рейдам в 1409–1411 гг. Географическое положение пограничного региона давало возможность тамашней английской и шотландской знати вести во многом самостоятельную, малозависящую от своих столиц политику и использовать межгосударственные противоречия в своих целях. Сложное переплетение общегосударственных и локальных интересов подчас обеспечивали крупным пограничным лордам широкую возможность для политического маневра. Ярким тому примером служат далеко идущие последствия ничтожного, казалось бы, по своей значимости семейного конфликта между графом Дугласом и графом Шотландской Марки Джорджем Данбаром.

Постоянные посягательства Англии на шотландский суверенитет, желание англичан расширить свои владения за счет Шотландии, добиться разрыва франко-шотландского союза и, с другой стороны, стремление шотландцев вернуть себе территории и города, принадлежавшие пре-

жде Шотландии, отстаивать собственную политическую и национальную независимость, используя преимущества от союза с Францией, — все эти обстоятельства подогревали постоянную борьбу между соседними королевствами.

События на Пограничье на протяжении первых лет XV в. развивались в рамках двух основных этапов, с характерной для каждого из них спецификой и организацией.

Первый из них охватывает 1399–1405 гг. и характеризуется обострением англо-шотландских отношений в связи с отказом Шотландии признать легитимность Генриха Ланкастера после свержения Ричарда II. Отметим, что при этом Франция поддерживала Шотландию в этом вопросе. Вскоре такое дипломатическое противостояние, осложненное традиционными локальными конфликтами на пограничье, привело к вторжению — правда, безрезультатному — англичан в Шотландию.

Вслед за пленением графа Дугласа и ряда других шотландских лордов, совершивших неудачный набег на владения Перси, происходит радикальная перегруппировка сил, вылившаяся в антикоролевский мятеж североанглийской знати, а между Дугласами и Перси установились, если и не дружеские, то, партнерские отношения.

Временный альянс пленных шотландских лордов с лидером английских мятежников Генри Хотспером привел к участию графа Дугласа и других шотландских лордов в сражении при Шрусбери в 1403 г. на стороне английских мятежников, закончившемся для шотландцев новым пленом. В результате нового пленения вплоть до возвращения графа Дугласа на родину, военная активность на границе оставалась очень низкой. Ослаблению активности с английской стороны границы способствовало и то обстоятельство, что многие английские пограничные лорды — сторонники Хотспера — пострадали во время репрессий короны после подавления мятежа.

Второй этап англо-шотландских отношений в царствование Генриха IV, охватывает 1406–1413 гг., и поначалу был тесно связан с сепаратистской деятельностью графа Нортумберленда в эмиграции, с одной стороны, и пленением в 1406 г. наследного принца Шотландии Джеймса Стюарта — с другой. Неудачные попытки Нортумберленда в разгар антикоролевского мятежа принца Оуэна Глендоуэра в Уэльсе, который поддерживали французы, создать антиланкастерскую коалицию, проходили на фоне довольно стабильной обстановки на пограничье.

Новая волна напряженности на границе поднимается с возвращением из Англии глав семей Дугласов (1408) и Данбаров (1409). Набеги шотландцев под их руководством в 1409–1411 г. спровоцировали новую

пограничную войну в 1411 г., в которой английское войско возглавил принц Генри, будущий король Генрих V.

Примечательно, что кампания 1411 г. вывела на первый план в англо-шотландских отношениях такой фактор как сепаратизм Хайленда. Многие события, проходившие как на англо-шотландской границе, так и в самой Шотландии, помимо традиционных геополитических причин, отражали и конфликты, связанные с этно-культурными и политическими отношениями Эдинбурга и горной Шотландии, которая на протяжении трех столетий была практически независима и политически тяготела к Норвегии.

Конфликты и противоречия между Лоулендом и Хайлендом представляли особую важность для Лондона, поскольку давали ему возможность влиять на ситуацию внутри сопредельного государства, используя недовольство хайлендерских вождей политикой Эдинбурга. Английская корона в целях закрепления своего влияния в горной Шотландии делала ставку на силы, враждебные Эдинбургу, оказывая поддержку сепаратистки настроенному клану Сомерледов, чья власть распространялась практически на весь северо-запад Шотландии.

В свою очередь, Шотландия осуществляла, так сказать, зеркальную политику в этом направлении, оказывая помощь не только французскими союзниками, но и валиийскому мятежнику Оуэну Глендоуэру. Цели, которые преследовала шотландская сторона, были во многом схожи с теми, которых добивалась Англия, интриговавшая с Сомерледами. Таким образом, как Англия, так и Шотландия для решения своих политических задач: ослабления своего противника и обострения внутриполитической обстановки в сопредельном государстве, использовали одинаковый инструментарий, поддерживая на территории своих соперников, сепаратистские акции.

В годы царствования Генриха V (1413–1422), центр тяжести во взаимоотношениях двух государств переносится на континент, во Францию. Установившееся относительное затишье на пограничье компенсировалось участием шотландского корпуса в войне против англичан на стороне дофина.

Анализ событий на континенте после разгрома французов при Азенкуре показывает, что тогда происходят важные изменения в структуре франко-шотландского альянса, оказавшие очевидное влияние и на баланс политических и военных сил во Франции в ходе Столетней войны. Благодаря помощи шотландцев, французскому дофину и его сторонникам удалось собрать силы для продолжения войны с англичанами, а шотландский корпус в течение 1420–1424 гг. являлся ядром армии

дофинистов. Известно, что Карл поначалу оказался практически в полной политической изоляции: он не имел ни значительной поддержки со стороны французского общества, ни сильной армии, ни финансовых средств. Для самих шотландцев отправка корпуса во Францию давала возможность нанести удар англичанам, не рискуя прямым военным столкновением. Вместе с тем, военная экспедиция позволила шотландским лэрдам поправить свое материальное положение (а регенту герцогу Олбани укрепить свои внутри— и внешне— политические позиции, поскольку одним из вождей шотландского корпуса был его младший сын Джон Стюарт, граф Бачен).

Именно шотландцы первыми оказали дофину помощь и поддержку, предоставив уже в 1420 г. 6-тысячный корпус. В ключевых для дофина Карла сражениях при Боже (1421), Краванте (1423) и Вернее (1424) контингент шотландцев составлял не менее двух третей всей армии будущего французского короля. Это обстоятельство позволяет скорректировать устоявшуюся в историографии точку зрения, согласно которой, роль и значение шотландцев в Столетней войне были незначительны.

На протяжении почти двух десятилетий одним из ключевых пунктов в англо-шотландских отношениях являлись переговоры об освобождении из английского плена шотландского наследника принца Джеймса. Возвращение Джеймса в Шотландию в 1424 г. состоялось в период, когда английский двор, был занят борьбой за власть при малолетнем Генрихе VI. Немалую роль в этом, вероятно, сыграли расчеты англичан как на династический брак Джеймса с представительницей английского королевского дома Джоанной Бофор, так и на статьи Дарэмского политического договора, одна из которых, предусматривала отказ Эдинбурга от прямой военной помощи Франции.

Проведенное исследование показывает, что, в известной мере расчеты себя оправдали. После возвращения Джеймса, по крайней мере, до 1428 г. со страниц хроник практически исчезает не только вопрос о шотландском корпусе во Франции, но и упоминания о столкновениях на англо-шотландской границе, столь частые в начале XV в.

Анализ взаимоотношений шотландской короны и знати убеждает, что с возвращением короля Джеймса на родину приходит конец практике балансирования центральной власти между разными клановыми группировками, характерной для правления регентов Олбани. Молодой король сразу же взял курс на укрепление позиций центральной власти и искоренение потенциальной оппозиции из числа своих ближайших родственников — Олбани и представителей других крупнейших семейств Шотландии.

По свидетельствам современников, Джеймс, будучи в плену, интересовался английской правовой и политической практикой. На глазах шотландского принца разворачивались политически важные и глубоко драматические события эпохи правления Генриха IV и Генриха V. Весьма поучительным для будущего царствования Джеймса, как представляется, мог быть опыт подавления мятежей северо-английской знати во главе с Генри Хотспером и графом Перси.

Биографические данные позволяют предполагать значительное влияние на Джеймса полученного в Англии воспитания. Но, что более существенно — анализ дальнейших политических шагов шотландского короля также дает основание рассматривать его политику как преломление, в той или иной степени, английского опыта и идей, воспринятых им за годы английского плена. Важно отметить, что и законодательная практика, и политика шотландского короля, с понятными оговорками, на наш взгляд, достаточно близки к тем формам, которые в тот период использовались в Англии.

В 1424–1428 гг. Джеймс I, создавал законодательную базу для своих преобразований, активно используя шотландский парламент в качестве проводника своего политического курса. В попытке короля расширить структуру парламента, приглашая на парламентские заседания мелких лордов и фригольдеров — сначала при обсуждении новых налогов и рассмотрении тяжб, а затем уже в качестве постоянных членов парламента, можно, на наш взгляд, также видеть подражание английской практике. Влияние английского опыта ощущается в стремлении шотландской короны опереться на представителей среднего дворянства и городов, что является, как известно, весьма характерной чертой именно английской политической модели того времени.

Бескомпромиссность, зачастую и жесткость, с которыми Джеймс правил Шотландией, привели к росту недовольства среди знати и, в конечном счете, создали почву для формирования антикоролевского заговора. Рождение у короля наследника лишило графа Уолтера Атолла надежд на то, что шотландская корона Джеймса после смерти перейдет к нему как представителю мужской линии Стюартов. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, заставило графа перейти к решительным действиям и организовать убийство короля в надежде, что после его смерти путь на шотландский трон будет открыт. Важно отметить, что нам не удалось найти сколько-нибудь очевидного доказательств участия английской дипломатии в формировании заговора Атолла и убийстве Джеймса I, хотя, кажется очевидным, что Лондону была выгодна гибель шотландского монарха.

Царствование Джеймса I явилось своего рода затянувшейся паузой в длинной череде пограничных конфликтов и в традиционном противостоянии между Англией и Шотландией. В царствование Джеймса II отношения двух королевств вновь приобретают интенсивность, свойственные англо-шотландским отношениям начала века.

Рассмотрение внешней политики Шотландии в 40-х гг. XV в. дает возможность говорить о том, что сближение франко-шотландских союзников в этот период нашло свое выражение, прежде всего, в их активной совместной династической политике. Важным внешнеполитическим следствием сближения Шотландии и Франции было заключение соглашения, по которому Эдинбург получил право блокировать любые англо-французские договоренности, в том случае, если они противоречили интересам Шотландии. Кроме того, в связи с возобновлением Столетней войны, в этот период вновь неоднократно обсуждался вопрос о предоставлении Шотландией военной помощи Карлу VII.

Внутренняя политика Джеймса II во многом была продолжением начинаний его отца. Король активно занимался укреплением позиций королевской власти в стране, которые значительно ослабли в период его несовершеннолетия. Основные усилия Джеймса II концентрировались на борьбе с кланом Черных Дугласов. Важным моментом в англо-шотландских отношениях являлось то обстоятельство, что борьба Дугласов и Джеймса II проходила на фоне растущих противоречий между Йорками и Ланкастерами, в вереницу которых были вовлечены и противостоящие друг другу силы внутри шотландского королевства.

Внешнеполитические факторы, таким образом, сильно повлияли на дальнейший ход внутривнутриполитического конфликта между Дугласами и шотландской короной, развитие которого отразилось, как на взаимоотношениях Англии и Шотландии, так и на балансе сил в борьбе между Йорками и Ланкастерами. В своей борьбе против короны Черные Дугласы обратились за поддержкой к партии Йорков, а король Джеймс II, оказывая поддержку своим английским родственникам, оказался втянутым в династический конфликт на стороне Ланкастеров. Политическая обстановка в Англии и Шотландии в тот период была такова, что альянс между правящими монархами Англии и Шотландии был взаимовыгоден каждой из сторон. С одной стороны, для партии Ланкастеров шотландская поддержка напрямую усиливала давление на Йорков, а, кроме того, внушала дополнительную веру в победу сторонников Генриха VI. Стремясь получить поддержку Шотландии в борьбе с Йорками, Ланкастеры были готовы пойти на довольно серьезные политические и территориальные уступки в пользу Шотландии. Для Шотландии участие в

династическом конфликте в Англии давало Джеймсу II надежду на возвращение земель Южного Лоуленда, потерянных в середине XIV в, а в перспективе, возможно, и северных английских графств, отогнутых у Шотландии еще в XII в.

Шотландский король не удовлетворился одними только обещаниями англичан касательно пограничных территорий. Воспользовавшись политическим кризисом внутри Англии, Джеймс II под предлогом помощи законному английскому королю развязал войну в северной Англии, завершившуюся — уже после его гибели — подписанием в 1463 г. мирного англо-шотландского договора, по которому Шотландия вернула себе все утраченные в XIV в. пограничные территории.

Приложения

Приложение № 1. **Краткий перечень основных дворянских родов англо-шотландского пограничья**

Совершенно очевидно, что помимо титулованных лордов пограничья и их интересов, существовало еще множество других уровней локальной политики, исследовать которую мы просто не в силах из-за недостаточности данных. Об этом уровне политики мы можем судить, опираясь лишь на отрывочные сведения и косвенные данные.

Хотя большинство из указанных ниже семейств не фигурируют в настоящем исследовании, тем не менее, мы уверены в том, что для полноты представлений об активности политической жизни в пограничье на локальном и межклановом уровне необходимо дать представление о том множестве семей, которые обитали на пограничье в XV в.

Восточная Марка (*East Marches*)

Армстронги (the Armstrongs).

Главным образом шотландская семья, хотя сам род происходит из Уэльса (Cumbria). В сфере их влияния были территории Лиддсдейл (Liddesdale), Спорная Земля (Debatable Land), Искдейл (Eskdale), Аннандейл (Annandale), английская Средняя Марка, шотландская Восточная Марка. Армстронги были родоначальниками и главами семей Монджертонов, Уитафов, Колфхиллов и других. Считается, что Армстронги были самым агрессивным и беспощадным к своим врагам родом на всем пограничье.

Кросеры (Crosar, Crozier).

Главным образом шотландский клан. Влиятельны в Верхнем Лиддлсдейле (Upper Liddlesdale), Тевиотдейле и Бьюкасле. Родоначальники Риккартонов. Небольшая, но активно действовавшая на пограничье семья, тесно связанная родственными и союзническими отношениями с Никсонами и Эллиотами, совместно с которыми принимала участие в набегах на английское пограничье. Кросеров часто называли «шотландскими ворами» и «отвязанными людьми».

Эллиоты (Elliot)

Шотландский род, происходивший с восточного побережья Шотландии. Имели вес в жизни Лиддлсдейла (Liddlesdale), Тевиотдейла (Teviotdale). Эллиоты возглавляли семьи: Редхёч (чей глава был Хранителем замка Хермитиж), Ларистонов, Стейлов, Парков и др. Эллиоты были второй по величине и значимости после Армстронгов семьёй в Лиддлсдейле, хотя и менее многочисленная. Эллиоты и Армстронги часто блокировались друг с другом, и были таким же опасным кланом, как и любое другое семейство на пограничье.

Хэллы (Hells).

Англо-шотландский род. Широко распространенный в Ридсдейле (Redesdale), Лиддлсдейле и восточном Тевиотдейле. Холлы большая широко разветвленная семья, были одно время самыми могущественными в Редсдейле. Несмотря на значительную долю ненависти и ужаса, которые внушал этот клан населению по обе стороны границы, Холлы приобрели большое число родственников на английской стороне, благодаря удачной матримониальной политике.

Юмы, Хоумы (Humes, Homes).

Шотландский род, гремевший на протяжении столетий в истории пограничных войн. Это, пожалуй, единственная семья в приграничье, которая смогла сохранить доминирующее положение в шотландской Восточной Марке на протяжении нескольких столетий, выполняя там функцию Стражей, несмотря на часто возникающие конфликты с шотландской короной, они никогда не теряли своего влияния и высокий статус.

Никсоны (Nixons, Nicksouns).

Англо-шотландская фамилия из Верхнего Лиддлсдейла. Часто назывались «отвязанными» людьми, что говорит о стиле жизни этой семьи. Родоначальники семьи Стилов. Никсоны входили в конфедерацию Армстронги-Эллиоты-Никсоны-Кроусеры. Несмотря на сравнительно

небольшую численность, Никсоны контролировали несколько семей: Томсонов, Гленндиннинггов и Хантеров. Как и большинство семей Лиддлсдейла, Никсоны периодически вступали в союз с Англией.

Робсоны (Robsons).

Английский род широко разветвленный в Тайндейле, Лиддлсдейле и Западном Тевиндейле. Родоначальники семей Миддлноуерсов и Оунстоунов. Некоторое время Робинсоны были самой значительной семьей в Тайндейле и создавали массу неприятностей для местных жителей, совершая совместно с Карлтонами и Доддами набеги на сопредельные территории.

Скотты (Scotts).

Шотландский род, широко представленный в Западном Тевиндейле, Ивсдейле, Лиддлсдейле. Родоначальники семьи Баклеух (Buccleuch, Bapxholm). Одна из самых могущественных фамилий на всем пограничье. В их числе было много известных и разбойников и пограничных чиновников.

Средняя Марка (Middle Marches)

Бёрны (Burn или Bourne).

Род шотландского происхождения. Контролировали Восточный Тевиндейл. Одна из самых жестоких и порочных семей в Средней Марке, чьи рейды и убийства продолжались до 1590х гг¹. В середине XV в. Бёрны убили 17 человек из рода Коллингвудов, мстя, таким образом, за смерть одного из своих.

Фенуики (Fenwick).

Английский род, доминировавший в английской Средней Марке. Эта семья была достаточно знатна, могущественна и не слишком запятнана перед короной, чтобы часто занимать официальные должности в приграничье. Фенуики принимали участие во многих феодальных войнах, включая широко известную на пограничье войну с лиддлсдейловскими Эллиотами.

Керры, Карры (Kerr, Ker, Carr, Car).

Шотландский род, населявший и имевший вес в шотландской Средней Марке (стражами которого они часто были), восточном Тевиндейле, Лиддлсдейле. Они являлись родоначальниками семей Кессфордов и Фернихёрстов, враждовавших между собой.

Керры не были активны в набегах, однако имели репутацию хороших воинов, что не мешало им также иметь дурную славу взяточников.

¹ MacDonald A.J. Border bloodshed. G. P. 57.

Западная Марка (*West Marches*)

Беллы (Bells).

Населяли как английскую, так и шотландскую часть границы. Их влияние распространялось, главным образом, на Джилсленд (Gilsland), шотландская Западная Марка, Аннандейл (Annandale). Беллы являлись самым значительным родом в Западной Марке. Основным соперником Беллов за влияние на этих территориях были Грэхемы, с которыми Беллы враждовали на протяжении нескольких столетий.

Чарлтоны, иначе: **Карлтоны** (Charlton или иначе — Carleton).

Английский род, хотя в другом написании это имя встречается и на юго-западе Шотландии. Эта семья доминировала в Тайндейл (Tynedale). Чарлтоны были очень активной семьей и, так или иначе, вступали в союз и воевали со многими шотландскими родами на западе Шотландии. Главным противником Чарлтонов были Скотты из Бакклёх.

Для нас важно то, что население пограничья (точнее местные лорды), как правило, не вступало в вассальные отношения с крупными лордами и, поэтому между собой жило по праву сильнейшего. Не случайно, в этой связи, что эти земли стали приютом отбросов пограничного общества. Наиболее могущественными семьями в этом регионе были: Армстронги, Грэхемы и Стореи, которые вполне автономно регулировали здесь местную жизнь. Но и им, в свою очередь, приходилось вести тонкую политику и балансировать между интересами Перси, Дугласов, Данбаров и Невиллей.

Джонстоны (Johnstones, Johnston, Johnstoun).

Шотландский род, возможно английского происхождения, оказывавший влияние на дела шотландской Западной Марки. Желая отличаться от других «сынов Джона», Джонстоны вставили себе в имя букву «т». Они были вторым по значимости и численности после Максвеллов в своей Марке, выполняя часто функции блюстителей Марки. Главными соперниками Джонстонов были Максвеллы, их вражда считается самой длительной на границе.

Максвеллы (Maxwells).

Шотландский род, имевший значительное влияние в шотландской Западной Марке и Аннндайле. Самая значительная семья в шотландской Западной Марке долгое время соперничавшая с Джонстонами, пока в уже в XVII в. Джонстоны не взяли над ними верх.

Фостеры (Forster, Forrester, Foster).

По преимуществу английский род, контролировавший английскую Восточную Марку, английскую Западную Марку, включая бурги Лин (Line), Бьюкасл (Bewcastle), Лиддлсдейл. Фостеры — большая, но, в то же время, не очень тесно связанная поддерживающая родственные связи. Они имели родственные отношения с большинством английских семей пограничья. Шотландские Фостеры через браки также были в родстве со многими англичанами. Многие свои акции Фостеры совершали совместно с Юмами.

Грэхемы (Grahams, Graeme).

Английский род, однако, широко распространенный по обе стороны границы. Грэхемы появились в Шотландии в начале XII в. первым шотландским Грэхемом был Уилльям де Грэхем. Само имя, несомненно, местное английское — местечко Грэхем есть в Южной Англии в Линкольншире. Несмотря на свое шотландское происхождение, они были известны далеко за пределами пограничья. В сфере их деятельности находились английская и шотландская Западные Марки и Спорная Земля. Без Армстронгов Грэхемы были бы, вероятно, самым значительным семейством на пограничье. Их двойственное положение (вассальная зависимость и английской и шотландской короне), служила причиной тому, что Грэхемы не отказывали себе в том, чтобы совершать свои набеги на обе стороны границы, под предлогом службы «своему» сюзерену. Английские пограничные власти, как говорит МакДональд, «от всего сердца ненавидели их»¹, что, впрочем, не мешало им одно время быть самым значительным кланом в регионе.

До XV в. Грэхемы носили рыцарский титул, однако, уже в период регентства Олбани (1406–1419) они значительно повысили статус и стали именоваться «lords of Parliament», хотя этот титул не мог быть наследственным, однако, регентство Олбани в этом ряду является исключением.² Уильям Грэхем передал сыну графство Бачен, которое было в его владении и даровал право пользования доходами графства Росс своей внучке. Как лорд Уильям Грэхем женился на сестре Джеймса I, поэтому, когда король вернулся на родину, он не стал отменять новые титулы Грэхемов, как поступил с другими в таком случае, а их утвердил, сделав их лордами Грэхем.

¹ MacDonald A.J. Border bloodshed. G., P. 58.

² Complete of Peerage of England, Scotland, Ireland, Grand Britain and the United King E. England 1175–1425... dom extant, extinct or dormant; / / Ed. by G.E.C. L., 1887. IV, P. 70.

Хетерингтоны (Hetheringtons, Hethertons, Athertons).

Английский род норвежского происхождения, долгое время доминировавший в Хетерсгрилле (Hethersgrill) и английской Западной Марке. По сравнению со многими другими семьями пограничья, Хетерингтоны совершали меньше рейдов на соседские земли, однако, за ними закрепились слава шантажистов, взяточников и специалистов по подкупам.

Ирвины (Irvine, Irving, Urwen).

Шотландский род, игравший значительную роль в жизни шотландской Западной Марки, Аннандейла, нижнего Искдейла. Они известны, прежде всего, крепостью родственных связей. Несмотря на свою малочисленность Ирвины внесли свой вклад в беспорядки, творившиеся в Западной Марке.

Масгрейвы (Musgraves).

Английский род из английской Западной Марки. Они были весьма влиятельны в Камберленде, где долгое время служили английской короне и как солдаты, и как пограничные королевские чиновники. В то же время, есть основания полагать, что своей службой они больше покрывали свои семейные дела и рейды, чем действительно служили. Вместе с семьей Солкелдов, Масгрейвы являлись самой влиятельной семьей западной части пограничья. Семья Масгрейв также известна тем, что на протяжении 300 лет враждовала с Дакрами.

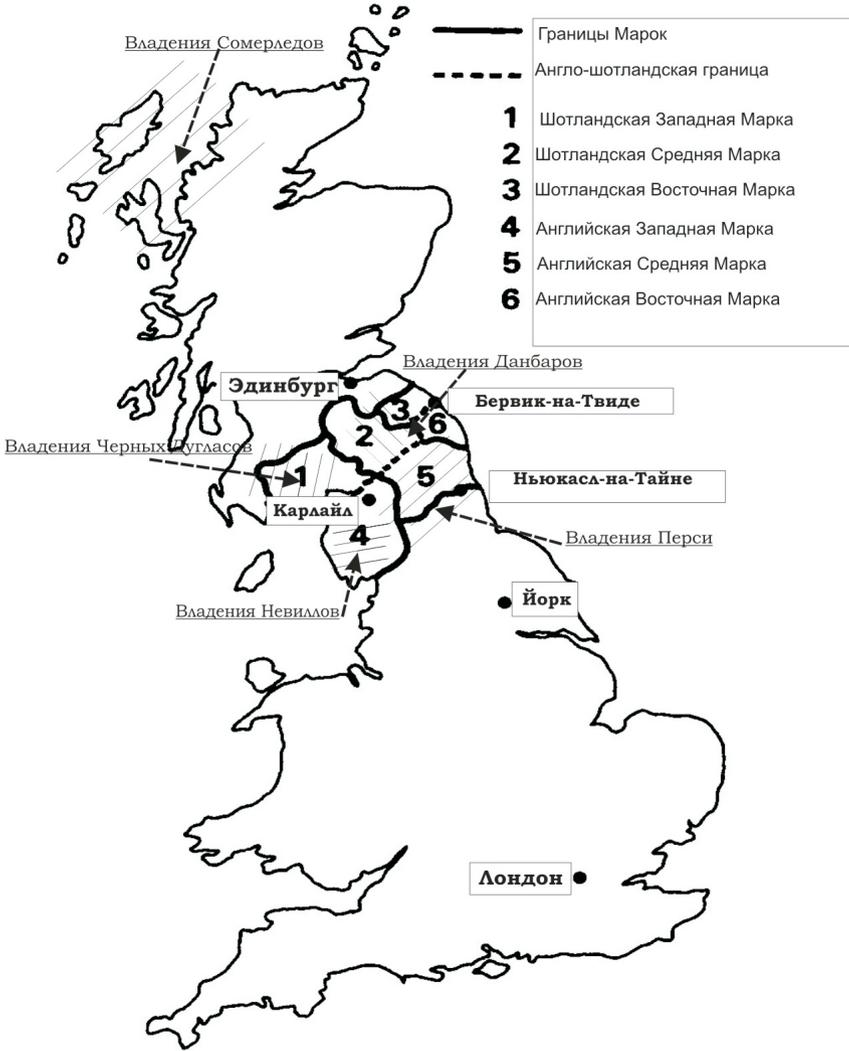
Скотты (Scotts).

Шотландский род, широко представленный в Западном Тевинтдейле, Ивсдейле, Лиддлсдейле. Родоначальники семьи Баклех (Buccleuch, Branxholm). Одна из самых могущественных фамилий на всем пограничье. В их числе было много известных и разбойников и пограничных чиновников.

Сторей (Storeys, Stories, Storyes).

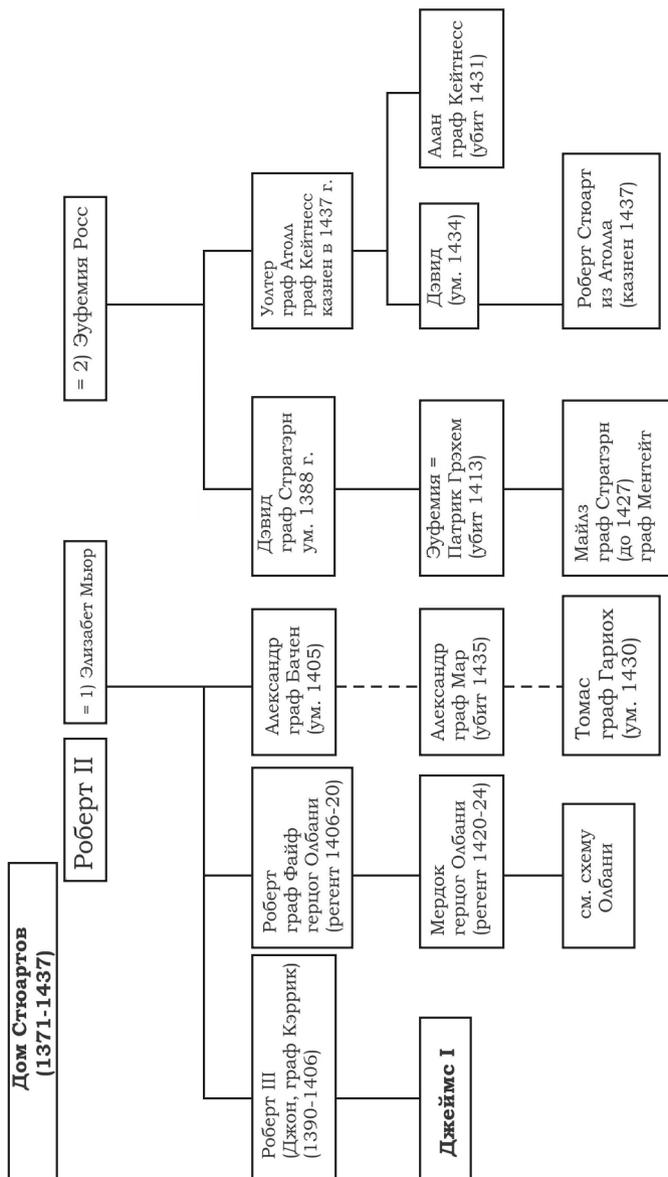
Английский род, распространенный в английской Западной Марке, английской Средней Марке, английской Восточной Марке и Искдейле. Очень большая, но крайне неудачливая в делах семья. Многолетняя вражда с Грэхемами привела к тому, что они были вытеснены из Иска, а их владения были частично захвачены и поделены между Грэхемами и Дакрами.

Приложение № 2. Карта англо-шотландского пограничья

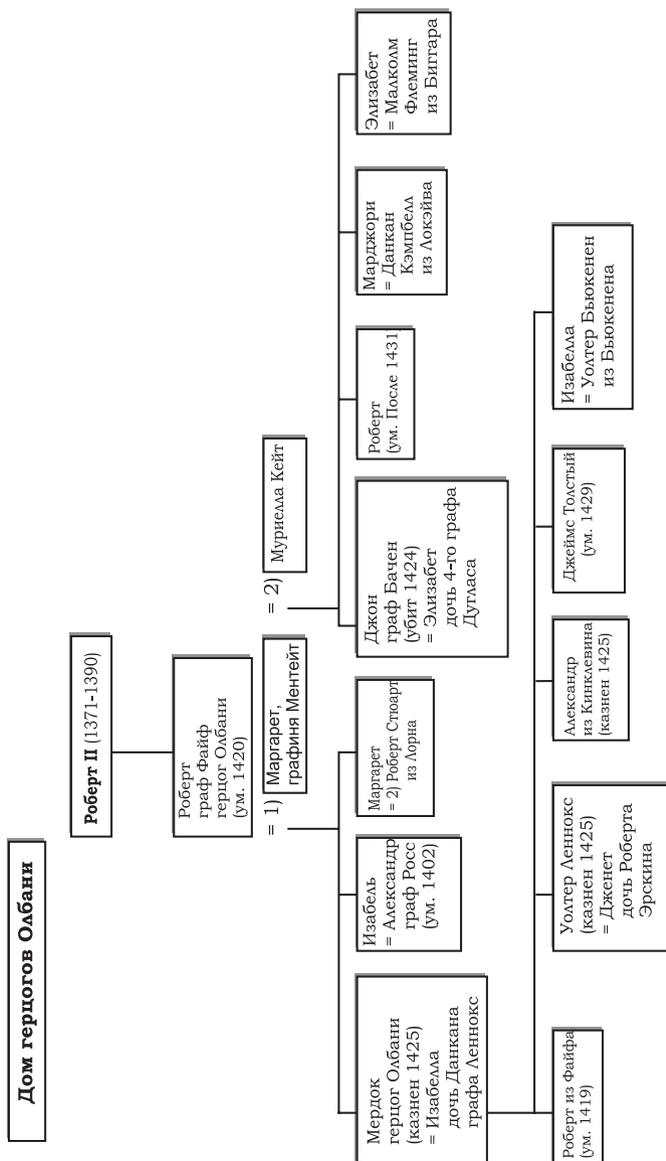

Карта англо-шотландской границы начала-первой половины XV в.

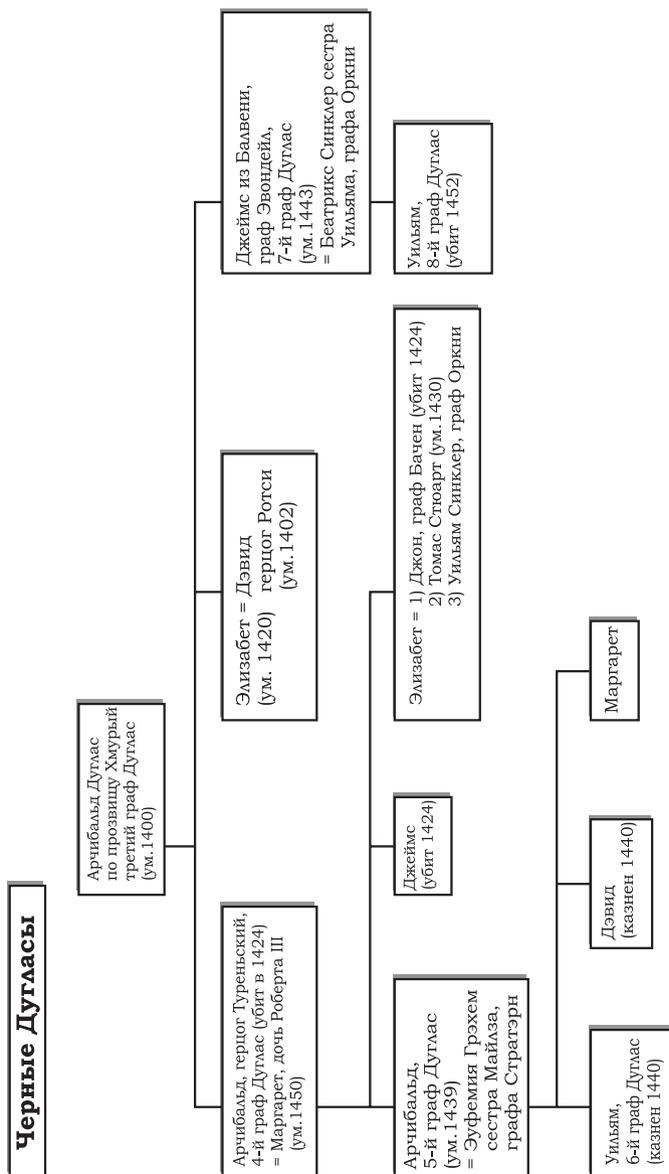
Приложение № 3. Генеалогическое древо дома Стюартов (1371–1437)

Приложение № 4. Генеалогическое древо герцогов Ольбани

Приложение № 5. Генеалогическое древо Черных Дугласов

Список использованных источников и литературы

Источники

1. A Short English Chronicle / Ed. by J. Gairdner // Three Fifteenth-Century Chronicles. N.Y., 1965.
2. An English Chronicles of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI. Oxford, 1856.
3. *Buchanan G.* History of Scotland. L., 1690.
4. Chronicle of England by John Capgrave. / Ed. by F.C. Hingeston L., 1859.
5. Chronicon Rerum Yestarum in Monasterio Sancti Albani, Regnate Henrico Sixto, a quodam Auctore Ignoto Comfttlatum. L., 1870.
6. Chronique du religieux de St-Denys, contenant le regne de Charle VI de 1380 a 1422 / Ed. par M.L. Bellaguet, Paris, 1841 Vol. III.
7. Chroniques de Monstrelet (France, Angleterre, Bourgogne) 1400–1444 / Ed. par J. Buchon. Paris, 1875.
8. Complete peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom extant, extinct or dormant. / Ed. by G. Cokayne. L., 1887–1898. Vol. I–VIII.
9. English Historical Documents / Ed. D. C. Douglas. L., 1969.
10. Foedera Conventiones, Literae, et Cujuscunque Generis Acta Publica, inter Reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates, ab Incunte Saeculo Duodecimo viz ab Anno 1101, ad nostra usque Tempora, Habita aut Traetata. Londini, 1709. Vol. IX–X.

11. Hall's Chronicle containing the History of England during the reign of Henry IV and Succeeding Monarchs. L., 1809.
12. Histoire de Charles VI, Roy de France, et des choses memorables advenues durant quarante-deux annees de son regne, depuis 1380 jusques a 1422 par Jean Juvenal des Ursins archeveque de Rheims // Nouvelle collection des Memoires pour servir a l'histoire de France. P., 1836. Vol. II.
13. Johannis Capgrave liber de illustribus Henricis / Ed. by F.C. Hingeston L., 1858.
14. Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri, Insula Sancti Columbae Abbatis. Vol. II, Edinburgh, 1752.
15. John Benet's chronicle for the years 1400 to 1462 / Ed. by L. Harris etc. // Camden Miscellany L., 1972. Vol. XXIV.
16. Les Grands traites de la Guerre de Cent ans / Publ. E. Cosneau. P., 1889.
17. Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth, King of England / Ed. by R. J. Stevenson. L., 1861–1864. Vol. I–II.
18. Letters and Papres during the reign Henry VI. / Ed. by J. Stevenson. L., 1864. Vol. I–II
19. Nouvelle collection des Memoires pour servir a l'histoire de France. P., 1836 Vol. II.
20. Recueil des croniques et anchiennes histoires de la Grant Bretagne, a present nomme engleterre par Jehan de Wavrin, seigneur du Forestel / Ed. by W. Hardy. L., 1868. Vol. II.
21. Registrum Magni Sigilli Regnum Scotorum. // Ed. by J. M. Thompson Edinburgh, 1882–1914.
22. Rotuli Scaccarii Regnum Scotorum. The Exchequer Rolls of Scotland / Ed. by G. Burnett. Edinburgh, 1880. Vol. IV–V.
23. The buik of the cronicles of Scotland or Metrical version of history of Hector Boece by William Stewart / Ed. by W.B. Turnbull esq. L., 1858. Vol. III.
24. The Chronica monasterii S.Albani Thomae Walsingham, quondam monachi S.Albani, historia Anglicana / Ed. by H. Th. Riley. L., 1864.
25. The Chronicles of Enguerrand de Monstrelet; containing an account of the cruel civil wars between the houses of Orlean and Burgundy. Translated by Johnes Thomas in 13 Volumes. L., 1810.
26. The Original Chronicle of Scotland by Andrew of Wyntown; prior of St. Sheriff's Inch in Loch Levin / Ed. by D. Laing. Edinburgh, 1872.

27. The Royal and Historical Letters during the Reign of Henry IV / Ed. by F.C. Hingeston. L., 1860.
28. The Book of Pluscarden / Ed. by F.C. Skene Edinburgh, 1888.

Литература

1. Англия и Уэльс в период позднего средневековья. / Под ред. Кузнецова Е. В. Арзамас: Изд. АГПИ. 1999.
2. Барг М. А. О так называемом «кризисе феодализма» в XIV–XV вв.
3. (к историографии вопроса) // ВИ. 1960. № 8. С. 94–113.
4. Барг М. А. К вопросу о разложении феодализма в Западной Европе. // ВИ. 1963. № 3. С. 72–87.
5. Басовская Н. И., Зверева Г. И. Союз Франции и Шотландии в системе англо-французских противоречий XII–XV вв. // СВ. 1985. Вып. 48, С. 71–90.
6. Басовская Н. И. Столетняя война: леопард против лилии М., 2002.
7. Бёрн А. Х. Битва при Азенкуре. История Столетней войны с 1369 по 1453 год. М., 2004.
8. Вайнштейн О. Л. Западно-европейская средневековая историография. М.–Л., 1964.
9. Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., Наука. 1986.
10. Грин Дж. Р. История английского народа. / Пер. Николаева П. М., Изд. Солдатенкова К. Т. 1891–1892. Т. 1–2.
11. Гриффитс Р., Томас Р. Становление династии Тюдоров. / Пер. с англ. Константиновой Н. А. Ростов-на-Дону: Феникс. 1997.
12. Гутнова Е. В. Английское феодальное государство в XIV–XV вв. //
13. СВ. Вып. 50. 1987. С. 58–76.
14. Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1974.
15. Гутнова Е. В. Английское феодальное государство в XIV–XV вв. // Средние века М., 1987 Вып. 50.
16. Зверева Г. И. История Шотландии М., 1987.
17. Иванова И., Чахоян Л., Беляева Т. История английского языка. СПб, 1998.
18. Игнатьев С. В. Конфликт графа Джорджа Данбара и графа Арчибалда Дугласа в реалиях англо-шотландских отношений в начале XV в. // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков. Тезисы докладов XVII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб, 1998. С. 16–18.

19. *Игнатъев С. В.* Принц Джеймс Шотландский в английской внешней политике в первой четверти XV в. // Эпоха средневековья: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов XVIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб, 1999. С. 35 – 37.
20. *Игнатъев С. В.* Франко-шотландский альянс в 1415–1424гг. // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XIX всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых СПб, 2000. С. 21–24.
21. *Игнатъев С. В.* Лорды Хайленда и шотландская корона в первой трети XV в. // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: материалы 12 международной конференции молодых ученых 27–30 декабря 2001 г. СПб, 2001. С. 467–476.
22. *Игнатъев С. В.* Англия и династическая перспектива Стюартов: 1424–1437 гг. // Актуальные проблемы всеобщей истории. Исследования по истории Англии (XII–XX вв.). Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2004. С. 80–99.
23. *Колмыкова Е. В.* Столетняя война и формирование английского национального самосознания. // Средние века М., 2001 Вып.62. С. 103–119.
24. *Левицкий Я. А.* Город и феодализм в Англии. М., 1987.
25. *Люблинская А. Д.* К вопросу об образовании французской народности // ВИ. 1953. № 9. С. 78–96.
26. *Перруа Э.* Столетняя война. СПб, 2002.
27. *Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии. М., 1959.
28. *Федосов Д. Г.* Рожденная в битвах: Шотландия до конца XIV в. М., 1996.
29. *Шервуд Е. А.* От англо-саксов к англичанам. М., 1988.
30. *Штокмар В. В.* История Англии в средние века. СПб, 2000.
31. *Штокмар В. В.* Религиозно-политический и национальный аспекты объединения Англии и Шотландии в начале XVII в. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л.: ЛГУ, 1978. Вып. 2. С. 92–103.
32. *Яброва М. М.* Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV — начала XVI века). Саратов, 1983.
33. A Dictionary of the Older Scottish Tongue from the Twelfth Century to the End of the Seventeenth, founded on the collections of Sir William A. Craigie. 12 vols. Chicago (1–4), Aberdeen (5–7), Oxford (8–12): University of Chicago Press (1–4) / Ed. by Craigie, William, A. J. Aitken,

- James A.C. Stevenson, Harry D. Watson, Margaret G. Dareau, and K. Lorna Pike. Aberdeen University Press (5–7), Oxford University Press (8–12), 1931–2002.
34. *Allmand C. T.* Henry V. L., 1968.
  35. *Allmand C. T.* Society at War. The Experience of England and France during the Hundred Years War. Edinburgh: Edinb. Univ. Press, 1973.
  36. *Armstrong C. A.* England, France and Burgundy in the Fifteenth Century. L.: The Hambledon Press, 1983.
  37. *Aston M.* The Fifteenth Century: The Prospect of Europe. Oxford: Clarendon Press, 1968.
  38. *Balfour-Melville E. W. M.* James I King of Scots. L., 1936.
  39. *Ball M. J., Fife J.* The Celtic Language. London & New York, 1993.
  40. *Barrow G.* Medieval Scotland. Edinburgh, 1993.
  41. *Basin Thomas.* Histoire decenaries VII / Ed. Ch.. Samaran. P., 1944. V. I–IV.
  42. *Bingham Caroline.* The Stuart Kingdom of Scotland, 1371–1603. N.Y., 1975.
  43. *Bold Alan.* Scottish clans. L., 1973.
  44. *Brown M.* James I. East Linton, 2000.
  45. *Burne A. H.* The Agincourt War. A military History of the latter part of the Hundred Years War from 1369 to 1453. Wesport, Greenwood Press, 1976.
  46. *Burton J. H.* The history of Scotland. Edinburgh-London, 1873 Vol, II.
  47. *Camden W.* Britania. L., 1585.
  48. *Campbell J.* England, Scotland and the Hundred Years War // Europe in the Middle Ages / Ed. J. Hale. Evanstone, 1965.
  49. *Carpenter C.* The Wars of the Roses: Politics and the constitution in England, 1437–1509 Cambridge, 1996.
  50. *Chrimes S. B.* Lancastrians, Yorkists and Henry VII. L., 1964.
  51. *Contamine P.* La Guerre au Moyen Age. P.: Hachette, 1980.
  52. *Contamine P.* War in the Middle Ages. Oxford, 1984.
  53. *Curry A.* The Hundred Years War. L., MacMillan, 1993.
  54. *Curry A.* The first English standing army? Military organization in Lancastrian Normandy, 1420–1450. Gloucester, 1979.
  55. *Dawson J.* Two Kingdoms or Three? Ireland in Anglo-Scottish relations in mid 16th century // Scotland and England, 1286–1815. Ed. by R.A. Mason. 1987.
  56. *Denton R. W.* England in the XVth century. L., 1888.
  57. *Dickenson W. C.* Scotland from the earliest times to 1603. Oxford, 1977.

58. *Donaldson G.* The Edinburgh History of Scotland. Edinburgh, 1976. Vol. II.
59. *Dunlop Annie.* Scots abroad in the XVth century. L., 1942.
60. *Earle P.* The Life and Times of Henry V. L., 1972.
61. *Fowler K.* The Age of Plantagenets and Valois (The Struggle for Supremacy 1328–1498). L.: Putnam, 1967.
62. *Fry Somerset Peter and Fiona.* The History of Scotland. L&N.Y., 1993.
63. *Gaidner J.* The houses of Lancaster and York. With the conquest and loss of France. L., 1874.
64. *George MacDonald A.J.* The Steel Bonnets. N.Y., 1972.
65. *Goodman A.* A History of England from Edward III to James I. L.–N.Y, 1977.
66. *Gorlich Monfred.* Scots and Low German: The social history of two minority languages // Focus on Scotland. Amsterdam, 1985.
67. *Green J. R.* The history of English people. L., 1880. Vol. II.
68. *Griffiths R.* The reign of King Henry VI: The exercise of royal authority, 1422–1461. L., 1981.
69. *Gunnel Melchers.* Language attitudes in the Shetland Isles // Focus on Scotland. Amsterdam, 1985.
70. *Hassall A.* The History of British Foreign Policy from the earliest times to 1912. Edinburgh, 1912.
71. *Holmes G.* The later Middle Ages 1272–1485. L., 1974.
72. *Houlbrooke R.A.* The English Family. 1450–1700 L., 1984.
73. How to Pronounce Older Scots. In Bards and Makars: Scottish Language and Literature: Medieval and Renaissance / Ed. by Adam J. Aitken, Matthew P. McDiarmid and Derick L., 1973.
74. *Howard M.* War in European history. Oxford, 1976.
75. *Hume D.* The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688 L., 1822. Vol. IV.
76. *Jacob E. F.* Henry V and the Invasion of the France. L., 1947.
77. *Jacob E. F.* The XVth century The XVth century. Oxford, 1968.
78. *King E.* England 1175–1425. L., 1979.
79. *Kingsford C. L.* Henry V. L., 1923.
80. *Lang A.* A History of Scotland from the Roman occupation. Vol III, Edinburgh&London, 1906.
81. *Lindsay Robert.* The History and Chronicles of Scotland Vol. I–II. L., 1899–1911.
82. *Linklater Eric.* The survival of Scotland. A new history of Scotland from the Roman times to the present day. N.Y., 1986.

83. *Lloyd J.* Own Glendower. Oxford, 1931.
84. *Lomas R.* A power in the land: the Percys. East Linton, 2000.
85. Lowland Scots: Papers Presented to an Edinburgh Conference. With Supplement ed., Association for Scottish Literary Studies, Occasional Papers, no. 2. / Ed. by A. J. Aitken. Edinburgh: Association for Scottish Literary Studies, 1981.
86. *Luce S.* La France pendant la guerre de Cent Ans. Paris, 1890.
87. *Lynch M.* The Scottish Medieval town Edinburgh, 1988.
88. *MacDonald A. J.* Border bloodshed. Scotland, England and France at war, 1396–1403. East Linton, 2000.
89. *Macdougall N.* An antidote to the English. The Auld Alliance, 1295–1560 East Linton, 2001.
90. *Martin H.* La guerre de Cent Ans. Paris, 1894.
91. *McFarlane K.* England: the Lancastrian kings, 1399–1461 // Cambridge Medieval History. Cambridge, 1936. Vol. VIII.
92. *McKinnon J.* The constitutional history of Scotland from Early Times to the Reformation. L., 1985.
93. *Mitchison R.* History of Scotland. L.&N.Y, 2002.
94. *Monroe D.* Monroe's Western Isles of Scotland and genealogies of the clans 1549. Edinburgh, 1961.
95. *McFarlane K.* The Nobility of later medieval England: The Ford lectures for 1953 and related studies. Ox ford, 1973.
96. *Newhall R. A.* The English Conquest of Normandy 1416–1424. L: New Haven, 1929.
97. *Nicholson R.* The later Middle Ages: Scotland. Edinburgh, 1974.
98. *Norman F. Cantor.* The English: A History of Politics and Society to 1760. N.Y., 1967.
99. *Oman C.* A history of thr art of war in the Middle Ages. L., 1924.
100. *Oman C. W. C.* The Political History of England. 1399–1485. L., 1918.
101. *Oman C.* Warwick the King-Maker. L., 1893.
102. *Oman C.* A History of England. London, 1904. Vol. III.
103. *Ormrod W. M.* Political Life in Medieval England, 1300–1450. L., 1995.
104. *Perroy E.* La guerre de Cent Ans. Paris, 1945.
105. *Ramsay Y.* York and Lancaster a century of English History. Oxford, 1892.
106. *Rosentbal J. T.* Nobles and Noble Life. 1295–1500. L., 1973.
107. *Russell C.* The Causes of the English Civil War Oxford, 1989.
108. *Sayer M. J.* English Nobility. Norwich, 1979.

109. *Scott W.* Anne of Geierstein. Leipzig, 1871.
110. *Scott W.* History of Scotland. Paris, 1831.
111. Scottish capitalism. Class, State and Nation from before the Union to the Present / Ed. by T. Dickson. L., 1980.
112. *Simpson M. A.* The Campaign of Veneil // EHR. 1934. V. 49, № 193.
113. *Skene W. F.* Celtic Scotland. Edinburgh, 1886. Vol. I–III.
114. *Smout T. C.* A History of Scottish People. L., 1972.
115. *Spotliswood J.* The History of the Church of Scotland, beginning the Year of Our Lord 203, and continued to the end of the Reign of King James the IV. L., 1655.
116. *Stubbs W.* The Constitutional History of England. Oxford, 1878. Vol. III.
117. *Summerson H.* Medieval Carlisle: the city and the borders from the late eleventh to the mid-sixteenth century. Kendal, 1993. Vol. I.
118. *Tanner R.* The Late Medieval Scottish Parliament. Politics and the Three Estates, 1424–1488. East Linton, 2001.
119. The Concise English-Scots Dictionary / Ed. by Macleod, Iseabail, and Pauline Cairns Edinburgh: Chambers, 1993.
120. The Concise Scots Dictionary / Ed. by Robinson Mairi. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1987.
121. The Edinburgh History of the Scots Language. / Ed. by Jones Charles Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997.
122. The first English life of King Henry V. Oxford, 1856.
123. The Scots Thesaurus / Ed. by Macleod, Iseabail, Pauline Cairns, Caroline Macafee, and Ruth Martin Aberdeen: Aberdeen University Press, 1990.
124. The Scottish Society in the XV th century / Ed. by J. Wormald. Edinburgh, 1978.
125. *Thomson S.* 1–21. Glasgow: University of Glasgow Press, 1977.
126. *Thornton-Kennedy C.* Bonnet Lairds. Montrose, 1972.
127. *Trevelyan G. M.* History of England. L., 1926.
128. *Tuck A. A.* Crown and Nobility. England 1272–1461. Padstow, Cornwall, 1999.
129. *Turner H. L.* Town defence in England and Wales. An architectural and documentary study A.D. 900–1500. L., 1970.
130. *Tytler P. F.* Celtic Scotland. Ed., 1880 Vol. III.
131. *Tytler P. F.* History of Scotland. Edinburgh, 1888–1896. Vol. III–IV.
132. *Vale M. G. A.* War and chivalry. Warfare and aristocratic culture in England, France, and Burgundy at the end of the Middle Ages. L., 1981.

-
133. *Vickers K. H.* England in the later Middle Ages. L., 1950.
  134. *Vickers K. H.* Humphrey, Duke of Gloucester. L., 1907.
  135. *Walker D.* Medieval Wales L., 1996.
  136. *Webster B.* Scotland from the XIth century to 1603. N.Y., 1975.
  137. *Wedgewood J. C.* History of Parliament, Biographies of Members of the Commons House, 1439–1509 L., 1936.
  138. *Wells J. C.* Accents of English 2. The British Isles. Cambridge, 1992.
  139. Whither Scottish History. Proceedings of the 1993 Strathclyde Conference // Scottish Historical Review, Aberdeen, 1994. V. 73, № 195.
  140. *Wilkinson B.* The later Middle Ages in England, 1216–1485, L., 1993.
  141. *Williams C. H. K.* England: the Yorkist kings, 1461–1485 // Cambridge Medieval History Cambridge, 1936. Vol. VIII.
  142. *Wormald J. C.* Kirk and Community, 1425–1603 N.Y., 1988.
  143. *Wyllie J., Waugh W.T.* The Reign of Henry V. Cambridge, 1914–1924. 3 vols.
  144. *Wyllie J. H.* England under the reign of Henry IV. L., 1888–1894. Vol. I–IV.

Оглавление

От автора	5
Введение	7
Глава I. Англо-шотландское Пограничье в начале XV в.	20
§ 1. Лорды пограничья и англо-шотландские конфликты на рубеже XIV–XV вв.	20
§ 2. Пограничье без Перси: ключевые моменты англо-шотландских отношений в 1406–1413 гг.	66
Глава II. Характер англо-шотландских отношений в период от битвы при Азенкуре до начала войны «Алой и Белой розы»	87
§ 1. Роль шотландского корпуса в Столетней войне	88
§ 2. Джеймс I: английский опыт и шотландская практика	100
§ 3. От затишья на англо-шотландской границе к новой «пограничной войне»	128
Заключение	140

Приложения

<i>Приложение № 1.</i> Краткий перечень основных дворянских родов англо-шотландского пограничья	147
<i>Приложение № 3.</i> Генеалогическое древо дома Стюартов (1371–1437).....	154

<i>Приложение № 4. Генеалогическое древо герцогов Олбани .....</i>	<i>155</i>
<i>Приложение № 5. Генеалогическое древо Черных Дугласов .....</i>	<i>156</i>

**Список использованных
источников и литературы**

Источники	157
Литература	159

Сергей Валерьевич Игнатьев

ШОТЛАНДИЯ И АНГЛИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.:
ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Корректор *И. Е. Иванцова*

Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел. / факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

ISBN 978-5-91419-385-7

9 785914 193857

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6/3, стр. 5. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездиковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21

Магазин издательства «Совпадение». Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 02.06.2010. Формат 60×88¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,3. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 35.

Отпечатано в ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина».

190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., д. 3.